

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕДУШКИ ЕРЁМЫ

Прошло больше года. Я уже не думал, что увижу дедушку Ерёму. Но в один из летних дней родители, разговаривая меж собой, упомянули его.

– Нам бы тоже надо на месте крыльца построить веранду, – сказала мама.

– На что веранда? У нас и сени, и кладовая. Вон и летняя кухня. И стол обеденный в тени под деревьями, – возразил отец.

Он не был ни плотником, ни столяром и знал, сколько времени потратит, чтобы построить веранду. Да и получится ли она у него?

– Обувь на крылечке... Не уследишь, когда дождик начнётся. А так – мокнуть не будет, – не сдавалась мама.

– Для этого достаточно навеса... и оградить по периметру.

– Может и так. Евсеевы Ерёму пригласили.

– Какого Ерёму? – не сразу сообщил отец.

– Того, что у нас дом обшивал.

У меня ёкнуло сердце. Неужели дедушка приехал? Если до этого я слушал вполуха, то сейчас пододвинулся поближе.

– Веранду решили построить, – продолжала мама.

– К нам-то что не зашёл?

– Вчера только приехал. Надо на ужин пригласить.

– А пойдёт ли? – засомневался отец.

– Можно, я его приглашу, – не терпелось мне увидеть дедушку и узнать, привёз ли он новые сказки. Ведь говорили, что видели его в Змеиногорске. Он там нанялся кому-то поставить дом.

– Скажи, что мама с папой его на ужин приглашают, – повернулась ко мне мама. – И пирожков возьми для угощения.

Пирожки – это самое лучшее угощение в деревне. По ним определяли, достойную ли невестку выбрал сын.

Если пироги у неё получались на славу, то характером она добра и покладиста. И в руках у неё будет всё спориться. Пирожками всегда меж собой соседки делились, особенно когда выпечка получалась пышной и румяной. Пирожки у мамы получались на славу...

– А сколько взять пирожков? – обрадовался я, что будет причина увидеть дедушку.

– Каждого по паре.

Получалось, что надо взять десять пирожков. Маме пекла их с разной начинкой: с клубникой, с яблоками и просто с повидлом...

– Ну, тогда я побежал...

Дедушку я увидел с северной стороны дома, там, где примыкали сени с кладовой. Здесь была тень, и можно было укрыться от жары. К сплошной бревенчатой стене он уже установил верстак и раскладывал на нём инструменты.

– А, внучек, – увидев меня, заулыбался Ерёма и, когда я поравнялся, присев, обнял меня и прижал к себе. – Скучал я по тебе, милый...

– Вот, мама пирожками угостила, – когда освободился из объятий, протянул я пакет старику. – И ещё... просила пригласить к нам на ужин.

– Ну, спасибо. Не ожидал. Пирожки ваши я вспоминал. И на ужин приду. Только не сегодня. А то хозяйка наготовит целую кастрюлю с расчётом на меня, а я не попробую. Придётся свиньям выливать. Обидится.

Казалось бы, что такого – разогревай борщ и ешь его целую неделю. Но это в городе. А в деревне всегда на столе должна быть свежая и живая пища. Потому, наверное, и дети здоровые...

– А сказки новые ты, дедушка, привёз? – не выдержал я.

– И сказки привёз, – заулыбался Ерёма. – Но вот только не знаю, какие ты оценки за год получил? Вдруг не сдержал обещание и нахватал троек.

– Только одну получил. По русскому... – склонил я голову.

Весной я обещал, что будут полу-

чать только четвёрки и пятёрки, но не хватило времени... Получается, что обманул.

– Только одна? – удивился дедушка. – Не так уж плохо. Вижу, что старался. А это самое главное, когда человек пообещает, а потом старается выполнить своё обещание. Ну и что, что немного не получилось? Ты же старался, а это не является обманом. Думаю, всё равно выполнишь обещание.

– Обязательно, дедушка! В следующем году! – обрадовался я, что тот поверил мне. Ведь когда тебе верят, все силы приложишь, чтобы не обмануть человека...

– Покушаем пирожки, и я расскажу тебе одну из сказок, – сказал Ерёма.

– Я пирожков не хочу. Дома накушался, – стал отказываться я.

– Но сказку-то слушать хочешь?

– Угу, – кивнул я головой.

– Тогда подожди, приберу немного, – тронул дедушка инструмент...

НОЧНОЙ ВОЛК

Дедушка не хотел оставлять сваленный в кучу инструмент. Не по правилам это. Всё должно быть разложено по полочкам и занимать своё место. И он взялся наводить порядок. Мимоходом проверял, острый ли топор, правильно ли сделан развод зубьев пилы. Пробовал пальцем остроту ножа рубанка. Наконец я дождался, когда он закончит наводить порядок.

– Пойдём вон к тому бревну, – указал он на лесину под кустом черёмухи.

Эту лесину будто специально положили там, чтобы в летний жаркий день можно было присесть в тени и отдохнуть. Я и сам любил сидеть на ней. Приятно пахло древесиной. Говорили, что она источает лечебный воздух и отгоняет болезнетворные микробы. Дышать здесь было легко и свободно...

– Перед работой надо передо-

хнуть. Иначе дело пойдёт не так, как желаешь, – уселся Ерёма на бревно.

– Почему не так? – не мог понять я. – Ведь чем быстрее приступишь, тем быстрее сделаешь.

– Дело не требует суеты.

– Но оно же неживое.

– Неживому тоже нужен отдых. Иначе сломается. Может пойти не так, как задумывал. Захочешь потом исправить, не исправишь. Разве только сначала начинать. Так о чём ты хотел послушать? – наконец перешёл к моему «делу» дед Ерёма.

Тут-то я понял, почему перед любым делом надо отдохнуть. Иначе сказка может не так рассказаться.

– Расскажи о том, что слышал, когда в Змеиногорске жил.

– Тогда начну с первого...

* * *

В деревне объявился волк. Не раз его ночью видели, но убить не могли. Слишком хитрым оказался, вроде человека в зверином обличи. Не успеешь подумать, а он уже знает. Был тут, а через минуту в другом месте рыщет, жертву ищет. Как ни старались – не могли уберечь от него скотину. Любые запоры сорвёт, даже специально придуманные засовы снимет. Проберётся в загон, задавит корову и кровь из неё высосет. Была в семье кормилица – и нет её. После этого даже собаки мясо не ели.

Долго думали люди, что делать. И решили по ночам засады устраивать. Но хищник издалека чуял железо с порохом, потому стороной обходил опасные места. А потом на целую неделю исчез. Стоило людям успокоиться, как волк на деда Потапа напал. Задремал тот во дворе на душистом сене, а когда услышал рык – поздно было. Волк перед ним стоит, глазами жёлтыми сверкает, а на загривке шерсть дыбом. Соскочил дед и со страху в дырку узкую под потолком выскользнул. Волк за ним – да головой ударился. Лоб у него оказался широким, как у племенного быка. Тогда в двери выскочил и за дедом бросил-

ся, догоняет его и за пятки хватает. Так и стянул с деда сапоги. Тот уже босиком бежит. Тогда волк за одежду стал клыками цепляться. Спустил со старика и рубаху, и портки. Нагим дед в дом заскочил и всех переполошил.

Когда сельчане об этом узнали – не поверили, на смех старика подняли. Но вскоре Колька Ханин домой голым прибежал. А потом второй и третий мужики в оборванных одеждах прибежали. А когда в очередной раз волк набросился и жертве спину когтями до ран кровавых разодрал, только тогда поверили.

Вот и Иван... Услышал он детский визг, выглянул в окно, а это Петька с Димкой, дети его, со страху визжат. Как они оказались на улице в поздний час – не понять. Ведь только что в доме в прятки играли. Распахнул Иван двери, а дети его чуть с ног не сбили, бросились под кровать и в дальний угол забились. Иван на улице сунулся и на крылечке с волком столкнулся. Зверь не ожидал взрослого увидеть, замер на секунду и этого хватило Ивану. Успел он захлопнуть дверь перед волчьей пастью. Волк зарычал со злости, а потом когтями дверь рвать и зубами дерево грызть, только треск стоит...

Иван к детям, а те дрожат, слова вымолвить не могут. Только на комнату свою пальцами кажут. Иван туда, смотрит – окно распахнуто. Захлопнул окно, а волк тут как тут. Клыками сверкает, слюной брызжет и налитыми злостью глазами пожирает. Задёрнул Иван занавеску, да с молитвой окно перекрестил. Слышит – волк завыл, а потом с визгом бросился прочь.

Когда дети пришли в себя, рассказали, что решили посмотреть, как искорки с неба падают.

– Разве я вам не говорил, что в гнилые ночи опасно выходить на улицу. Если больной в такую ночь выйдет, помрёт. А кто в путь отправится – до места не дойдёт. В безлунные ночи вся нечистая сила объявляется.

– Но такими ночами звёзды лучше видно, – хныкали дети.

– Лучше-то лучше, а о том, что волк по округе рыщет и скотину рвёт, вы не подумали? Но мало ему скотины – за людей взялся...

Иван ещё немного побурчал и спать детей уложил. Уснула и жена. Только к одному Ивану сон не шёл. Переволновался. Бродит из угла в угол, тайком на улицу поглядывает. На всякий случай рядом ружьё приготовил.

Когда забрезжил рассвет и наперебой закукарекали петухи, выпянул Иван в окно и отшатнулся. Огромный волк в соседский колодец с разгону сиганул, да там и исчез. Иван за ружьё – и босиком на улицу... Подскочил, в колодец пару раз пальнул, спешно творило на сруб накиннул, сверху камень тяжёлый положил и для верности сам уселся и ружьё наизготовку приготовил. Задрожала крышка, а потом в неё кто-то так стал царапаться, что затрясся сруб. Упал Иван грудью на крышку, руки в стороны раскинул и за сруб уцепился. Держится из последних сил. А волк головой долбится, усталости не знает. Хорошо, что вскоре огни в домах зажглись и люди на улицу по нужде вышли. Смотрят, с Иваном неладное что-то творится, бросились к нему. А когда узнали в чём дело – на помощь пришли. Понял волк, что не справится ему с людьми, взвыл, да так, что задрожала земля, а потом ходуном заходила, людей из стороны в стороны закачало. И дома затрясло, да так, что стёкла в окнах зазвенели. Завыли, заголосили женщины. Да и мужчины не удержались, закричали от страха. И в этот момент вихри чёрные поднялись, песок в глаза бросают, вроде как людей ослепить хотят. Только тогда поняли сельчане, кого в колодце заперли, и пуще прежнего на крышку навалились. А тут Иванов петух на кол взлетел, голову задрал и глотку во всю мощь драть... Всё разом стихло. В колодце кто-то в воду упал и зарыдал человеческим голосом. Что делать – никто не знает. Хорошо, что дед Потап за водой вышел. Он и сказал, что не надо слушать

нечистую силу. Она, чтобы вызвать жалость, может заплакать, как ребёнок. И посоветовал напрочь заколотить колодец.

Когда заколотили колодец крест-накрест досками, вспомнили про соседа. Не видели его с вечера. Да и утром он из дома не выходил. А должен был появиться на шум. Кинулись, а у того двери нараспашку и в доме пусто. Глянули туда, глянули сюда – не видать соседа. Подумали и решили, что волк его сожрал. Не зря из колодца мужские рыдания доносились.

Избавились сельчане от лютого зверя, но одна беда не приходит, обязательно за собой подругу приводит. Стала в колодцах вода гнить. Не то что пить нельзя – мыться опасно. Затужили люди, а потом принялись на реку с ведрами ходить. Не зря на ней мельница стоит. Говорят, что мельники с нечистой силой якшаются. С тем же водяным. Мукой незаметно ублажают. А кто этого не делает, у тех мельницы половодьем сносит. А у мельника мельница стоит прочно. И вода в речке прозрачная, как слеза. Не будет же водяной в гнилой воде жить. Ну, а коль мельник дружит с водяным, то и поинтересовались у него сельчане, как избавиться от гнилой воды.

Тот сверкнул белёсыми глазами и говорит:

– Оборотня вы в колодце заперли.

– Какого оборотня? – удивились сельчане.

– Того, что соседом Ивану приходится, – сказал мельник и так захохотал, что земля под ногами затряслась.

Люди поначалу испугались, а потом стали вспоминать: если сосед с кем поссорится – у того корова падёт. Вот и с Колькой Ковалёвым из-за покоса поссорился, а вскоре у того корова без вымени осталась.

И Димка с Петькой, видать, чем-то не угодили, что он бросился за детьми.

Знали люди, что зол сосед, да

предположить не могли, кем он является. Похоже, от злости своей лютой он нечистой силе продался.

Но что делать с колодезной водой, мельник не сказал.

А из-под крышки колодца, что ни ночь, жуткий вой по всему селу разносится. Будто вся нечисть туда слетелась и людей страшит. Да что людей, собаки по конурам забились, боятся морды высунуть, не говоря о том, чтобы тявкнуть. И кони копытами землю бьют и ноздрями фыркают. А иные протяжно ржут, будто в степи вырваться хотят.

Измучились люди. Ночами не спят, а днём работать надо. Собрали сход и стали советоваться – что делать. Тут дед Потап слово взял и посоветовал батюшку из Змеиногорска пригласить. Свою церковь-то не построили. Денег собрать не смогли.

Приехал батюшка молодой, которого недавно прислали на службу в змеиногорскую церковь, и крестным ходом вокруг села пошёл. Люди гуртом за ним двинулись. Давят друг друга, пытаются к батюшке поближе придвинуться, чтобы нечистая сила сзади не подкралась и зазевавшегося не ухватила.

Налетел опять ураганный ветер. С ног валит. Только батюшка крепко на ногах стоит. Когда трижды обошли село, батюшка над колодцем склонился и молитву читать... Хлынула сквозь щели из колодца вода фонтаном. Люди шарахнулись в разные стороны. Только батюшка не движется.

Из других колодцев вода паром за клубилась. Но батюшка внимания не обращает. Надо главный колодец, в который волк сиганул, водой, набранной на крещенские морозы, освятить.

И стоило батюшке воды в него плеснуть, как повисла над деревней тишина. Стало слышно пение птиц. И собаки вылезли из конур и с радостным лаем бросились кружить по селу. И кони перестали рваться из загона.

А батюшка зачерпнул из колодца водицы, та светлей слезы. Выпил, обтер губы и сказал:

– Нет больше нечистой силы в вашем селе. С Божьей помощью я её изгнал.

– А сосед? Куда он делся? – не удержался Иван.

– Не вернётся. Это он превращался в волка. Под утро бросался в колодец, водой холодной ополаскивался и в человека превращался. Пока не рассвело, домой возвращался. А вы его заперли. На века вечные теперь в волчьем обличии останется. Чертям вместо коня служить будет, на спине своей катать, – сказал батюшка и отправился пешим ходом в Змеиногорск.

Его уговаривать, чтобы с почётом на тройке подвезти. К тому же видели, что батюшка очень сильно устал. Даже думали, что жили на лбу у него лопнут, когда тот при помощи молитвы с нечистой силой боролся. Ушёл батюшка, и успокоились люди. А вскоре почти совсем забыли про волка. Считали, что не стоит воспоминаниями тревожить нечистую силу. Она только того и ждёт, кто её вспомнит или позовёт. Потому ворожить и гадать опасно. Особенно когда луна исчезает и наступают гнилые ночи.

ПОДЗЕМНАЯ ЦЕРКОВЬ

Зная, что дедушка последнее время работал в Змеиногорске, я решил узнать – правду ли говорят, что в Екатерининской шахте под землёй была церковь. С нетерпением ждал наступления утра, и как только взошло солнце, поспешил к старику.

– И не только церковь, – присев на бревно, задумался старик. – В шахтах каторжники были прикованы к стенам. Был моложе, спускался вниз и своими глазами видел кандалы. Хоть и ржавые, но целые, со стен свисают. Попробовал на вес, тяжеленные до ужаса. Как их каторжане на себе носили – ума не приложу.

– А церковь видел?

– Церкви не видел, но рассказать могу. Если, конечно, хочешь, – улыбнулся старик.

– Расскажи, дедушка, – стал я упрашивать его.

– Ну, если хочешь, то садись поудобней и слушай, – пододвинулся он на бревне.

* * *

В Кольвано-Воскресенских шахтах стали пропадать люди. Минуту назад долбил мужик киркой породу, а потом глянут – кирка валяется, а мужика нет. Кричать ему, звать его, но в ответ только глухое эхо из глубин шахты доносится. Не один уже мужик так исчез, и стали люди отказываться работать в шахтах. Их силой принуждать, но те не идут. Запротестовали.

Вот и казна царская почти опустела. Узнав, что творится на рудниках, забеспокоилась царица. Но что делать с вольными людьми? Как заставить трудиться? И так насилу крестьян в рабочие приписали. Кто не хотел, того под ружьём на шахту привели. Теперь бы в кандалы их надо, но как бы не вышел бунт.

Подумали и решили – со всей России каторжан собрать. А чтобы их никто не уволок – к стенам каменным приковать. И ночлег решили тут же устроить. Теперь никто и никуда не исчезнет. Для пущей важности охрану на входе поставили. Также приказали: спускаться в шахту ежедневно и проверять, в поте лица ли трудятся каторжане и обязательно пересчитывать. Если что, сразу наверх докладывать.

Но что ни день – недосчитываются каторжан. Когда одного, когда двоих. Только цепи железные с кандалами со стен свисают, да кирка в стороне валяется. А тут сам стражник вскоре исчез, хотя и гирю двухпудовую к ноге привязывал, чтобы его нечистая сила не уволокла. Гиря осталась, а стражника нет.

Стали поговаривать, что чудище лохматое в волчьем обличии объявилось, оно и губит людей.

Вспомнили про оборотня в колдце, и как бабушка молодой с ним

справился. Запечатал того в подземном царстве при помощи молитвы, вот и мстит теперь этот оборотень людям. На свет Божий выйти ему нельзя, потому подземное царство стало домом родным.

Долго думали и гадали, что делать. И ничего лучшего придумать не смогли, как священника в шахту спустить. Но кого? У всех дети – мал мала меньше. Да и кому хочется в подземелье гнить? Если не от нечистой силы сгинеешь, то лихорадку подхватишь и долго не проживёшь. Сыро и холодно в шахте, по сводам вода струится. Даже подземные водяные колёса высотой с пятиэтажный дом не успевают её откачивать.

Подумали и вспомнили про молодого священника. Не он ли это устроил, что нечистая сила разбушевалась и покою не даёт? Дело-то государственное, казна с каждым днём пустеет. За такие дела другого бы сразу в кандалы, но тут священник... Надо по-иному с ним. К совести призвать. А если откажется, тогда силой принудить. К тому же у священника ни жены, ни детей. Если что случится – некому будет по нему слёзы лить.

Батюшку долго уговаривать не пришлось. Видит тот, что беда к людям пришла, пусть они и каторжане, но они же божьи создания. Пусть и оступились когда-то. Кто из нас не оступается? Будь все святыми, не нужны были бы священники. Спасать надо людей не только от оборотня страшного, но и от грехов. На путь истинный наставлять. Поэтому бабушка даже обрадовался, что честь ему такую оказали.

Спустился он в шахту, читает молитвы, водой стены окропляет, а люди как пропадали, так и пропадают. Посерел бабушка, не знает, как силу дьявольскую побороть. А потом потребовал в шахте церковь построить. Сначала руководство воспротивилось. Где это видано, чтобы в шахте подземная церковь была? Но когда царица узнала об этом, приказала выполнить всё, что просит тот.

Построили церковь, батюшка требует колокольно соорудить.

– Да ты в своём уме?! – взбеленился управляющий.

А священник ему:

– Креста и колокольного звона всякая нечисть боится. Где с крестом пройти не сможем, туда колокольный звон дойдёт. Нечистая сила боится его страшнее геенны огненной. Или ты хочешь, чтобы царица узнала о твоём отказе?

Поморщился управляющий и дал приказ отлить колокола тут же на заводах и опустить их в подземную церковь.

Когда опустили колокола, священник тоже спустился в шахту и больше не появлялся на поверхности. Читает в церкви подземной непрерывно молитвы и в колокола звонит. Даже на поверхности слышен их звон, и под ногами земля гудит.

Перестали в шахте пропадать каторжане. Наоборот, потянулись к церкви, молиться стали, Господа Бога просить, чтобы тот отпустил им грехи. Даже самые отъявленные безбожники стали верить в Бога.

Но вот беда, хотя и осознали каторжане, что недобрые дела они творили, не выпускают их из шахты. Наоборот, ещё крепче в кандалы заковывают да к стенам приковывают.

А батюшка вместе с ними тяготы жизни несёт. Умоляли его, чтобы хоть раз в неделю он на свет Божий поднимался. Все люди возлюбили батюшку и жалостью к нему пропитались. Даже стали на начальство рудниковое роптать. Видят те – кабы бунта не произошло, в приказном порядке батюшке говорят:

– Сам не выйдешь из шахты, силой выведем.

– Какой же я священник, если не испытаю того, что мои прихожане?

– Какие они прихожане? – пышет злобой управляющий. – Они каторжане! На вечные работы сосланы!

– Чтобы лечить больных, врач

должен быть среди них. Вот и ответь мне: как мне души их вылечить, если не с ними быть? Пора бы их простить и на волю отпустить. Каждый день вижу на лицах их слёзы, когда стоят на коленях перед образами.

– Пока не сгниют, не видать им света! – отрубил управляющий.

– А матушке-царице отправляю мою просьбу?

– Ещё чего захотел? У неё и без нас забот хватает.

– Тогда я сам отправлю.

– Погоди, не спеши. Прослышала она, что много золота из наших шахт поступать в казну стало, сама решила посмотреть, в чём дело, – заявил управляющий и не обманул.

Появилась на шахтах царица в золотых нарядах и попросила показать батюшку. Стала подумывать, не взять ли его с собой в столицу и в храм самый главный на службу поставить.

– Как же, матушка, я больных могу оставить? – ответил ей священник.

– Больных, батюшка, везде хватает. А в столице их больше.

– Соглашусь я при одном условии. Отпусти из шахты тех, кто уже выздоровел. Остальных я с собой в столицу возьму.

– Как же я могу их отпустить? Их же суд судил, а не я.

– Но ты, матушка, на то и царица. В твоей власти их помиловать.

– Если я всех отпущу, кто же будет мне золото добывать? Не ты ли, батюшка? – сверкнула чёрными глазами царица.

– Будешь, матушка, хорошо людям платить, тогда и работники найдутся. К тому же я силу нечистую из шахты изгнал. Никто теперь мешать не будет.

– О казне, батюшка, государевой я забочусь. Раздать её легко, а вот накопить... Не о себе я беспокоюсь, а о своих поданных. Если государство будет нищим, то и поданные обнищают. А вдруг враг на нас нападёт? Где мне деньги взять для защиты государства? Поэтому, батюшка, каждый должен

нести свой крест. Каторжанин на каторге, а царица государством управлять. Не могу я помиловать преступников. Не в моих это силах.

– Тогда, матушка, я останусь с ними, – заявил священник.

– Ах, ты так?! – вспыхнула царица и приказала как можно суровее обходиться с каторжанами. Голодом их морить и холодом, хотя те и без того с трудом стояли на ногах. Да и к батюшке приказала относиться строже. Не хватало, чтобы самой царице перечил какой-то мальчишка в чёрном рубище!

Спустился священник в шахту и больше его никто не видел. Приходили сельчане в праздники, слушали пение, доносившееся из шахты, да слушали колокольный звон, который плыл по всей земле до самых высоких гор, что белками сверкали в синющей дали.

В один из праздничных дней пришли послушать малиновый звон, а колокола не звонят. Забеспокоились стражники, спустилась в шахту, смотрят – ни церкви, ни колоколов. И батюшка с каторжанами-прихожанами куда-то исчез.

Выскочили наружу стражники и сообщили о том, что видели. Забеспокоилось начальство – кто же теперь золото будет добывать? За такое их самих в кандалы закуют. И вдруг послышался малиновый звон. Прислушались, а он из-под горы слышен, что на окраине Змеиногорска возвышается. Вроде как церковь под неё переместилась. Стали копать туда ход, подумали, что церковь не просто так переместилась, а туда, где золота больше. Прокопали ход, а звон с другой стороны слышен. Бросились туда, но и там церкви не нашли. Звон в сторону непроходимой тайги переместился, туда, где белые воды река Белая несёт.

Пытались отыскать эту церковь, но не смогли. Только молва пошла, что церковь это непростая. Трудно её найти. Но найти её можно тому, кто пожелает очиститься от греховной

скверны. Свет незримый излучается над куполами церкви высоко, аж до самого синего неба. И увидит этот свет тот, кто станет чистый душой.

ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ

– Неужели так никто и не нашёл эту церковь? – спросил я.

– Но почему же? Только одна беда, кто увидит её, там и остаётся.

– Ну, если там остаётся, то откуда же о ней знают?

Старик, на минуту замолчал, вроде как что-то вспоминал. А потом сказал:

– Жил в Змеиногорске один человек. Привалило ему такое счастье. Только он не сумел им воспользоваться.

– Какое же это счастье – на всю жизнь в церкви остаться? – удивился я.

– Остался, жил бы себе и не тузил. А так... – разочаровано махнул старик рукой и замолчал.

Я смотрел на дедушку, и мне показалось, что тем человеком был он. Хотелось узнать, что он чувствует и переживает. Но я боялся об этом спросить. Да и неудобно было. Казалось, я наступил ему на большую мозоль. Хотелось уйти. Но дедушка начал рассказывать...

* * *

Вот и Кольке Повалаяеву захотелось найти подземную церковь. Слишком устал он от жизни тяжёлой. Не успеет одна нужда уйти, другая подступает. И хотя детей у него пятеро, он задумал руки на себя наложить. Только в последний момент одумался. И то если бы не старик...

А случилось так. Пришёл Колька в лес с ружьём, опустился на колени и приложил ствол к самому сердцу. Только он собрался на курок нажать, слышит – ветка хрустнула за спиной. Поначалу подумал: косолапый крадёт. Навалится сзади и утащит его тело. Потом завалит бурьяном и будет

питаться неделю. Но чтобы пищей в желудке у косолапого быть... Не бывать такому!

Обернулся Колька – на пне старик седовласый сидит и веткой сухой вертит. Вот опять надавил на неё, и хрустнула та.

– Тебе чего? – спросил Колька.

– А мне чего. Сижу и воздухом дышу, – ответил тот, а сам хитро щурится.

Сколько в лес Колька ходил, никогда этого старика не видел. Вероятно, пришлый. Но как он оказался в такой глухомани? Вон на ногах лапти чистые, и одежды белые ничем не запачканы. Если пробирался сквозь заросли, должен был одеждой зацепиться. А на них ни дырки, ни отметины.

– Другого места для сидения не мог найти? – грубо спросил Колька.

– Где удобно, там и сижу.

– Сидеть-то сидишь, но разве не видишь, что я... – хотел сказать Колька, что он удумал, но вовремя остановился.

– Какое дело мне до тебя? Ты мне не мешаешь.

– Зато ты... – выпалил Колька и приподнялся с колен.

Отряхнул брюки и только собрался уходить, как старик тихо кашлянул:

– Что это у тебя на спине чёрной тенью сидит?

– Где? – не понял Колька и попытался заглянуть за плечо. Но как ни старался – никого не увидел.

– Грехами ты весь обвесился. Осталось только в ад попасть.

– Какими ещё грехами? – рассердился Колька. И как не сердиться, если старик ему ада желает!

– На курок тебе осталось надавить, – не мигая, смотрел старик на Кольку.

«Кто это?» – похолодело у него внутри. Вдруг его пронзила мысль: если старик помешал застрелиться, то непростой это старик. Почему-то стало жалко самого себя. Никогда не жалел, а тут...

– Прости меня, – упав на четвер-

еньки, зарыдал Колька и уткнулся лбом в землю. – Не хотел я... Нужда меня заставила.

– Господь тебя простит. Иди с Богом домой, – ответил старик и замолчал.

Молчание продолжалось. Колька поднял голову. Старика не было. Поначалу подумалось, что он привиделся. Но на пеньке лежала сложенная крестиком сухая ветка.

«Да что это я? Грешен, ой грешен! Господи, прости меня! – поднял он руки к небу. А потом на него нашло озарение: – Надо уходить в монастырь. Нет, лучше в церковь, в ту, которую найти не могут. Прийти в неё и молиться до конца своей жизни. За себя молиться, за жену, за детей и за всех, кто нагрешил на этой Земле. Но как туда пешим ходом? На коне надо бы верхом...» – подумал Колька и поспешил вернуться домой.

По пути случайно подстрелил тетерева, а потом зайца. Никогда так удачно не охотился. Теперь будет чем накормить семью.

Зайца он обменял у мельника на сумку с мукой. Тот ещё в придачу кувшин молока ему налил.

Жена, увидев мужа с добычей, обрадовалась. Ужин получился богатый. Давно так не кушали.

Когда семья уснула крепким сном, Колька запряг коня, сел верхом и отправился искать утерянную церковь.

Всю ночь он ехал. Под утро конь из сил выбился, ног уже тащить не может. И на Кольку напала тяжесть, в сон его клонит, крепко он спать хочет.

И только он закрыл глаза, конь остановился. Приподнял Колька голову, видит – лес расступился и озеро открыл. В озере вода не колышется. Даже ряби нет, словно это не вода, а стекло. А на дне жемчуга и изумруды переливаются так, что спят.

Соскочил Колька с коня и руку в воду сунул, а сам боится об края её порезаться. Но вода расступилась, и принялся Колька сгребать драгоценности в заплечный мешок. Когда нагрёб их предостаточно, тогда присел

передохнуть. И только привалился спиной к сосне, как услышал голос:

– Зачем это тебе? Ты же в храм собрался.

Колька обернулся, но никого не увидел. Кругом тайга глухая и тёмная, а у ног озеро прозрачное.

– Не себе это я камни собираю, – начал вслух он оправдываться. – А так... По жадной привычке человеческой. Да и вообще, мне не надо богатств. Разве что братьям-прихожанам, что в храме службу служат. Продадут и купят себе еды. А то, поди, совсем отоцали, – сказал Колька и запрыгнул на коня.

Объехав озеро, он опять углубился в лес. Когда, казалось, заблудился, смотрит – тропинка узкая меж деревьев извивается. Направил коня по ней, а сам наклоняется, чтобы из виду едва заметную тропинку не потерять. Смотрит – вдоль неё трава самородками золотыми усыпана, да так, будто это грибы после дождя из земли вылезли. Соскочил он с коня, бежит и самородки собирает. Набрал столько, что конь от тяжести стал ноги подгибать.

«Хватит, а то коня погублю. Потребуется – назад вернусь и соберу остальные. Похоже, я на правильном пути. Ведь церковь, когда из рудника перемещалась, золотом путь усыпала. Это верный признак», – подумал он и только шагнул, как увидел того же самого старика. Только на этот раз он с посохом был.

– Ты откуда? – уставился на него Колька.

– Брожу, воздухом лечебным дышу. Старикам это полезно.

– И что, для этого надо в глушь забираться? Побродил бы по колкам, что вокруг деревни, и хватило бы тебе. Или ты за золотом пришёл? Как же я раньше не догадался...

– Что бы ни старался ты сжать в ладони, она всегда останется пустой, – ответил старик.

– В сумку надо, в сумку...

– Все равно ладонью сожмёшь.

– Не для себя я собираю. Для бра-

тии, к которой иду. Принесу богатств полную кучу, сразу к себе примут. Ты не подкажешь, куда дальше идти? А то тропинка закончилась. Вроде как к тебе вела.

– Услышишь крик ворона – не ходи туда. Перебежит тебе путь волк – скачи за ним. А когда увидишь три дороги, иди меж них в сторону просеки, – сказал старик и исчез.

Направил Колька коня туда, куда показал старик, а потом слышит – ворон дико кричит, вроде как его на части зверь лютый рвёт. Хотел Колька броситься на помощь, но вспомнил слова старика и свернул коня в сторону. А тут волк выскочил. Отродясь такого Колька не видел. Огромный, больше лося ростом. Даже конь от страха в сторону шархнулся. А волк глянул на Кольку и бросился в лесную гущу. Колька коня понужать и за волком скакать. И тут лес расступился, и три дороги путь пересекли. Волк прыгнул на одну из них – и бежать. Но Колька не последовал за ним. Коня осадил, замер и не шевелится. Волк обернулся и на вторую дорогу прыгнул. Но Колька ещё сильнее натянул уздечку. Волк тогда на третью дорогу перескочил. Но Колька натянул уздечку настолько, что коня на дыбы поставил. Видит волк, что Колька не скачет за ним, остановился, задрал голову и так завыл, что деревья закачались и конь попятился. А потом говорит человеческим голосом:

– Ты чего стоишь? Не пойдёшь за мной, загрызу и тебя, и твоего коня.

Помнил Колька слова старика. Пришпорил пятками коня и меж дорог в сторону просеки направил. Волк сзади ухватился коню за хвост – и тянуть. Рвётся конь, вырваться не может. А тут ворон с неба на волка упал и по голове его клювом долбит и каркает:

– Это моя добыча!

Схватились волк с вороном, кричат друг на друга человеческими голосами. Оборотнями они оказались. Колька, пока те дрались, пришпорил коня, тот проскочил через просеку и в

лесу скрылся. Опомнились волк с вороном и бросились вдогонку. Только не видели они, куда Колька ускакал. Волк в одну сторону просеки кинулся бежать, а ворон в другую направился.

Только тогда Колька остановился передохнуть, когда шум за спиной стих. Но смотрит – тьма кругом тёмная. Ни сзади, ни спереди, ни по сторонам ничего не видно. Даже звёзды на небе – и те исчезли. А потом кто-то рукой его плеча коснулся и послышался колокольный звон. Сначала тихий, а потом всё звонче и звонче. А потом ударили в главный колокол, и вместе с ним завибрировала каждая клеточка Колькиного тела. Упал Колька на землю и принялся молиться и лбом в землю поклоны отбивать... Когда поднял голову – свет самопроявляющийся над соснами светит. А сосны не колышутся, ввысь к свету тянут верхушки. Бросился Колька на свет и выбежал на поляну. А на ней церковь золотыми куполами блестит. Понял Колька, что нашёл ту церковь, которую никто найти не мог.

Навстречу ему тот самый молодой батюшка, что в Змеиногорске исправно службу служил, а потом в шахту ушёл, вышел и спрашивает:

– Сам пришёл, или беда какая привела?

– Греховен я, батюшка. Вот и подался я к вам. Хочется мне от скверны очиститься.

– Хочется очиститься, а сам коня нагрузил.

– Это, батюшка, жемчуга с золотом. По пути я нашёл. Не пропадать же добро. Всегда в хозяйстве сгодится.

– Но только не в нашем.

– Как это? Чтобы золото и ненужно? Куда ж теперь его?

– Можешь выкинуть.

– Прямо тут?

– Отнеси туда, где взял. Оставишь там, можешь возвращаться.

– А если волк с вороном?

– Вот тебе крестик из тысячелетнего кедра. Он тебя защитит, – снял батюшка с себя деревянный крестик и подал Кольке.

– Я мигом, – сказал Колька и прыгнул на коня. Но когда он вернулся в лес, жалко стало золото с жемчугами выкидывать. О детях с женой вспомнил. Теперь-то при таком богатстве не ведать больше ни беды, ни нужды.

Пришпорил коня и не заметил, как у дома оказался. Только смотрит старуха ему навстречу.

– Ты кто такая? – спросил он.

– Марья я, Николаева жена. Сгинул муженёк мой в лесу полвека назад. Оставил меня с пятью детьми.

– Что ты такое говоришь, старуха?! – вскричал Колька. – Не видишь, я живой!

– Вижу, похож ты на моего муженька. Только слишком молод.

– Я золото и жемчуга для вас привёз. Специально в лес за ними ходил.

– На что они теперь мне? Я жизнь без них прожила.

– Тебе не надо, зато детям моим и внукам!.. – кричит Колька. Сунул он руку в сумку, а там порода пустая. Вывернул он сумку наизнанку, но в ней ни то что самородка нет, ни одной золотой пылинки. Схватил он заплечный мешок и перевернул. Посыпался из него песок речной – и ни одной жемчужины. Зарыдал Колька, что делать – не знает. Начинать жизнь сначала? Но зачем она ему такая? Собрал с земли песок с камнями и отправился в лес, чтобы остаться в церкви на службе. Да только не оказалось её на том месте, где видел. Лишь старик сидел и с руки на руку песок пересыпал.

– Что же это такое? – бросился к нему Колька.

– Пока ты счастье искал, вся твоя жизнь прошла. А счастье рядом с тобой находилось.

– Какое счастье? И почему я его не видел?

– Жена и дети – вот твоё счастье. А теперь кому ты нужен?

– Как кому? Я ещё молод.

– Глянь на свое отражение.

Наклонился Колька, глянул в лужу, а из неё старик на него смотрит. Вскокил он – и бежать в лес, а сам плачет,

но на душе не становится легче. Только теперь понял, что такое счастье. Но как его вернуть – разве кто подскажет.

КОРЕНЬ С ПРИКОРЕНЬЯМИ

Мне стало жалко Кольку. Я сидел и шмыгал носом. Ещё немного – и расплачусь.

– Ну что ты? – обнял меня дедушка и ласково прислонил к себе.

– Неужели он всю жизнь теперь стариком будет? И как же дети без него? Им папа нужен, – не мог я представить, как можно жить без отца. Он самый любимый и самый лучший из всех на свете. Да и самый сильный. В любой момент может защитить...

– Ну, буде тебе, буде, – принялся успокаивать меня старик. – Я же не всё тебе рассказал. Давай успокойся. Вот водички выпей. И я с тобой выпью, – подал он мне солдатскую фляжку.

О солдатской фляжке я всегда мечтал. Хотелось мне быть таким же смелым, как все солдаты. Поэтому я с удовольствием взял фляжку. Выпив воды, успокоился.

Выпил и старик, вроде как смочил горло перед длинным рассказом. Потом завинтил фляжку, а я приготовился слушать...

* * *

Третий день Колька сидит под берёзой, рыдает, смерть готов принять хоть от козлапого.

Зачем ему теперь такая жизнь, если дети с женой не узнают? А что другие? Подумают, что он сбежавший каторжанин. Арестуют и, если не забьют до смерти плётками, в шахте заживо сгноят.

Пока слёзы горькие проливал, не заметил, как старик седовласый перед ним опёрся на посох.

– Что это ты плачешь? – спросил тот.

– Как не плакать? Вернулся домой, жена старухой стала, и дети взрослые. Я им объяснять, а они не

узнают меня. Давно уже похоронили. Кости в лесу нашли и подумали, что это меня волки загрызли. А тут люди подступили с подозрениями. Стали меня уличать да в полицию решили сообщить. Вот и пришёл я в лес смертушку принять.

– Не спеши. Когда срок придёт – смерть сама явится.

– Но что мне делать и как дальше жить?

– Взойди на гору, встань по солнцу. Как только туман густой рассеется, посмотри вдаль. Там ты увидишь дерево, на дуб похожее.

– Откуда в Сибири дубы?

Но старик не слышал вопроса:

– Это дерево сразу узнаешь. Одно среди сосен стоит, вширь ветви раскинуло. Три корня у него с прикореньями, три ветки разветвленные, а вокруг поляна, окруженная тайгой непроходимой да болотами топкими.

– Как же я к нему пройду?

– Ходить не надо. Запомни, где стоит. Это дерево не простое, а девятиильное. Ты хорошо запомни, потому что, когда солнце в зенит поднимется, исчезнет это дерево из виду. В том месте, где оно стояло, увидишь вход в шахту. Когда будешь по шахте пробираться, будут страхи на тебя нападать. Но ты ничего не бойся. Иди туда, куда ноги ведут, и не сворачивай, хотя шахта много ходов имеет, но только один путь к девятиильному корню ведёт. Если преодолеешь свои страхи – доберёшься до корня. Возьми от корня один отросток, спрячь его за пазуху и назад возвращайся. С эти корнем ты будешь обладать такой силой, что никто с тобой не справится. Корень этот силу и смелость богатырскую придаёт. А когда выберешься из шахты, набери землицы в мешочек и тоже за пазуху положи.

– На что мне земля?

– Когда на своей родной земле стоишь – опору имеешь, никто тебя не свалит. На чужой же земле силу теряешь. Когда увидишь, что враг на тебя приступом идёт, достань землицу, рассыпь и скажи: «На чужбине

живу, а по своей земле хожу». Силы предков не оставят тебя.

– Зачем мне это надо?

– Чтобы силу колдовскую одолеть и себя вернуть.

– А камни те, что вместо золота принёс?..

– Камни на место вернёшь. Но не смотри, что они золотыми станут и что песок в жемчуга превратится. Когда всё высыплешь, послышатся голоса волшебные, будут тебя уговаривать. Не соглашайся. Дороже семьи у человека ничего нет. Родина без родни, что нищий без сумы. Иначе всю жизнь с протянутой рукой ходить будешь. Когда в лес войдёшь, по крику сокола ориентируйся. Будь осторожен, ни с каким иным криком его не спутай, – сказал старик и в тот же миг исчез. А на том месте, где он стоял, мухомор вырос.

Вытер Колька слёзы и сделал так, как сказал старик.

Как только рассвет коснулся неба, взобрался он на самую высокую гору и стал всматриваться в даль. Долго смотрел не мигая, даже глаза заболели. И только хотел отвести взгляд, как увидел там, внизу, где туман до этого клубился: дерево высокое ветки к небу подняло. Вокруг него, кроме травы, ничего не росло. И тени от кроны не было. Скатился Колька с горы и поспешил на поляну. А когда добрался, увидел на месте, где дерево стояло, вход в шахту. Спустился он и оказался в подземелье. Только сейчас вспомнил, что огонь надо было с собой взять. Но когда присмотрелся, заметил, что из глубины шахты свет льётся. Вроде лучина небесная горит. Шагнул он осторожно, вместе с ним свет двинулся, путь освещает. Когда осмелел, быстрее зашагал. Неожиданно услышал позади крики ужасные да стоны протяжные. Будто кто-то камнями завалило. Кричит от боли бедолага и на помощь зовёт. Но Колька помнил слова старика и не оборачивался. И тогда загремели оползнем камни за спиной. Не оглянись – задавит. Но Колька и в этот раз стерпел

и шагнул дальше. А у самого руки трясутся и ноги подгибаются, того смотри – своего хозяина уронят. И тут из боковых шахт не то кикиморы, не то лешие высунулись, руки крючковые тянут, схватить пытаются. Вот уже когтями за одежду царапают, а сами кричат:

– Не остановишься – в клочья тебя разорвём и собакам скормим!

Перекрестился Колька трижды, завизжала от испуга нечисть подземная. Когда молитву Христову принял, за крестик рукой взялся, завизжала нечисть, бросилась врассыпную по щелям и больше не появлялась. Перекрестился Колька ещё раз, а когда руку опустил – корень с прикореньями путь преградил. Отломил Колька корешок, который в его сторону тянулся, и за пазуху спрятал.

Как он оказался на поверхности шахты – этого не помнил. Опомнился лишь тогда, когда каторжане, звеня тяжёлыми цепями, к шахте в сопровождении конвоиров двинулись.

Над головой раздался протяжный крик сокола. Колька, следуя совету старика, направился на его крик и вскоре оказался у кладбища. Поклонился он до земли предкам и сказал:

– Простите меня. Не для себя одного стараюсь, а для всего нашего рода.

Насыпал он в кيسет горсть земли и отправился в лес. Неприятливо встретил его лес. Зашумел он ветками, хотя и ветра не было. А когда Колька ступил вглубь леса, то оказался во тьме, будто ночь тёмная наземь опустилась. Идёт он по тропинке знакомой, но никуда прийти не может. Вроде и места знакомые, с детства были обхоженными, но нет пути вперёд. И назад пути не видно. Три дня он кружил, но так никуда и не вышел. Запечалился не на шутку и слышит – вроде как зовёт его кто-то. Прислушался, а это крик соколиный сквозь шум веток пробивается. Двинулся он на зов сокола и вышел на поляну к озеру стеклянному. Рассыпал он породу пустую вдоль тропки,

засверкала та золотыми самородками. Вытряхнул из сумки песок в озеро, а тот жемчугом по дну каменистому просыпался.

– Зачем золотом и жемчугами раскидываешься? – услышал он за спиной девичий голос, обернулся, а это русалка на камне сидит и гребнем золотистые волосы расчёсывает.

– На что они мне? – от красоты девичьей оробел Колька. – Мне бы к жене с детьми вернуться.

– Это к старухе беззубой и детям великовозрастным? – захохотала девица. – Нужен ли ты им теперь?

– Им, может, я и не нужен. Зато они мне нужны.

– Вернёшься, а жена в гробу. Да и дети твои уже стариками беззубыми стали.

– Как это? – вздрогнул Колька. Об этом он не подумал. А если это правда? Стоило первый раз ненадолго отлучиться, как пятьдесят лет прошло. А если теперь?..

– Ты молод и красив. Глянь в отражение.

Глянул Колька и удивился. Из воды на него смотрел молодой красавец.

– И жена тебе тоже нужна молодая и красивая. Посмотри на меня, – в улыбке сверкнула белыми, как жемчуг, зубами красавица. – Чем я тебе не жена? Буду тебя ласкать и улаживать, обо всём на свете забудешь. И старость тебя никогда не коснётся. Вечное блаженство испытаешь со мной... – сладострастно поёт русалка.

Не хочет Колька её слушать, но глаза сами на неё пялятся. Белая, румяная – кровь с молоком. И грудь томно у неё вздымается. Руки сами тянутся обнять красоту неземную, и губы готовы с жаром прижаться к сладостным устам...

Закружилась у Кольки голова, прикрыл он глаза, готов в объятия красавицы отдаться, и тут неожиданно раздался крик сокола. Вздрогнул Колька и опомнился, где он находится.

– Ах ты, гадкая птица! – услышал он, глянул, а вместо красавицы старуха в лохмотьях на камнях сидит.

Когда обозлилась она, забылась на минуту – и в старуху превратилась. А стоило опомниться, опять девицей стала.

Вскочил Колька – и бежать.

– Куда ты, милый, – слышит он нежный голос.

Обернулся – красавица за ним босыми ногами по камням ступает. Вон ногу поранила, кровь ручьём из ступни струится. И жалко девицу, что из-за него такую муку принимает. И страшно, вдруг это не девица, а старуха.

– Ах, ты так! – крикнула та и громко свистнула.

Выскочил из леса огромный волк, путь преградил и клыки острые оскалил. Остановился Колька, не знает, что делать. Только левая рука сама полезла за пазуху и корень девяти-сильный нащупала. Волк в горло Кольке прицелился и прыгнул. Выставил Колька правую руку, слегка ей махнул и оттолкнул волка в сторону. Закувыркался тот, как детская игрушка, а когда вскочил, вновь набросился. Поймал Колька волка, ударил один раз кулаком, волк лягнул от боли зубами. Ударил второй раз, волк взвыл. А после третьего удара волк дух испустил.

Затрещали деревья со всех сторон, будто ураган налетел на них и начал их с корнем выворачивать из земли. Видит Колька, что не совладать ему с неизвестной силой. Тогда выхватил из-за пазухи кiset, вокруг себя землю посыпает и приговаривает:

– На чужбине живу, а по своей земле хожу.

Стоило это ему сказать, как почувствовал крепость в ногах.

Бросилось на него одно чудище лесное, корявое и лохматое, лишайниками заросшее. Одной рукой Колька за шею чудище поймал и за деревья закинул. Бросилось чудище другое, он его второй рукой поймал и ещё дальше забросил. А когда со всех сторон на Кольку нечисть гурьбой навалилась, он плечи богатырские расправил – нечисть по сторонам

разлетелась. А когда он шагнул, нечисть в страхе разбежалась. Увидела это девица, от злобы перекосилась и в тот же миг в старуху превратилась. Взвизгнула она зло, изогнулась, когти выставила и прыгнула на Кольку, чтобы ногами того обвить и в коня своего на века вечные превратить. Колька увернулся, старуха мимо пролетела и мёртвому волку на спину упала. Вздрогнул тот, а потом начал корчиться, морщиться, и шерсть с него пучками посыпалась, а вместе с шерстью и шкура с тела поползла. Когда шкура на землю упала, человек вместо волка перед глазами предстал. Подхватил он старуху за ноги и помчался в лес. А та на его спине сидит, пятками в бока бьёт – понужает. Понял Колька, что волк – это оборотень.

Замер Колька, шагнуть боится. А тут старик с посохом словно из-под земли вырос.

– Почто стоишь? – присел он на пень.

– Боюсь с места сойти. Вдруг нечисть опять нападёт?

– То смерти искал, а теперь умереть боишься.

– Не смерти я боюсь. В услужение нечистой силе попасть не желаю. Лучше быть на небесах, чем у чертей в колбасах.

– Тогда иди домой, а то твои заждались.

– Как они могут ждать, коль полвека прошло?

– Кому – прошло, а кому – мимо прошагало. Заколдован ты был, потому всё для тебя так обернулось. И красу твоей жены колдунья хотела себе присвоить. Справился ты с силой враждебной. Теперь тебе бояться нечего. Иди, а то сокол заждался, – указал старик на гордую птицу, которая с вершины сосны смотрела вниз. Увидев, что на него обратили внимание, сокол расправил крылья и взвился в небо.

Николай отвлёкся на сокола, а когда хотел попрощаться со стариком и поблагодарить за помощь, тот исчез так же, как и появился. Только на том месте, где он стоял, мухомор вырос.

Боясь потерять из вида сокола, Николай поспешил за ним и не заметил, как вышел к родному дому. На лугу он увидел своих детей. Они играли в догонялки. Войдя в дом, он увидел жену. Та сидела в праздничном наряде, как тогда, когда он отправился искать церковь.

– Пришёл?! – обрадовалась она.

– Вернулся, – тяжело опустился Николай на лавку. Вспомнил он про нужду и про то, что хотел покончить с собой. Он не смотрел на жену. Отводил взгляд. Ему было стыдно.

– Проходи, я тебя накормлю праздничным обедом.

– Каким ещё обедом? У нас в сусеках ни пылинки муки.

– Дедушка объявился, сказал, что наследство нам большое от твоего дядюшки досталось.

– Разве? – вспомнил Колька про дальнего родственника, которого давно не видел, но знал, что богато тот живёт. По далёкой Волге-реке караваны водит. Детей у дяди не было, вот и вспомнил про племянника единственного.

– А что за дедушка? – отобедав, спросил Колька.

– В белых одеждах, с посохом в руках. Вроде отшельника, – сказала Мария.

Колька промолчал. Стоит ли рассказывать жене? А вдруг не так поймёт? Иногда и промолчать надо. Да и самому бы во всём разобраться. Всё в голове перепуталось. И с чего он взял, что жена его в старуху превращалась и дети его взрослыми были? Наверное, приснилось.

Он прилег на кровать и крепко уснул. А наутро решил никому не рассказывать о том, что с ним приключилось. Побоялся, что за сумасшедшего примут. Тогда попробуй поживи в человеческом обществе...

ЧЁРНАЯ ВДОВА

Меня давно разбирало любопытство – откуда берутся оборотни? Неужели никто в деревне про них не знает?

– Кончено знают, – ответил старик.

– Если знают – почему не борются? Вон в Европе колдуний на кострах сжигали.

– То в Европе, а то в России. А вдруг человек невиновен? Вдруг на него наговорили? А в Европе всех красивых девушек пожгли. Чем красивей была, тем, считалось, большей колдовской силой обладала. Откуда красота, как не от дьявола? Вот те, кто не обладали красотой, из-за зависти и наговаривали на невинных. А России не так. В России всегда красоту берегли. И лишний раз не обвиняли людей. Грехом это считалось.

– Вот и развелись колдуны с оборотнями.

– А много ли они навредили? Не скрываю, наводили страх. Если очень сильно вредить начинали, этим самым себя в угол загоняли. Себе хуже делали.

– Мне интересно, как Иванов сосед, о котором ты раньше рассказывал, оборотнем стал.

– Разве я об этом тебе не рассказывал? – неподдельно удивился Ерёма. – Ну, тогда слушай, – и он приступил к рассказу...

* * *

Никто не знал, как Борис Коновалов стал оборотнем. Даже сосед Иван ничего особенного за ним не примечал. И не мог примечать, поскольку Бориса в оборотня превратили не по его воле.

Был он парнем всем на загляденье. Волосы на голове золотым руном вились. Выйдет на улицу с гармошкой, сядет на завалинку – и песни петь. Кто работал, тот инструменты в сторону отложит, замрёт и слушает. А запоёт Борис... Куда там Шаляпину до него! Все деревенские красавицы

мечтали о таком парне, ночей не спали, тайно вздыхали.

Время шло, заканчивались Борькины холостяцкие деньки. Родители стали подыскивать для него невесту. Невеста должна быть такой, чтобы на все руки мастерица – и шить, и вязать. Но особенно должна уметь пироги печь. По выпечке определяли будущую хозяйку. Если хозяйка добра и ласкова, то и пироги пышны. У злой же вечно закваска виновата. Не пироги получают, а камни...

Выйдут Борькины родители вечером и смотрят на красавиц: как те хороводы водят, как с парнями в игры заигрывают. Одна краше другой, и какую выбрать – большая проблема.

Но и Марфа, вдова молодая, тоже выходила посмотреть на игры молодых. Самой-то уже нельзя хороводиться, замужем побывала, теперь только со стороны смотреть да ждать, авось найдётся какой, повернёт голову в её сторону.

Замужество её не испортило, наоборот, стала сдобной, а лицо, что фарфор, и румянец по щекам играет.

– Что это ты, Марфуш, никак мужа себе присматриваешь? – шутя, смеются бабы.

– А почему бы нет? – повела та чёрной бровью. – Я баба, кровь с молоком, какой на меня западёт, на всю жизнь рабом моим станет, – тоже вроде шутя, отвечает она, а у самой лицо серьёзное.

– Смотри, не засмотришься, и глаза до дна не высмотри, – хохочут бабы. – Может, кто и западёт, но Борис точно в твои сети не попадёт, – смотрят бабы, как парень в танце подхватил под руку Таньку Горбунову и повел на круг.

– Как сказать, – сказала Марфа и скрылась в доме.

Но только, похоже, ей не успеть Борьку окрутить. Его родители в первую же субботу послали сватов к Горбуновым. Те и сами рады, что такого жениха для своей дочери отхватили. Парень не только красавец, но и работающ.

На следующей неделе стали готовиться к свадьбе. Уже и дату назначили. Но вот беда, занемогла Татьяна. И что ни день, то слабей становится. И врачей из города привозили, и знахаря приглашали, и гадалок. Только одна из гадалок головой качнула и сказала:

– Заговорили девку на смерть.

– Как же так?! – ужаснулись родители.

– Сейчас посмотрим, – сказала гадалка, разожгла в печи огонь и долго туда смотрела. А потом огонь как пыхнет из печи, чуть гадалку вместе с домом не спалил. Хорошо, что ведро с водой рядом стояло. Плеснули в печь воды, огонь и погас. А потом зачем-то гадалка в печь полезла. Когда вылезла, отпечаток следа вытащила. Выгорел он на чурке точно такой, как у Татьяны. Даже мизинец чуть кривой отпечатался.

– Что это? – всполошились родители.

– На вашего жениха ведьма глаз положила. Огонь мне показал. Только лица её рассмотреть не успела. Обернулась и глазами в меня так стрельнула, чуть пламенем не спалила. Вот видите, след вашей дочери на чурке проявился. Хочет колдунья, чтобы не было у неё соперниц.

– Откуда у нас ведьмы в селе? – не верят родители.

– Было бы куда, а откуда – найдётся. След она дочери вашей выкопала, потом на могилки отнесла и там закопала. Больше вам ничего сказать не могу. Найдёте закопанный на могиле след, выкопайте его, положите вот на этот, – показала она чурку, – и в огне сожгите. Тогда выздоровеет ваша дочь.

Бросились люди всем селом искать закопанный след. Все могилки перекопали, да так ничего не нашли. А когда схоронили девушку, то внимание обратили на холм за могилами. Там когда-то висельника похоронили. Копнули с краю, вот и след...

Месяц ходил Борис с опущенной головой, виноватым в смерти дивчи-

ны себя считал. А тут идет мимо Марфиного дома, а та:

– Боренька, не зашел бы ты ко мне в дом. Что-то печь у меня коптит стала. Утром чуть не угорела. Боюсь, затоплю, а наутро не встану.

Парень заколебался. Но потом подумал: «Почему бы не помочь одинокой женщине? К тому же не хочется грех на душу брать – к одной смерти вторую добавлять». Не знал тогда парень, что вдова упряма как лошадь. Ей не на кого надеяться. Если что задумает – всё на своих плечах вытянет. А тут всего-то какая-то печь...

Зашёл Борис в дом и приступил к печи. Осмотрел её и снаружи, и изнутри. Никакого дефекта не нашёл.

– Исправна печь, – стал отряхивать сажу с одежды.

– Ты бы огоньком с дымком её проверил, – суёт вдова траву запашистую.

Борис разные травы видел, не раз на покосе ароматы душистые вдыхал, а тут особенный какой-то аромат, даже дыхание перехватило. Собрался Борис положить траву в печь, а тут вдова наклонилась ему через плечо:

– А ну-ка я её спичкой.

Борис почувствовал женское дыхание и покраснел весь до ушей, но сделал вид, что не стеснила его вдова. Чиркнула Марфа спичкой и подожгла траву. Вспыхнула та ярким пламенем. Борис кинул траву в зеву печи, а вдова прижимается к спине Бориса, через плечо за ним в печь пытается заглянуть. Пыхнул дым Борису в лицо, и закружилась у того от запаха непонятного голова. А вдова страстно что-то на ухо шептать...

Очнулся Борис утром, когда солнце в окошко заглянуло. Смотрит, чья-то рука его обнимает. Повернулся, а это Марфа в обнимку с ним на кровати спит. Соскочил, головой крутит, понять не может, где находится. Когда понял – ужас охватил его. Как зашёл он в дом к вдове, так в нём и остался. Выскочил он на улицу – и огородами домой бежать... Хорошо, что люди ещё не выгнали скотину за село, не увидели, откуда он возвращается. И

родители ещё не проснулись и не заметили, как сын вернулся домой. На то, что он поздно всегда возвращался, внимания не обращали. Какой парень ночами по селу не гуляет? Так и Борис – пусть погуляет, развеет своё горе.

Корил себя Борис, что у вдовы в доме заночевал, а вечером не заметил, как ноги сами к Марфе привели. Так и стал захаживать к ней каждую ночь.

Заметили это родители и стали упрекать парня. А тот говорит:

– Люба мне Марфуша.

– Да какая любовь? Она тебя на пятнадцать лет старше. Своего мужа не уберегла, теперь за парня молодого взялась.

Но как ни уговаривали сына, тот стоял на своём. Жениться он захотел на вдове. Но та дату свадьбы почему-то не называла. Всё находила отговорки разные. А парень стал таять на глазах. Забеспокоились родители, кабы он следом за Татьяной, невестой бывшей, не ушёл. Чтобы уберечь парня, решили они позвать гадалку.

Начала та гадать. Налила в таз воды, холодные угли из печи достала и кинула в воду. Трижды прочитала «Богородицу» и вроде как нечаянно сбрызнула водой, да так, что мурашки по телу у Бориса побежали. Вздрогнул тот, и в ту же секунду угли холодные по тазу закрутились, да так сильно, что уследить за ними трудно. А сами шипят, как горячие, и брызги воды в разные стороны разлетаются. Таким оказался сильным взгляд.

– Ведьма! – крикнула гадалка, отбросила таз с водой и домой поспешила.

Что за ведьму увидела гадалка – так никто и не узнал. В тот же вечер навалилась на неё лихорадка, и к утру скончалась гадалка.

Бросились в дом к Марфе сельчане, кто с ухватом, кто с кочергой. Поняли они, что за ведьма в их селе завелась. Но стоило забежать в дом, как замерли они. Стоит Марфа среди избы, глазами чёрными ворочает, вроде что-то ищет. На одну бабу гля-

нет – та попытается, на вторую – и та пятками назад движется. А потом с хохотом из избы выскочила, руками вокруг головы шарит, а когда поймала что-то, со свистом ввысь взвилась и с глаз людских исчезла. С тех пор не появлялась Марфа в деревне. И всё было бы хорошо, но Борис изменился лицом. Исхудал и посерел. Этим же летом построил он дом на окраине села и в нём поселился. Попытались родители во второй раз сыну невесту найти, но он и слышать об этом не захотел. Так и остался бобылём. Не знали сельчане, что стал он оборотнем. Не знал и Иван, когда ставил по соседству с Борькой новый дом. Видимо забыли: с кем поведёшься – от того и наберёшься. Вот и набрался Борис от чёрной вдовы колдовской силы, да такой, что мог превращаться в волка.

БЕЛАЯ КОЗА

Дед Ерёма, как и обещал, пришёл к нам в гости. Сели за стол. Ужин превратился в длинные посиделки. Начался за тарелкой наваристого борща и продолжился за чашкой душистого чая.

В деревне никогда не садились поодиночке за стол, как бы ни были голодны. Всегда собирались всей семьёй и вели душевные беседы. А если приходил гость, то это был большой праздник.

Родители поинтересовались, построил ли дед Ерёма в Змеиногорске дом, а также чем живут там люди.

Ерёма неспешно рассказывал, что он поставил сруб пятистенного дома.

– Неужели один? – удивились родители.

– Так оно и есть, – отвечал старик.

– Как же ты брёвна поднимал?

– Ворот придумал. Им и поднимал.

– Говорят, что Змеиногорск стоит на шахтах. Если землетрясение какое, весь город под землю уйдёт. Ни одного дома не уцелеет. Много золота с

серебром добыли и пустот наделали. Куда только его подевали? Неужели в царскую казну всё свезли?

– И в казну возили, и разбойникам кое-что перепало.

– Дедушка, расскажи про разбойников, – пристал я. Мне почему-то всегда хотелось услышать сказку о разбойниках. Почему – этого я не знал.

– Подожди, сынок, дай нам поговорить, – остановил меня отец. – Да и откуда у дедушки сказки? Он, наверное, уже все рассказал.

– Есть у меня одна, – улыбнулся старик.

– Ну, если есть, расскажи, – отец сделал вид, что пошёл мне на уступки, хотя я заметил, что ему самому хочется услышать сказку.

Долго упрашивать старика не пришлось...

* * *

Много золота добывали в те времена в Змеиногорске. Когда скапливалось его несколько десятков пудов, обозами отправляли в столицу. Время отправки держали в секрете, чтобы не напали разбойники и не отбили обоз.

Когда пускались в путь, не приведи Господь, чтобы кто-то замешкался на пути обоза. Если не плётками захлещут, конями затопчут. Поэтому, завидев поднимающиеся из-за сопки клубы пыли, крестьяне прятались по домам. Даже собаки, не понимающие толк в золоте, и те, поджав хвосты, исчезали с глаз.

Объясняли, что это меры предосторожности от разбойников. Если кто высунется, разбираться не будут, сразу пустят пулю в лоб.

В очередной раз, собрав золото, отправили обоз в столицу.

Скачут казаки, а впереди них воевода. Два дня назад прибыл он из столицы с царской грамотой и сразу взялся за дело. Бывшего воеводу заковал в цепи и отправил в каталажку. Вместе с ним посадил несколько его помощников. А потом обоз решил

возглавить, заявив, что никому не доверяет.

Поднялись казаки с обозом на пригорок, смотрят, старуха с козой поперек дороги застряла. Тянет козу за рога, а та упёрлась, мотает головой, идти не хочет. Завидев всадников, старуха в противоположную сторону козу попыталась сдвинуть, но и туда коза не идёт. А всадники всё ближе и ближе.

– Прочь с пути! – кричит воевода.

– Я бы рада, только вот коза не слушается, – затряслась от страха старуха.

– Как это не слушается?! – взвизнул воевода.

– С детства рогами упряма.

– Не задумала ли ты чего? А может, с бандитами заодно? Нас отвлекаешь, а они в это время засаду устраивают, – зыркнул по сторонам воевода.

– Что ты, миленький? – совсем испугалась старуха. – Какие бандиты? Мне помирать скоро. Свечи уже для отпевания в церкви прикупила.

– Убирай козу, пока шашками её не порубили! – конём теснит старуху воевода.

– Смилостивься, миленький. Коза – единственная у меня кормилица. Спуститесь с коней, помогите мне её сдвинуть.

– С коней спуститесь, чтобы бандиты могли навалиться? А ну, давай, пошла с дороги вместе с козой! – выхватил воевода шашку, только и сверкнула та на солнце.

Зарубил воевода козу. Завыла старуха, упала на колени и причитать:

– Миленькая ты моя... Да как же я теперь без молочка?..

Отвернулись рядовые казаки, слёзы у них навернулись. Только воевода усы поправил, махнул обозу рукой, и объехал вокруг старухи.

Обоз уже далеко, а старуха как согнулась над козой, так и продолжает качаться над ней.

Скачет воевода, о старухе не вспоминает. Что о ней вспоминать, если

вот этой собственной рукой не одну душу молодую загубил? Не ради себя, а ради царского дела.

И всё было бы хорошо, только ворона вдоль дороги летит и противно каркает. Воевода выхватил пистолет из-за пояса, да в ворону пальнул. Отстала та, а потом опять нагнала – и противно каркать...

– Да что ты, в самом деле? – сердчает воевода. – Без твоего карканья знаю что делать!

Махнул воевода рукой, обоз остановился, и он казакам приказал из ружей по вороне палить.

Загремели выстрелы, дым клубами. Когда рассеялся, вороны не видно. Но и подстреленная на земле нигде не валяется. Стоило тронуться в путь, как ворона опять появилась. Так и сопровождала до самой Курьи – деревни, где обычно останавливался обоз.

Казаки на улице устроились на ночлег, чтобы в случае нападения сразу за ружья взяться. Воевода на постоялом дворе остановился. Там ему выделили самые лучшие постели. Завалился он на мягкие перины и сразу захрапел.

Спит и видит сон. Сидит ворона на заборе, в окно заглядывает и противно каркает:

– Нашего роду теперь ты.

Хочет воевода вскочить, да не может. Попытался глаза открыть, но те накрепко слиплись. А ворона каркает и каркает.

Измучился вконец воевода. Только когда солнышко зарёй заиграло, с трудом голову от подушки оторвал.

– Пошто ты такой? Аль постель не мягка? – озабоченно зачесал бороду хозяин постоялого дома.

– Ворона противная всю ночь каркала. Вроде как во сне, а вроде как и наяву.

– Ворона, говоришь?

– Она, дьявольская птица.

– И откудова она?..

– От бабки с козой. Та путь перегородила. Пришлось рогатую зарубить. Ворона тут как тут...

– Зачем рубили?

– Указ царский, чтобы под страхом смерти не останавливаться...

– А что за коза?

– Белая. И рога белилами покрашены.

– Штоб тебе!.. – ахнул мужик. – Што же ты наделал?

– Всё по уставу.

– Нельзя было этого делать! Это же Марфа-попутчица!

– Что за попутчица? – похолодело в груди у воеводы.

– Штоб в пути всё исправно было. А теперь и я вместе с вами попал. Как кур в ощи́п. Уезжайте скорей, пока солнце не взошло! Давай, пошёл отсюдова! И денег твоих за постой не нужно, – оттолкнул хозяин воеводину руку.

«Кому это коза рогатая попутчица? Мне, воеводе? Много я на свете повидал. А того, что говорят, не переслушаешь», – зло ухмыльнулся он и, выйдя на улицу, дал команду отправляться в путь.

Только отъехали от села, как воевода занемог. Жар охватил его тело. Вроде и простудного ветра не было, и спал на мягких перинах, но взмок воевода, а следом лихорадка напала, трясти его начала. Лежит на телеге, мечется из стороны в сторону и что-то невнятное бормочет.

Остановились казаки. Что делать – не знают. Не оставишь воеводу посреди дороги. И повернуть нельзя. Запрещено. Там, где проехали, уже знают, что на подводах золото везут. А воеводе всё хуже и хуже. Пламенем уже польхает и разум совсем теряет, что-то про козу бормочет.

Хорошо, что в стороне, где река излучиной блеснула, по дыму чёрному, что из трубы валил, избушку увидали. Раздумывать некогда. Надо воеводу на кого-то оставить, чтобы было потом с кого спросить.

Повернули казаки к избушке. Двери отворили и на руках воеводу занесли. А там старик сгорбленный стоит, в печь дрова подкидывает, на казаков внимания не обращает.

– Что это ты, дед, среди лета печь кочегаришь? – уложив воеводу на топчан, спросили казаки.

– Для воеводы вашего стараюсь. Пламенем бедолага горит, – обернулся старик.

Отшатнулись казаки. А некоторые за шашки уцепились, готовы из ножен их выхватить. Брови-то у старика вверх завиваются, чуть ли не до потолка достают. Из-под них глаза кровью налитые сверкают. И борода нечёсаная за пояс заткнута, чтоб по полу не волочилась. А на спине горб такой, что над головой возвышается.

– Вороны кружат, раскаркались, – прохрипел старик и отправился за печь греметь посудой.

Только сейчас казаки услышали крики ворон. Те так кричали, будто их заживо драли.

– Добычу чувю, – донёсся из-за печи голос старика.

А на улице подводы с золотом остались. Казаки туда, а там тьма кромешная – день в ночь превратился. И кто-то над головами крыльями хлопает и папахи пытается сорвать... Казаки затряслись от страха и в дом бросились. А там уже по углам свечи горят, дом освещают.

– Говори, дед, иначе головы тебе не сносить! – приступили казаки к старику с допросами.

– Можно и говорить, но без козьего молока лекарства не сварить. Марфа должна была вот-вот прибыть, да видать задержалась. Вы случаем её не встречали?

Казаки переглянулись, поняли, о ком спрашивает старик. А воевода мечется на постели, руками машет и что-то бормочет. Старик к нему ухом наклонился, а потом отпрянул.

– Забирайте – и вон отсюда! – указал он на дверь.

– Куда ж мы... – опешили казаки. – Там же тьма тьмущая, и вороны... у них клювы, что долота. Без глаз оставят. Если виноват, то это он, – указали они на воеводу.

– Вместе ходили, вместе дружили, вместе и дела творили!

– Помоги, ради Христа, не выгоняй! – стали умолять.

– Ладно, – смягчился старик. – Только плата с вас огромная.

– Заплатим, не поскупимся.

– Золото, что везёте.

– А ты не обезумел?! – за грудки схватил старика парняга-казак. – Не ты ли колдовал, всё вороньё собрал? И печь для чего летом топить? Чтобы солнце дымом застелить?

– Снадобье я готовлю, чтобы воеводу вашего отпоить. А ну!.. – ударил старик парня по рукам. Тот и отступил.

Старик взял рогац и вынул из печи чугунок. Кипит, бурлит в нём вода и паром сизым дом окутывает. Вместе с паром запах травы непонятной из чугунка в носы казакам ударил. Те, чтобы не задохнуться, рукавами приняли носы прикрывать и чихать...

–оборот-травой напою, а потом под голову знай-траву положу, чтобы с воронами воевода сравнялся и мысли все передал, – сказал и напоил воеводу отваром.

Лежит тот на топчане, а сам руками как крыльями машет и вороньем каркает. Казаки, видя эти неполадки, притихли. Не знают – то ли из дому бежать, то ли старика шашками рубить. Но на улицу – страшно. И без старика остаться – ещё страшней. Вдруг тот спасёт?

Долго махал воевода руками. А когда старик плеснул на него водицей из кувшина, зашипела та, словно закипела. Обмякли у воеводы руки, повисли плетью. Припал старик ухом к груди воеводы, вроде биение сердца слушает, а потом отпрянул.

– Воеводу забирайте! – опять потребовал он. – И золото ваше мне не нужно!

– В чём дело, расскажи? – взмолились казаки.

– С дьяволом подружился воевода. На пути, как только три лога минуете, в четвёртом разбойники сидят. Вас ждут. Спуститесь туда – навалятся со всех сторон. А тебя, – указал он на парня-молодца, – на кол посадят.

Остальным головы порубят и золото заберут. А потом меня захотят порешить. Придётся вторую отвар-траву готовить...

– А наш воевода? С ним-то что?

– Конь на полпути ногу подвернёт, воевода от вас отстанет. Вороны, что вокруг дома летают, разбойники это, вас погубить хотят. Команды от воеводы ждут. Воевода в жар впал за то, что у Марфы, вашей спасительницы, козу зарубил. Потому вы ко мне и завернули. Потому и заслонили вороны солнца свет. Расправы над вами желают.

– Что же нам делать? – наперебой затараторили казаки. – Как нам от ворон избавиться?

– Ладно. Есть у меня чуток козьего молока, – ответил старик и потянулся за кринкой.

Плеснул он на воеводу молоком и растёр по лицу. Побелел воевода, жар отхлынул от него, и он, вздохнув, открыл глаза и сказал:

– Хорошо я, братья-казаки, отдохнул. Пора нам в путь.

Говорит, а самому невдомёк, что не на постоялом он дворе, а в избышке у старика. Старик плеснул в печь молоко, зашипели угли в ней и погасли. Глянули казаки в окно: тьма отступила, и вороны исчезли.

Поблагодарив старика, двинулись они в путь, а когда оглянулись – дом куда-то исчез. И кажется им, что это не наяву было, а во сне происходило.

Когда миновали третий лог, у воеводы, как говорил старик, лошадь захромала, а потом упала. Лежит, хрипит, пену пускает. Воевода при падении ногу повредил. Сидит и стонет:

– Вы, братья-казаки, давайте, на месте не стойте. Остановки по уставу запрещены. Иначе разбойники нагонят. Со мной пусть два верных казака останутся. Я немного в себя приду, и мы вас за четвёртым логом нагоним.

Переглянулись казаки и оставили с воеводой двух молодцев, а сами дальше в путь двинулись. Не доехав до четвёртого лога, свернули и к реке направились, на берегу которой дом

старика стоял. Там в кустах и спрятали обоз.

А воевода, когда два казака его на своего коня посадили, выхватил шашку и зарубил молодцев.

Долго сидели в логу разбойники. Видят, что назначенный час давно прошёл, не вытерпели, помчались навстречу обозу. Но вместо обоза воеводу встретили.

– Где золото?! – закричали они.

– К вам навстречу уехало. Вы разве не перехватили?

– Никакого обоза мы не видели! Не ты ли казаков перебил и золото прибрал?

– Это вы золото забрали и меня обмануть хотите! – закричал в ответ воевода.

Вскоре разбойник, которого в разведку отправляли, вернулся и сообщил о порубленных двух казаках. Ну чем не свидетельство, что воевода золотом завладел?

Кинулись разбойники на воеводу, а тот – пырх – в ворона превратился и в небо взвился. Кувыркнулись разбойники через головы и тоже в ворон превратились. Сцепились они с воеводой – и драться. Только гам, карканье и перья по воздуху летят.

А казаки в кустах прячутся да за вороньей дракой наблюдают. А когда те друг дружку изрядно потрепали, полетели к чёрным камням, что на чёрном болоте, раны чёрной грязью залечивать.

Миновали казаки четвёртый лог и довели золото до столицы. А когда возвращались, встретили старушку с белой козой. Преградила коза путь, не даёт казакам проехать.

– Давай, бабушка, мы тебя подвезём, – сказали те.

– Спасибо, ребятушки, вам, – поблагодарила старушка, дернула козу за поводок, та шагнула и освободила путь...

С тех пор, встретив путника, предлагали ему доехать. Даже уговаривали. Но времена прошли, и забыли люди о доброте на дорогах. Видимо, богато стали жить и за богатство своё

трясутся. И редко кто сейчас предложит помощь путнику.

ГОРБУН

Меня разбирало любопытство – откуда берутся горбуны? Неужели такими рождаются?

– Не всегда так, – сказал дед Ерёма.

– Но как же тогда ими становятся? Не по своей же воле? Вот возьми меня... Разве я хочу быть горбатым?

– Кто травму позвоночника получит. А кто против воли...

– Говорят: горбатого могила исправит, – захотелось мне показать знания.

– Правду говорят. Позвоночник распрямляется, и горб исчезает.

– А ещё говорят, что горбатые никогда не были богатыми.

– Может быть. Этого сказать не могу. А что знаю, расскажу, – сказал старик, и мы уселись на любимое бревно.

С минуту помолчав, он приступил к рассказу.

* * *

К одним богатство идёт само, другие прозябают в нищете. Почему – одному Богу известно, да разве что Панкрату – местному купцу. Любил тот приговаривать:

– Один рождён в рубашонке, а другой в распашонке.

Вот и Игорь в нищей семье родился и, как ни трудился, никак не мог нажить богатство.

И что из того, что говорят: «Не живи богато, а живи счастливо?» Хорошо это говорить тому, кто не видел нужды, считал Игорь.

Не знал он, что в нищете – это не в беде. А беда придёт, когда её не ждёшь и не зовёшь.

Вот и пришла к нему то ли беда, то ли радость. Влюбился он в Елену, дочь купца. Спит он – не спит, дремлет – не дремлет, но покою не знает ни днём ни ночью. Ворочается, вздыхает и от любви к Елене помирает.

Обеспокоились родители, к знакомым ходили. Настоев разных приносили, но всё бесполезно. Любовь безответная совсем иссушила парня. Стали поговаривать, что напустили на него порчу. Что он от любви скоро в засохший лист превратится. Не излечить бедолагу травами. Любовную порчу может снять разве что смерть.

Неведомо Игорю, что и он люб Елене. Готова та в нищете жить, лишь бы с милым быть и счастье пить.

Забеспокоился купец о дочери. Для чего он богатство наживал? Чтобы голодранцу всё отдать и жизнь дочери загубить? Разве о таком он счастье мечтал? Дочь-то единственная. Не для голодранца она предназначена, а для увеличения богатства. Чтобы внуки ни в чём не нуждалась.

Видя, что дочь с каждым днём тает, решил купец нанять разбойников, чтобы они подкараулили виновника и загубили его. Но жена воспротивилась. Свежо в памяти, как в соседней деревне девушка, узнав о смерти возлюбленного, с утёса бросилась. Послушался купец и решил пойти на хитрость. Говорит он парню:

– При одном условии выдам за тебя дочь свою: если золота мне два пуда принесёшь.

– Где же столько взять? – опешил парень.

– Золото везде валяется. Оно кому попало в руки не даётся, как и дочь моя. Только ловкому и умелому. Глянь на горы. Видишь, какие высокие? Много богатств в них. Только золота одного тысячи пудов. А ты два пуда принести не можешь. Зачем мне такой зять?

– Как же мне его достать? Это надо суметь.

– Вот именно – суметь. Таких, как ты, полна деревня. Свистни – толпой со всей округи сбегутся. Всем хочется богатством моим завладеть. Одна беда, все они – голь перекатная. А мне нужен такой зять, который для дочки моей мог бы много золота достать. И о тесте бы не забыл.

Опечалился Игорь – где же ему золото найти? И тут вспомнил про колдуна, который жил в лесу. Многие к нему тайком ходили. Многим он помог. А как – разве расскажут. Поговаривали, что он вороньи яйца ел, потому и знал всё наперёд. Подумал Игорь и решил отправиться в лес.

Идёт, руками заросли раздвигает, едва приметную тропку высматривает. И не заметил, как вышел к дому колдуна. А тот сидит на старом пне, вроде как кого-то поджидает. Подошёл к нему Игорь, а у самого сердце от страха трепещется, вот-вот из груди выскочит.

– Ох, люди, люди, – нахмурился колдун. – Покою вам нет, и другим не даёте. Знали бы вы цену счастья с несчастьем, не мозолили бы мне глаза и себе ноги.

– Какое счастье, если есть и пить не могу? Весь измучился. Жизни уже не рад. Готов руки на себя наложить. Да отец моей возлюбленной условие поставил – если озолочу дочь его, выдаст её замуж за меня.

– Золотить – не колотить. Кабы не пришлось орать, когда позолоту будут сдирать.

– Всё вытерплю! Только бы мне два пуда! Но где достать – не знаю.

– Достать – не беда, только кому и куда?

– Вот сума, – скинул заплечный мешок Егор. – На шесть ведёр картошки.

– Жалко мне тебя, парень. Сам был такой, как ты, молодой. Молодость ушла, золото с собой унесла, оставила морщины, хрящ да крящ. Вот и корчусь теперь. Помирать надо, а как – не знаю. Шёл бы ты с миром и не вводил бы меня в грех очередной. Трав тебе дам. Огонь они любовный укрощают и глаза на вещи раскрывают.

– Зачем мне трава, когда любовь сжигает меня?

– Вот я и говорю. Погасим мы её. Этим сниму с себя ещё один грех.

– Да ты что, старый, в своём уме?! – разочарованно закрычал Игорь.

– Тебе грех снять, а мне?.. Чтобы я любовь свою на какую-то траву променял? Купец с таким трудом мне навстречу пошёл. А ты...

– Успокойся. Так уж быть, воля не моя, а твоя. Получишь, что хочешь, но при одном условии. Про меру не забывай. Вон видишь под кустом пластун-траву. Сорви её, положи на тропинку и куда она поползёт, туда сам иди. Выведет тебя к золоту.

– Спасибо, старик. Хочешь, и для тебя золота прихвачу?

– Что мне золото? Вот если бы всё назад вернуть... – тяжело вздохнул старик.

Сорвал Игорь пластун-траву и положил её на тропинку. Ожила та и поползла по тропинке. Бежит за ней Игорь, с трудом поспекает, от переполняющей радости путь не запоминает. Что его запоминать, если трава всё указывает?

Вывела пластун-траву к горе Рассыпной, что за Кольваньей Алтайской. Смотрит Игорь, а там три мужика сидят, о чём-то спорят. Хотел он их обойти стороной, но не сумел. Заметили те парня.

– Вот спорим мы, много ли тебе золота надо? – улыбнулся один из них косо.

«Откуда они про золото знают?» – похолодело у парня в груди, но вида он не подал. Преодолев робость, ответил:

– Чтобы на свадьбу хватило и аппетит отца невесты удовлетворило.

– А ты что, с ним за одним столом сидел?

– Когда бы я сидел?

– Чего же ты про аппетит его заикаешься?

– Когда женюсь, тогда с ним и сравнюсь. Из одной чашки хлебать буду.

– Тебе золота или бриллиантов? Иль того и другого? – ощерил жёлтые зубы второй мужик.

«На богатстве сидят, а зубов не имеют», – отметил Игорь, а сам в ответ:

– Бриллианты – они, конечно, до-

роже золота. Но без оправы они, что птица без клетки, – видишь красоту, а в руках долго не подержишь.

– Молодец, соображаешь, – говорит третий мужик, а потом спрашивает: – А донесёшь ли ты до дома? Хотя ноша и своя – не одного в могилу света. Чужую-то скинешь, но только не свою. Она к спине прирастает и не отлипает.

– Было бы что носить, а донести всегда сумеет.

– Ну, смотри, – сказал первый мужик и вроде как встал, но почему-то оставался согнутым. – Сам назывался, сам собирался, самому и разбираться. Там за горой вход в пещеру имеется. Найдёшь его, войдёшь внутрь. Возьмёшь столько, сколько надо. Лишнего, смотри, не бери. А возьмёшь – знай, что мы тебя предупреждали.

– Тогда я пошёл, – не поверил лёгкому счастью Игоря.

– Иди, тебя никто не держит, – ответили хором мужики.

Зашёл Игорь за гору, а пещеры нигде не видно. И как ни искал вход в неё, не смог найти. До самого вечера ползал, пока не устал. Тогда решил у мужиков спросить. Но тех и след простыл. Вернулся и опять начал руками траву разгребать, камни со склона выворачивать, но всё бесполезно. Вконец устав, присел и заплакал от обиды, что надсмеялись над ним мужики. И стоило слезе на землю упасть, как донеслось из-под земли глухое эхо. Вскочил Игорь и ногой топнул. Разверзлась земля, и не успел он опомниться, как полетел куда-то вниз. Очнулся, а над ним своды пещерные. Глянул на стены – золото самородками из них торчит. Голову опустил, а пол бриллиантами усыпан. Схватил Игорь мешок и бросился его набивать золотом и бриллиантами. Самородки из стен, как только прикоснётся рукой, сами в мешок ссыпаются. И бриллианты в ладони, будто живые, закатываются, только успевай их прятать. Хватает Игорь самородки и в мешок кидает, а потом бриллианты горстями сгребаёт и следом за золо-

том отправляет. Некогда ему разбираться, потому всё вперемешку кидает. И до тех пор кидает, пока не устал. Присел отдохнуть, о мешок опёрся, а тот наполовину наполнен. «Хватит, – уговаривает себя. – Золото – не картошка, много не унесёшь». Кода отдохнул, ещё пару камешков захотелось кинуть. А потом ещё и ещё... Забыл он про любовь – жадность его обуряла. Не заметил, как мешок до краёв наполнился. Попытался его за спину закинуть, да сил не хватило. Слышит, кто-то по пещере идёт. Присмотрелся, а это те самые мужики, что у горы сидели. Идут и громко спорят:

– Говорил я, что он до краёв мешок наполнит. Но вы не поверили. Человек в желаниях своих бездонен. Вот и этот, пока мешок не набил, не успокоился. А был бы ещё один мешок, он бы и его под завязку наполнил.

– Прав ты. Но и я говорил, что не унесёт он мешок. А вы не соглашались.

– Да мне бы только поднять! – закричал Игорь.

– Это не беда, когда рядом три мужика, – кинулись к нему доброжелатели.

Помогли они Игорю взвалить на спину мешок. Тот хотел шагнуть, но зашатался.

– Вот и шага сделать не может, – засмеялся первый мужик.

– Да его мешок согнул. Видишь, выше головы поднялся, – ощерился другой.

– Глаза бы только дорогу видели. А что на горбу, не помешает, – с трудом выдохнул Игорь.

– Мы тебе поможем, – кинулись мужики.

– Ну-ка, давай, подбородок повыше, чтобы брови вверх росли, – говорит первый мужик.

Второй за руку Игоря поддерживает. А третий сзади под коленку толкает:

– Шажок... Ещё шажок...

Не заметил Игорь, как шаг за шагом вышел из пещеры и двинулся по тропинке. Шёл-шёл и заблудился.

Тропинка раздвоилась, а вскоре в густые заросли завела, где и исчезла из виду. Кинул он пластун-траву, а та не движется. Пока за пазухой лежала, завяла. Пришлось без неё путь искать, да только заросли кругом. Кружит по лесу Игорь, тропинку ищет, а мешок на спину так давит, того смотри, придавит. Хорошо, что пень подвернулся. Присел Игорь на него и чувствует, что и мешку место нашлось – со спины не сползает, удачно о пень опирается. Расслабился от усталости Игорь и не заметил, как задремал.

Очнулся, когда птицы песни по утренней заре запели. Двинулся опять в путь. Но сколько он ни ходил, к тому же пню возвращался. Третий день уже блудил, во рту маковой росинки не держал. Разве что с листьев росу слизывал, тем и утолял жажду. На пятый день сел на пень и заплакал. Зачем ему мёртвому золото с бриллиантами? А Елена потоскует, погорюет и выйдет за другого замуж. Как представил это Игорь, захотел сбросить этот проклятый мешок и пуститься бегом до дома. Напрягся раз, напрягся второй раз, а мешок не скидывается, будто прирос к спине. Игорь и так его, и этак, спиной об деревья трётся, по траве катается, а мешок не скидывается. Вскочил тогда, бросился в лес напролом и выбежал к ручью, что недалеко от родного села протекал. Наклонился, чтобы жажду утолить, смотрит и не верит своим глазам. Из воды уставилось на него чудище, брови которого метёлками вверх изгибаются. А из-за головы горб мешком торчит. Понял Игорь, что к чему, упал навзничь и горько зарыдал. Как ему теперь в деревне показаться? Увидит его такого Елена и никогда не выйдет за него замуж. Вскочил он и к колдуну побежал. Тот на пне сидел, кого-то ждал.

– Ты что со мной наделал? Посмотри, на кого я похож! – бросился Игорь к колдуну.

– Разве я тебя таким сделал? Ты сам просил, чтобы я помог тебе золо-

то найти. Но разве не предупреждал про три человеческих порока?

– Про какие?

– Те, что у горы мужиками представлялись. Говорил я тебе: слушай их и запоминай.

Только сейчас вспомнил Игорь, о чём предупреждал его колдун, но не хотел сознаваться:

– Как слушать, если золото блестит и ослепляет? Если бриллианты сверкают, разума лишают?

– Жадность человеческую одолеть непросто. Первый мужик тебя про неё предупреждал. Говорил, чтобы ты мешок до краёв не наполнял. Второй говорил, что ношу, которая жадностью называется, не скинешь. Она быстро с человеком срастается. Многих в могилу свела. А третий говорил тебе...

– Откуда ты знаешь? Ты же не был там!

– Молодым бывал, как и ты, мешок на спине таскал. А теперь в лесу живу и со стороны на людей смотрю. С золотом тебя ждал. А ты и бриллиантов прихватил. Разве они тебе нужны были? Взял бы два пуда, тогда бы всё сбылось. И ко мне бы вернулось то, что в молодости я из-за жадности потерял. Теперь твоя очередь ждать того, кто тебя спасёт. А мне умирать пора.

– Как же невеста моя? И как же я? – растерялся Игорь.

– Невеста не пропадёт. Сама тебя найдёт, – сказал колдун и прилёг на топчан. – Ты только руку мне подай.

Подав руку Игорь, колдун что-то пошептал, потом застонал, и покинул его дух. А когда покинул его дух, зашумели деревья, вороны закаркали, а потом всё вокруг потемнело.

Похоронил Игорь колдуна и почувствовал, что сила в него непонятная вселилась. Смотрит как человек, но видит всё наперёд. А тут глянул и оторопел. Ведёт старуха козу белую. Присмотрелся, а это его невеста бывшая. А потом напрягся, чтобы услышать, о чём люди говорят, и услышал. Была красавица, молодца любила, а ушёл тот за золотом и пропал без

вести. Вот и двинулась бедная умом. Всё с козой на дорогу ходит – возлюбленного ждёт. Услышал Игорь это и зарыдал. Три дня он рыдал, только на четвёртый успокоился. После этого плача глаза у него на всю жизнь красными остались.

С тех пор он живёт в лесу и ждёт того, кто его с Еленой спасёт. А спасёт лишь тот, кто любовь ни на какие богатства не променяет.

НЕВЕСТА

Возвращался я с речки без настроения. Как всегда, шёл мимо Евсеевых, у которых работал дедушка Ерёма. В другой раз завернул бы к нему, но не в этот. Начнёт ещё спрашивать, что случилось. А мне ни с кем не хотелось разговаривать. И я, проходя мимо, отвернулся. Неожиданно наткнулся на преграду. Поднял голову, а это дедушка Ерёма.

– Я в одну сторону, и ты туда же, – улыбнулся он.

– Задумался и не заметил, – соврал я.

– А я выглядываю, думаю, что же ты ко мне не заходишь? Подождал и решил в магазин сходить. Случилось что? – неожиданно спросил он.

– Да-а-а... – нехотя махнул я рукой.

– А ну, пойдём... Расскажешь...

Рассказывать не хотелось. Да и рассказывают ли такое? Поссорился я с Сашкой Кораблёвым из-за Наташки, одноклассницы. Влюбился я в неё. Сашка знал об этом. Мы же друзья, вот я и поделился с ним. А он меня обманул. Увидел я, как он провожал Наташку. Если раньше он о ней и говорить не хотел, зато теперь... Послал он ей воздушный поцелуй на прощание. Она кокетливо улыбнулась в ответ...

И что теперь делать? Друга-то я, наверное, потерял. А может, отомстить ему? И я рассказал всё дедушке Ерёме.

– Мстить нельзя. Простить надо.

Господь Бог всё видит и рассудит – кто прав, а кто виноват. Ты должен знать, что в любви не бывает друзей. Влюблённый, что безумный, не отвечает сам за себя. Поэтому, не стоит на Сашку обижаться. Вдруг и он в Наташку влюбился? Но если кто обманет любовь свою, от наказания не уйдёт. С этим не шутят. Не зря об этом и в сказках говорится.

– Расскажи, – стал я упрашивать.

– Только это необычная сказка.

Больше для взрослых.

– Дети понимают не меньше взрослых, только не признаются.

– Это правда, – согласился старик...

* * *

Максим возвращался из Барнаула. Дорога была длинная, триста вёрст. Вот и не выдержала ось у телеги, переломилась пополам. Пришлось отправиться к кузнецу в ближайшую деревню. Кузня возвышалась на пригорке за деревней и по чёрному дыму, валившему из трубы, была видна издалека.

Покрутил-повертел кузнец ось и пообещал к утру выковать такую же.

Искать ночлег долго не пришлось. Остановился Максим в крайнем доме у старухи, рядом с кузней. Старуха сначала недовольно поворчала, ночь уже на дворе, вдруг он разбойник, но потом впустила в дом. А когда постелила постель за печкой, такую цену заломила, что «шерсть» на спине вздыбилась... Сначала Максим стал спорить, но потом полез в кошель. Не ночевать же ему под открытым небом? Вдруг волки... Когда зазвенели монеты в руке, старуха неожиданно прошамкала:

– Денег не надо. За беду грех деньги брать. Ты лучше водицы испей, чтобы ночью не вставать и меня не будить, – и подала Максиму ковш. Когда она успела им зачерпнуть – Максим не заметил.

Не хотел он пить, но неудобно обижать хозяйку. Ведь в нужде жи-

вёт, а от денег отказалась. А тут воды какой-то... Почему бы не выпить?

Вкус воды оказался необычным. Кругом солончаки, вода должна быть горькой, а она больше напоминала родниковую, в горах набранную. Но нет рядом гор. От горизонта до горизонта степь. Впрочем, какая разница, откуда вода?

Максим поблагодарил старуху, вытер губы, глянул через окно в тёмную ночь и отправился за печь. Стоило ему головой коснуться подушки, как он крепко уснул.

Проснулся, а в окно заглядывает красно солнышко, и кто-то девичьим голосом на кухне песни поёт. Выглянул, а это красавица с длинной чёрной косой через плечо пряжу прядёт и песни напевает.

– Доброго утречка вам, – вышел из-за печи Максим.

Красавица чёрные ресницы вниз приопустила и ответила:

– Утро доброе.

– А где бабушка? – спросил Максим. Ему было интересно, почему он вчера не видел этой красавицы.

– В лес пошла. Травки ароматной для чая нарвать.

– А вы кто будете? – не может Максим глаз с красавицы оторвать, а у самого сердце в груди колотится, наружу вот-вот вырвется. Слишком уж любя девица.

– Внучка я бабушке, – тихо отвечает та. – Завтракать-то будете?

– Да мне водицы из ваших рук бы напиться, – отвечает Максим.

Подала ему воды девица. Он ковш обеими руками берёт, а сам рук красавицы коснуться пытается. Зарделась та от смущения, ещё краше стала. Пьёт Максим, а сам глаз с девицы не сводит. А когда допил, голова приятно закружилась, будто хмель в неё ударил. «Ах, душенька, ты моя... Сколько я мечтал, сколько во сне перевидал, но такой, как ты, не встречал. Быть тебе моей», – не успел подумать Максим, как в дом вбежал курносый мальчишка, сын кузнеца, и выпалил:

– Папенька вас срочно зовёт. Ось

сладить не может. Совета вашего требуется.

– Я сейчас вернусь, – сказал Максим и вышел.

Кузнец стучал молотом по наковальне – ковал подкову, но только не ось.

– Как спалось? – из-под нахмуренных бровей глянул он.

– Как никогда. Крепко. Даже ничего не снилось.

– Точно ничего?

– Я ещё пока в памяти.

– Память – то, что помнится, а не то, что видится. В одну ночь можно поседеть и постареть, если не скончаться. Работу принимай, – кивнул кузнец в угол, в котором стояла выкованная ось.

– Так сын того... Говорил, что ты совета хочешь. А я только что хотел отзавтракать...

– У меня позавтракаешь. Бесплатно угощу.

– Я там... – кивнул на дом старухи Максим.

– Стой! – остановил его за рукав кузнец. – Скажи спасибо, что цел. А пока цел, запрягай коня и погоняй! Понял? – грозно сверкнул глазами.

– Ну, понял... – оторопел Максим.

Кузнец больше не донимал его. Отвернувшись, продолжил ковать подкову. Максим, конечно, понял кузнеца, но по-своему. Из-за старухиной внучки парни поселковые, наверное, с ума сходят и друг другу носы до крови разбивают. А тут ещё один неизвестно откуда появился. Да его за деревней поймают, убьют и закопают. И никто из родных не узнает, где могилку искать.

Наладил Максим телегу, запряг коня и посмотрел на дом, в котором заночевал. Кроме копошащейся во дворе старухи, никого не увидел.

Вернулся Максим домой и занемог. Горячка на него напала. Третий день огнём полыхает, по постели мечется и девицу к себе зовёт. Пытались родители услышать имя той девицы, но не смогли. Забыл Максим спросить, как её зовут.

Позвали знахарку из соседнего села. Та снадобьем парня напоила, но оно не помогло ему. Тогда она кинула бобы на столе. Легли те полукругом и показали, что сердечные дела мучат парня. Но имя красавицы не узнала.

На следующий день очнулся Максим, сел в постели и печально повесил голову. А у самого лицо жёлтым налётом покрылось, щёки впали, глаза валились, чёрными кругами окрасились. Видят родители, что парень погибает, встали перед ним на колени, за руки взялись и умоляют:

– Ты только не молчи. Назови имя, и мы сразу же коней снарядим и сватов зашлём.

Повеселел Максим, глаза его ожили. Говорит он:

– Как звать – не знаю. И названия села не помню. Вы коней запрягите – я путь укажу.

Запрягли коней, ленточками украсили и бубенчики, золотом блестящие, к дугам подвязали. Бегут кони, бубенчики весело звенят, радоваться бы надо. Только у Тихона на сердце тревожно. Чует родительское сердце неладное.

Подъезжая к дому старухи, увидели красавицу в нарядном сарафане. Стоит, поглядывает на дорогу, будто знает, что к ней свататься едут.

Осадил Тихон коней, Максим соскочил и к избраннице своей бросился. А та печально глаза опустила.

– Иль не рада нам? – заволновался Максим.

– Рада я. Но беда у меня. Бабушка, как ушла в лес за травой, так и не вернулась. Волки её загрызли. Только косточки одни и похоронили. Одинонёненька я осталась. Никому не нужна. И родственников у меня нет, – сказала и заплакала.

Крякнул Тихон:

– Вот и посватались.

А сам коня за гриву тербит, что делать – не знает. Только его жена, Варвара, не растерялась:

– Что стоим? Собирайте невесту, у нас до свадьбы поживёт.

Собрали скромные пожитки и от-

правились в путь. Только отъехали от села, смотрят: мужики с бабами бегут, кто с вилами, кто с граблями, руками машут и что-то кричат.

– Ой, за Максимушку боюсь, – жмётся красавица к парню. – Много желающих ко мне посвататься. А тут из чужой деревни... Кабы не догнали и не убили.

– А ну, пошли, родимые! – бичом стал погонять коней Тихон.

Рванули те в галоп, и вскоре толпа отстала, а потом и вовсе растаяла вдали.

Свадьбу надолго откладывать не стали. Сыграли на этой же неделе. А на следующий день была Варвара горшки, чтобы «обломать невестке роги». Чтоб покладиста та была и слушалась не только мужа, но и его родителей. И радоваться бы Тихону, что невестку хорошую он в дом привёл. Но что ни день, то печальней он. А потом и вовсе закручинился. И жене не может сказать, и сыну признаться. Самому стала любя невестка. Может, оттого, что черты лица ему знакомы. Вон и губы медовые, какие он целовал в молодости и нацеловаться не мог. Красавицу ту Анютой звали. Вскружила она ему голову. А потом – радость-то какая для Тихона! – беременной стала Анюта. Но сыновья радость не всегда является радостью для родителей. Невеста до свадьбы должна оставаться невинной. А Анюта... Позор-то какой! И чтобы избежать позора, женили Тихона на девушке из соседнего села. На следующий день после свадьбы прилетела печальная весть, что Анюта в болоте утопилась. Искали место смерти, но так и не нашли. Осталась Анюта непохороненной. Попечалились сельчане, а вскоре забыли про это. Забыл про Анюту и Тихон. А теперь вот... А вдруг ошиблись – не погибла вовсе Анюта? Вдруг ушла и родила дочку? А теперь вернулась в их семью невесткой...

И закружилась у Тихона голова. Вспыхнула любовь к невестке – пуще, чем к Анюте. Мечется ночами по по-

стели, места не найдёт. Взволновались родственники. Только невестка спокойна, взгляды тайно бросает на Тихона и улыбается.

Измучился совсем Тихон. Вышел рано утром, когда все спали, запряг коня и отправился в путь. Хватились только ближе к обеду. Поначалу думали, что он в лавку отправился счёт наводить. Но не оказалось его там.

А невестка мечется из угла в угол, места себе не находит, и в окно всё поглядывает, вроде как кого-то ждёт.

Никто не слышал, как вернулся Тихон. А вернулся он на третий день поздно ночью, когда все спали. Проснулся Максим от нахлынувшей тревоги, хотел обнять молодую жену, рукой тронул, а той нет, только тёплая подушка. Выглянул в кухню, но и там жены нет. Он на улицу... Слышит – шум непонятный за забором. Смотрит, кони отцовские стоят, и голоса какие-то из-за забора доносятся. Присмотрелся – отец с женщиной... Пытается он что-то ей объяснить, но та зло шипит и прижимает Тихона к забору. Максим подкрался и слышит, как отец говорит:

– Зачем ты так надо мной надсмеялась?

– Я ли? – отвечает женщина старческим голосом. – Или ты забыл, как меня опозорил? Беременную всем на смех бросил!

– Любил я тебя до безумия. Но не волен я был тогда собой распорядиться.

– Любил, говоришь? А теперь я твоего сына полюблю, да так, что тебе и во сне не снилось.

– За что ты сына моего? Он не виноват. Это я... Хочешь, брошу всё и на тебе женюсь? Только сына не губи...

– Ты о чём отец? – шагнул из темноты Максим.

В этот момент выглянула луна из-за тучи, и увидел Максим жёнушку свою.

– Что же ты, батенька, делаешь? – дрогнул у Максима голос.

– Не верь ей. Не верь! Она в болоте утонула! – оттолкнул Тихон невестку.

Упала та и ударилась головой о камень. Максим на колени... Пытается поднять жёнушку, но та обмякла, а из головы кровь на землю капает. Мёртвой показалась Максиму жена. Обезумел он от горя, схватил кол и ударил отца по голове. Подогнулись ноги у Тихона, и упал он замертво на землю. На луну облако опять набежало, смотрит Максим – вместо жены старуха с растрепанными волосами на земле лежит. А потом зашевелилась, голову приподняла и закатилась в дьявольском смехе:

– Что? Думал, на молодой женился? Через твоего отца я весь род его прокляла!

Попятился в страхе Максим, а потом бросился в дом.

Куда старуха делась – никто не видел. Ездили к ней домой, но и там её не оказалось. Тогда приписали Максиму, что жену, как и отца, убил и в болоте схоронил.

Заковали Максима в кандалы и отправили на каторгу. Пытался он в шахте на себя руки наложить, но ничего не получилось. Быть ему три века закованным в железо. Вот и бродит он по подземельям, и стонет от безысходности. Если услышишь этот стон, знай – это Максим страдает. А за что всё это с ним случилось, так и не может понять.

КНИГА ЗНАНИЙ

Ещё раньше я прочитал в одной книжке, что одна из гадалок нагадала смерть Пушкину. И всё произошло так, как она предсказала. Также одному из декабристов, когда он был в Париже, нагадали казнь через повешение. Тот возмутился, заявив, что он офицер и его могут только расстрелять. Но после декабрьского восстания его приговорили к повешению. Раздираемый любопытством, я спросил у дедушки Ерёмы:

– Правду говорят: что нагадает гадалка, то сбывается?

– Правду, – ответил он мне. И добавил: – Если сильная гадалка будет гадать.

– Получается, что свою судьбу можно узнать?

– Нельзя этого делать. Кто начинает интересоваться своей судьбой, тот, в конце концов, трагически погибает. Впрочем, расскажу я тебе одну сказку...

* * *

Давно говорили, что под Алтайскими горами имеются огромные пещеры и живут в них неведомые люди. Обнаружили эти пещеры случайно, когда углубляли одну из шахт. Стали стёсывать уступ, он и обрушился. Когда пыль осела, засияла огромная дыра. Посветили туда факелами, а внутрь горы ход подземный ведёт. Из глубин же доносятся голоса, похожие на человеческие. Но посмотреть, кто там обитает, побоялись. Стали ждать указаний из столицы. Вскоре получили приказ – разведать, что за люди в пещерах прячутся. Не воры ли это или разбойники, которые тайно добывают государево золото?

Но кого послать в пещеру? Подумали и решили, что лучше вооружённого отряда нет. Отобрали десять смелых солдат. Снабдили их ружьями и саблями, съестным припасом на трое суток обеспечили, благословили и спустили в шахту.

Вот уже трое суток прошло, четвёртые наступили, а солдаты как ушли, так и пропали. А там и пятые сутки пошли, а их всё нет. Подумали – и решили отправить на выручку второй отряд. Вооружили уже не десять солдат, а целых двадцать. Каждому дополнительно дали по гранате. Но и второй отряд как ушёл, так и пропал. Запереживал воевода – узнает царь, что целых тридцать солдат понапрасну загубил, в кандалы закуёт. Но что там эти тридцать солдат, если неведомая сила под землёй живёт? Для управы с ней нужна армия. Но

как исхитриться и армию у царя попросить? А вдруг армия тоже уйдёт и не вернётся? Тогда точно не миновать каторги. Но не самому же в разведку отправляться! Стал воевода с боярами думать. Долго думал, аж целых три дня и, наконец, придумал. Решил обрушить вход в пещеру, чтобы сила страшная на волю не вырвалась. Если вырвется, будет где ей разгуляться. А у воеводы пятеро детей и жена молодая.

Чтобы выполнить задуманное, спустили в пещеру десять бочек с порохом, подожгли фитили и затаились за камнями: ждут, когда земля под ногами дрогнет. Ждали-ждали и не дождались. Но и спуститься вниз, чтобы узнать, что случилось, бояться. Смотрят, Федька-дурачок бежит, босыми ногами глубину луж измеряет. Остановили его и говорят:

– Хочешь карамельку сладкую?

– Угу, – кивнул тот головой.

– Спустишься в пещеру, посмотришь, что с фитилями, тогда дадим.

– Не, – замотал тот головой.

– Как? – удивился воевода с боярами. – Ты карамельки не хочешь? Чего же ты хочешь?

– Три штуки хочу.

– Да мы тебе прямо сейчас десять штук дадим!

Обрадовался Федька, в пляс пустился. Но не дали ему доплясать. Насовали в карманы карамелек, самого верёвкой обмотали вокруг пояса и в шахту опустили. Пусть перед бочками попляшет.

Исчез Федька в тёмном провале – и ни слуху ни духу от него. Расстроился воевода, кабы теперь самому не пришлось туда лезть. Наклонился над шахтой, руку ко рту приложил, чтобы закричать, Федьку в последний раз позвать, как из-под земли вынырнула взлохмаченная голова.

– Ты чего так долго? – возмутился воевода.

– Конфеты ел.

– А фитили видел?

– Нет фитилей.

– А бочки?

– Люди их укатили.
 – Какие люди?
 – Двунogie.
 – Мать их яти! – взорвался воевода. – Что же теперь будет? Срочно в погоню!

Спустились три оставшихся солдата в шахту во главе с воеводой. Слышат – впереди них щебёнка хрустнула. Вроде как кто-то крадётся. Загаились, а когда неизвестный поравнялся, навалились на него со всех сторон – и колотить кулаками. Воевода бегаёт вокруг и кричит:

– Вязать его! Вязать!

Связали вора по рукам и ногам, вытащили на свет Божий и приступили к допросам:

– Ты кто такой?

– Солдат я из первого отряда, – отвечает пленённый.

– Солдат должен быть в мундире. А ты в одежонках рваных, – не верят солдату.

И как поверишь, если на нём вместо мундира мешок холщёвый с дырками для головы и рук? И пояс из верёвки пеньковой на несколько раз вокруг туловища обмотан.

– Степан я Кольцов, – говорит солдат.

Стали припоминать и вспомнили, что был такой солдат в первом отряде.

– Говори, что там случилось? – смягчил пыл воевода.

– Там царство-государство целое. Люди там необычные живут.

– Неужто с головами лошадиными? Иль с бычьими?

– Такие же, как мы.

– Чем же они тогда отличаются?

– Всё у них имеется. И еда, и одежда. И яблони круглый год цветут. А на яблонях птицы райские песни поют.

– Врёшь! Рай на небесах, а это под землёй... Там ад! И черти грешников на костре жарят!

– Вот истинный крест, – перекрестился солдат.

– Бога гневить?! – взбеленился воевода.

– Врёт он! – загалдели люди.

Не верят они, чтобы какой-то там

солдатик в раю побывал. Чем он лучше их? За что ему такая честь? Мало, видать, чертям сгинувших солдат, вот и решили теперь новыми поживиться. Степана Кольцова для заманивания отправили. Одежонка-то на нём рваная, а в раю должна быть новая...

– Врёшь, собака! – заорал воевода.

– Ты сам спустись и посмотри.

– Если там хорошо, что же ты назад вернулся? И одежда на тебе рваная и грязная.

– А на кого я жену с детьми оставляю? За ними и вернулся. Хотел тайком, а оно вон как вышло. А что одежда на мне такая, чтобы за крестьянина приняли.

– Отчего же там люди лучше нас живут? Или золота царского много наворовали?

– Золото им не нужно. Им дети играют. И берега на реках вместо песка алмазами усыпаны. Раствор из них месят.

– Врёшь?! – выпучил воевода глаза.

– Если я вру, то зачем же я семью туда забрать хочу?

– Ишь, что захотел! А это видал? – выставил воевода кукиш. – Хочешь, чтобы мы тут, погибая, золото добывали, а ты в раю жил?

– Давайте вместе уйдём.

– А кем я там буду? Тут власть над людьми. А там?.. Кем я командовать буду? Хватайте его – и в каталажку! – приказал воевода.

Посадили солдата в тюрьму. На следующий день к пыткам приступили. Руки-ноги ломают, на дыбу подвешивают и калёным железом живот прижигают. Да так, что запах палёного мяса за версту разносится.

Под пытками солдат рассказал обо всём, что видел. Рассказал о книге, которая у подземных людей имеется. Они её, когда от царских гонений спасались, с собой забрали. В книге этой вся правда записана – от начала до окончания веков. Вся судьба наперёд расписана. Также рассказывается, как судьбу можно изменить. И называется та книга «Глубинная».

– Неужели и про меня в ней написано? – удивился воевода.

– И о твоей судьбе там написано, – отвечает солдат. – И о каждом из нас. Толста эта книга и весит пудов двадцать.

– И про царя-батюшку в ней написано?

– И про него тоже.

– А ты читал?

– Читать – не читал, но видеть – видел.

– Что же ты... прочитать не мог?! А так, знай я судьбу царя, вторым лицом был бы у него! А может даже... – перехватило дыхание у воеводы.

Он представил, как, изменив свою судьбу, занял бы царский трон. На голову корону бы надел и не снимал бы её. Даже ночью, чтобы случайно не завладели. А в руки – скипетр с державой... Царя же вместо себя воеводой бы назначил. Нет, лучше уж наверняка – в кандалы и в шахту кайлом руду долбить. Вот только достать бы эту книгу...

Долго воевода голову ломал, думал, как той книгой завладеть. И ничего не смог придумать, кроме как переодеться солдатом и спуститься в пещеру. На следующий день так и поступил.

Долго он в темноте пробирался по пещере, а когда вышел на свет, то зажмурил глаза. Слишком ярким всё оказалось вокруг. Потихоньку приоткрыл глаза, смотрит – люди трудятся, песни поют, и нет над ними никаких надсмотрщиков с плётками в руках. Да и тех, кто бы командовал, тоже не видно. Впрочем, откуда взяться командиру? Солдаты-то без него спустились. А из простого солдата какой может быть командир? Тут навык нужен. А у воеводы как раз навык имеется. Если что, возглавит подземное войнство.

И только так подумал, как старик с седой бородой подошёл и улыбнулся приветливо:

– С Богом пришёл или иначе?

– Кто же без него ходит? Видишь?

– вынул воевода из-под одежд крестик.

– Тогда милости просим. Делать-то что умеешь?

– По большей части команды отдавать.

– У нас командовать некем. Каждый занят своим делом.

– А вдруг не то начнут делать? Или не туда пойдут?

– У нас, мил солдатик, каждый знает своё дело. А ты, я вижу, пастухом хочешь быть. Стадо пасти...

– Чтобы я – и пастухом? – возмутился воевода. – Я только людьми умею командовать! А ты меня – овец пасти...

– Знаю я, что ты людьми командовал.

– В книге «Глубинная» прочитал?

– В ней много чего написано. Толстая эта книга. Десять тысяч страниц. Чтобы одну прочесть – год потребуется. Но про тебя я в ней что-то не нашёл.

– Как это? Получается, что я не существую? Вроде как живой – и нет меня?

– Получается, так.

– Так не пойдёт. Неправильно это. Ты что-то напутал. Дай мне самому посмотреть.

– Посмотреть можно. Вон, на престоле лежит.

– Её же своровать могут?

– У нас нет воров. Иль ты за тем явился?

– Что ты, старик, на доброго человека наговариваешь. Я сюда нечаянно пришёл. Одним глазом взглянуть на книгу, и про судьбу свою прочитать.

– Судьба твоя в голове у тебя.

– Как это?

– Что сейчас сотворишь, то потом и получишь.

– Твоими устами мёд бы пить. Было б так, как ты говоришь, давно бы я царём стал. Но сколько ни думаю, сколько голову ни ломаю, ничего придумать не могу. Разве что голова от этого опухла и болит. Даже спать трудно.

– Царём стать – это проще простого.

– Да ну? – с надеждой уставился воевода.

– У нас тут каждый царём является.

– Тьфу ты! Я думал – ты серьёзно, а ты надсмехаться. Разве это цари? Царь, когда над другими возвышается! Как орёл в небе! Зорко сверху вниз на холопов своих смотрит. И кого захочет, того и клонёт. А если потребуется, когти в спину запустит. Ты лучше мне книгу дай. Я сам её полистаю.

– Листай, сколько листается. Что ни страница, то год, – сказал старик и исчез.

Обрадовался воевода, что очень просто может завладеть книгой, бросился к ней и принялся листать. Листает её, а там про старые времена написано. Тогда он посередине её открыл. А там написано, как он царём стал и как правит государством. И что ни страница, то всё интересней и интересней. Перевернул он в очередной раз лист – и глазам не поверил. Там написано, будто он от пули своего солдата падёт. Вот она уже летит. Захлопнул воевода книгу на том месте, где пуля к нему подлетела.

– Дальше читать не желаешь? – появился старик.

– Хватит. Если можно, я пойду.

– Иди, если хочешь.

Не верится воеводе, чтоб его просто так отпустили.

«Пуля-то на подлёте... Хорошо, что вовремя книгу закрыл. Не убила меня она. Так что я царём живым остался. Вот только вылезу из пещеры, тогда всем покажу Кузькину мать», – подумал воевода и стал карабкаться наверх.

Когда выбрался, решил глянуть на своё царское изображение. Вынул из кармана зеркало и... ужаснулся. На него смотрел измождённый старик с ржавой короной на голове.

– Как же так? – завыл воевода и вспомнил, что говорил старик ему. Каждая перевернутая страница равня-

лась году. А он дочитал до того места, где перед ним летела пуля.

– Самозванец! – услышал воевода крик, глаза оторвал от зеркала и увидел перед собой пулю.

Пуля летела с того места, на котором он закрыл Глубинную книгу. Ударив, пуля обожгла грудь.

– Воеводу убили! – закричали со всех сторон.

Подкосились у воеводы ноги, и уже мёртвым он рухнул на землю.

Похоронили воеводу на местном кладбище. Шахту после этого засыпали, чтобы ни у кого не возникало желаний искать лучшей доли. Только Федька-дурачок бегал босиком и приговаривал:

– Грех это – знать наперёд, что с тобою произойдёт. А кто того пожелает, тот сполна судьбу испытает. И как помрёт – сам того не поймёт...

САМОЦВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Я был зол на Кольку Перекатова за то, что он обманул. Взял у меня пластмассовый пистолет, взамен обещал ремень солдатский. Но, ни ремня я не дождался, ни пистолета обратно не получил.

– Ну, я ему покажу! – возмущённо сказал я.

– Не надо этого делать, – добродушно сказал Ерёма.

– Почему это?! – не сдавался я. – Да будь моя воля, я его бы заколдовал! Мне бы только волшебную... – в поисках волшебной палочки закрутил я головой по сторонам. А потом увидел камень. – Камень мне волшебный бы заговорный! Вот тогда бы я ему показал, как обманывать!

– И в кого бы ты превратился?

– В волшебника!

– Волшебники добрые. А ты на себя посмотри.

Зеркала рядом не было. Тогда я глянул в окно кладовой и увидел красное и искаженное от злости лицо.

– Это ты сейчас такой. А какой бу-

дешь, когда завладеешь злой силой? В кого ты превратишься?

– Не в свинью же?

– Кто его знает? Говорят же на некоторых, что они свиньи. Так и ты. Вроде человек, а на самом деле свиньей окажешься. Разве не знаешь, что зло возвращается к тому, кто его породил?

– Ну, разве дядя Федя Пронин... Поставил капканы на воров, чтобы яблоки те не воровали, забыл и сам в них попался. Он так кричал от боли, что всё село переполошил.

– Кто делает добро, к тому люди с добром относятся.

Здесь я не стал спорить.

– Хочешь, я про камень сказку расскажу?

– Конечно! – воскликнул я. Хотелось сменить тему разговора.

* * *

Загорелось небо огнём. Два дня горит, не унимается. Птицы умолкли. Собаки куда-то попрятались, даже лаем себя не выдают. Страшно всем, что на Землю опустился ад. За что такой гнев на них Господь наслал – люди не знают. Сидят по домам, в окна с опаской выглядывают. И к чему теперь готовиться – тоже не знают. А незнание – хуже ожидания.

На третий день засверкали всполохи многоцветные, до самой земли опустились. И страшно, и посмотреть хочется. Старики предупреждают:

– Не к добру это. Кабы война не началась.

Но мужики говорят и не столько других, сколько себя успокаивают:

– Шахт в земле нарыли. Золотые и серебряные жилы повыдирали. Но мало этого – за разведку каменьев самоцветных взялись. Вот и прячет Земля-матушка от людей свои богатства. Как с золотом и серебром. Раньше лопатой гребли. А сейчас... Куда оно подевалось?

К вечеру всполохи поутихли. А когда ночь опустилась, совсем угасли и на небе вспыхнула Чигирь-звезда. Никогда она так ярко не горела. А

сейчас луну своим светом затмевает.

Вышли люди на улицу, головы задрали – первый раз видят, чтобы звезда так ярко светила. А та горит и к себе манит.

– Эх, пойти бы посмотреть, куда она зовёт, – вздохнул Трофим, парень молодой. Ему ещё восемнадцати нет, пушок вместо усов, а он – геройство проявлять...

– Сиди! Тоже мне, герой нашёлся! – одёрнул сына Прохор.

Промолчал Трофим. Отцу нельзя перечить. Но утром Прохор проснулся, а сына нет. Думал, до ветру тот вышел, а когда постель тронул – холодной оказалась. Кинулись родители искать сына, да поздно. Солнце взошло, роса испарилась, и следов на траве уже не видно.

Трофим же как ушёл, так и пропал. Третий день село с ног сбивается – ищут парня. Овраги и болота облазили, но тщетно.

А на четвёртый день Трофим сам объявился. Улыбается, будто ничего не произошло. Бросились родители к нему, и сельчане вокруг обступили. Мать плачет, отец от радости смеётся, а сельчане вопросы задавать...

– Вот, – достал Трофим из сумки камень с блестящими гранями.

Смотрят все и диву даются, что за умелец выточил камень размером с куриное яйцо и так гладко отполировал грани. Не камень, а бриллиант целый!

– Это ещё не всё, – сказал Трофим и повернул камень.

Вспыхнул тот розовым цветом и осветил всё вокруг. Люди вначале отпрянули, а потом опять придвинулись.

– Как это у тебя получилось? – спросил Ждан, купец местный.

Жадный он мужик. По мясистому носу и развалистой походке сразу видно, кто перед тобой.

Трофим хоть и вымахал ростом, но наивен ещё. Пожимает тощими плечами:

– Повернул – он и засветился.

– Где ты его взял? – в уме прикинул стоимость камня Ждан.

– Шёл, пока Чигирь-звезда вела, а потом она лучом в землю упёрлась. Наклонился, смотрю – камень гранёный. Поднял его, а он всеми цветами радуги переливается. Чигирь-звезда после этого погасла. Темно вокруг, только камень светит и путь освещает. Я подобрал его – и обратно, чтобы вам показать. Зря мы боялись. Это камень небо освещал. Видно, от звезды откололся и к нам летел. А когда на землю упал, небо гореть перестало.

– А ты не посмотрел, много ли там таких камней? – осторожно спросил купец.

– Один всего нашёл.

– И что ты собираешься с ним делать?

– На память оставлю.

– На память, говоришь? Разве не знаешь – всё, что находится под казнённой землёй, государю принадлежит.

– Камень-то я нашёл.

– Найти – нашёл, а отдать в казну всё равно обязан. Но ты не бойся. На следующей неделе я в столицу еду и камень туда свезу.

– Я и без тебя смогу.

– Гол, как сокол. Вон и лапти в дырах... пальцы жгут. А чтобы в столицу – деньги нужны.

– Взаймы возьму. Мужики помогут. А когда за камень награду получу – рассчитаюсь. Никого не обижу.

– Правильно, – загудела толпа.

Видит купец – парень не клюёт на его хитрость, наоборот, заручается поддержкой мужиков. Но Ждан, что жбан, не привык сдаваться. Из любой ситуации выгадает. Если камень не получит, то за награду донесёт, что парень тайно прячет принадлежащую казне ценность. И пока никто не опередил, в этот же день запряг купец коня и помчался в Змеиногорск с докладом. А вечером вернулся в сопровождении жандармов – и сразу в дом...

– Где камень? – заломили жандармы парню руки.

– Отпустите, я сам отдам, – понял тот, что плохи его дела.

Отпустили жандармы Трофима, тот нырнул в спальню и возвратился с камнем в руках. Прежде чем расстаться с находкой, попросил:

– Дайте, хоть напоследок на него взгляну, – подошёл к окошку и на солнышко камень направил.

Сверкнул тот, а потом вспыхнул ярко и ослепил жандармов. Когда те глаза протёрли, глядь – ни парня, ни камня. Не мог сквозь стены Трофим исчезнуть. И в двери тоже не мог выйти. Слишком плотно стояли около неё. Но парня-то нет. Вроде как испарился. Упали жандармы, ползают по полу, руками шарят, вдруг тот сквозь пол провалился. Но нет в полу дырки.

– Что же это получается? – встал с колен старший из жандармов. – Испарился?

– Как есть, испарился, – поддакивают другие.

– Невидимым стал, – выдохнул Ждан.

– А вдруг он к басурманам улетел? – затаил дыхание старшина.

– Ну и что?

– Это же государственная измена. А если басурмане воспользуются этим камнем? Повернут его и невидимыми станут. А затем к столице незаметно подкрадутся.

– Стены у столицы каменные. Не преодолеть их, – высунулся худенький жандарм.

– Дурак! – шлёпнул его по голове старшина. – Они в ворота незаметно войдут и всю нашу рать перебьют. Они же невидимы. С кем сражаться? С воздухом? А так бы увидел царь-батюшка, что турок на него с войной идёт, повернул бы камень – и вместо столицы степь голая оказалась. И воевать турку не с кем. Пустым бы домой возвратились. А царь камень обратно – раз! И столица на месте. А теперь что? За измену нас?..

– Погодь, старшина, – высунулся тот же жандарм. – Я придумал, на кого всё свалить.

– Ну, и?..

– Кто первым узнал про камень? А узнав, не задержал воришку? Не купец ли?

– Точно! – воспрянул духом старшина. – Вот кто виноват, – указал он на купца.

– Как же так, родимые? – закрутился Ждан. – Я доложил, а задерживать обязаны вы!

– Мы и держали, а упустил ты. Про то, что камень волшебный, нам не доложил. Теперь тебя в кандалы – и на каторгу...

– Не губите, родимые! – упал в ноги Ждан. – Не оставляйте детей сиротами! Пять ртов по лавкам сидят...

– Ладно. Но при одном условии. Будешь следить за домом, и как объявится государственный преступник, сразу доложишь. Но только смотри, того!.. – пригрозил пальцем старшина.

– Сделаю всё, как скажете, – пообещал купец, а сам подумал: «Не на того нарвались. Я сам этот камень к царю-батюшке свезу».

Отпустили жандармы купца, и стал тот караулить, когда Трофим домой вернётся. Но не заметил, как парень оказался в доме. Разве что за откинутой занавеской увидел, как Прохор возбуждённо с кем-то разговаривает и руками машет. Не с женой же? Та в чулане копошится. Вот Прохор кулаком постучал себе в лоб, вроде как вбивал кому-то мысль свою. А кому, кроме сына? Вон и жена подключилась...

Когда Прохор с женой наговорились и спать улеглись, Ждан приступил к делу. Осторожно выставил раму и младшего своего сына в дом отправил. Дети, что кошки, хорошо в темноте ориентируются. Действительно, вернулся вскоре сынишка с сумкой, а в ней камень. Ждан побоялся его доставать – вдруг всю округу осветит. А то ещё хуже: улетишь, как Трофим, а куда – одному чёрту известно.

Не дожидаясь рассвета, Ждан запряг коня и отправился в столицу. По прибытии сразу на поклон к царю-батюшке пошёл.

– Слышал, слышал, – говорит тот, – как зарево от гор Алтайских польхало и всё государство моё освещало. Думал, тайга огнём занялась. Сгорят соболя, как тогда пополнять казну мягким золотом?

– Не пожар это, батюшка, а земля Алтайская камень самоцветный рожала. А когда родила, я на коня – и сразу к тебе примчался.

– Эка, нашёл, чем удивить. Да у меня в царских кладовых столько разных диковинных камёнцев, что ты в жизни таких не видывал. Даже во сне тебе не снилось.

– Царь-батюшка, разве я спорю. Но этот камень, что я нашёл, семьдесят семь граней имеет. И каждая из них особенная. Каждая одно чудо показывает. Вот, например, скачет войско басурманское на столицу, а ты взял, гранью камень в их сторону направил, и нет войска.

– Куда же он подевалось?

– Испарилось. Иль вот... – хотел купец рассказать ещё о чудесных свойствах камня, но не знал их всех. Видел, как Тимофей исчезал. Только и всего. – Впрочем, царь-батюшка, давай я тебе покажу на примере свойства этого камня, – сказал и вытащил камень из сумки.

Когда в сторону царя блеснула полированная грань, купец не удержался, чтобы не глянуть, что в ней отразилось. Глянул и опешил. Стоит царь, уши у него ослиные, а вместо лица свиное рыло.

Затрясся купец, не знает, что делать. А потом в спешке камень крутить и так и этак. Тот выскользнул, ударился об мраморный пол и рассыпался. А царь за живот схватился и хохочет до слёз. Хвать купец себя за уши, а они ослиные. Глянул в зеркало – на него свинья уставилась. А царь хохочет, не знает, что и он такой же, как купец.

– Царь-батюшка! – упала прислуга в ноги царю. – Не вели казнить, вели правду говорить! Вас купец тоже таким сделал.

Царь глянул в зеркало да как заревел:

– В темницу его!!! На дыбу!!!

Схватили стражники купца и поволокли пытаться. Там и сознался Ждан, откуда у него камень.

Привезли Трофима и перед царём поставили.

– Видишь, что со мной твой камень сделал? – показал царь на своё свиное рыло. – Как теперь я перед государями иностранными покажусь, не говоря о поданных? Скажут, что царский трон нечистая сила захватила.

– От меня-то что хотите?

– Чтобы ты вернул мне прежний облик. А не вернёшь, так к купцу в темницу отправлю! Будут тебе руки и ноги ломать, кости растягивать – во всём сознаешься! – топнул ногой царь.

– Мне бы на камень посмотреть, – сказал Трофим.

– Купец-растяпа его разбил.

– Осколки тоже можно собрать.

– Эй! – крикнул царь. – Принесите, что от камня осталось!

Принесли стекляшки Трофиму, и сел он собирать их воедино. Три дня и три ночи трудился, а когда замочный осколок вставил, засверкал камень в прежнем виде.

– Давай, крути быстрее! А то устал от поданных прятаться, – требует царь.

Трофим повернул камень в сторону царя, и принял тот прежний облик.

– Молодец! – похвалил парня царь.

– Ставлю тебя старшим над этим камнем. Будешь теперь служить мне верой и правдой. Когда потребуется, камень в нужную сторону крутанёшь. Все государства мы победим.

– Видишь ли, царь-батюшка, вам надо всё в свою пользу, несмотря на то, что другим во вред. А камень этот может делать только добро.

– Разве то, что я сказал, – нам не добро? Да мы богаче всех станем! Да мы всем миром владеть будем! Потребуется – до звёзд дотянемся!

– Зачем? – удивился Трофим.

– Как это зачем? Разве тебе не хочется владеть всем миром?

– Мне бы справиться с тем, что имею, – сказал Трофим и повернул камень.

Сверкнул тот, и испарился Трофим на глазах у царя. Заметался тот, заорал на стражу, кому пинка поддал, кому голову рубить приказал... Да только зря. Не вернулся Трофим ни в царские палаты, ни домой.

Знал он, сколько зла может принести этот камень, попади в недобрые руки, потому и пожертвовал собой.

А купца царь заставил прислуживать, когда в гости наведывались другие государи. Удивлялись те – откуда такое чудовище с ослиными ушами и свиным рылом? Деньги за него большие предлагали. Но царь никому купца не продал. Самому хотелось вдоволь натешиться. А когда тот пытался объяснить царю, что не виноват, царь щёлкал ему в лоб, приговаривая:

– Вот тебе награда! На! Получи...

СВЕТ-ВОДА

Отец всегда привозил родниковую воду, когда возвращался с полей, расположенных среди гор. Вкусней этой воды, казалось, ничего нет. Даже газировка не могла с ней сравниться. Привёз он воду и в этот раз. И мне захотелось угостить дедушку Ерёму.

– Не волшебная ли это вода? – спросил старик глоток.

– Не знаю. Но вкусная, – сказал я.

– Не вырастут у меня рога? А нука глянь, – приподнял Ерёма волосы на лбу.

– Да ты что, дедушка? – засмеялся я. – Разве могут от воды рога расти?

– Смотря из какого родника она набрана, – сдавалось, что дедушка не шутит.

Я тоже начал шарить рукой по лбу. А вдруг и вправду рога вырастут? Дедушка закатился смехом:

– Видать, много ты плохих дел за день натворил.

– Не помню, – нерешительно ответил я.

– А я вот злился. А почему – не знаю. Топор вон сломал, – кивнул он на переломленное пополам топориче. – Молоток куда-то засунул. А потом подумал и решил устроить отдых. Лёг на тесину в тени под яблоней и уснул. Пока спал, сказка приснилась про родник волшебный. А тут и ты с водицей. Потому и спрашиваю тебя...

– Разве может сказка во сне присниться?

– Мне же приснилась. И похоже – вещая.

– Почему вещая?

– Потому что приснилась родниковая вода, а тут и ты с ней. Разве это не вещий сон? Тем более сказка. И пока не забыл, рассказать надо.

* * *

Прослышали сельчане, что за Колыванскими горами из-под валуна вытекает родник, и что вода в нём не простая, а волшебная. Если чистый душой выпьет этой водицы, то исполнятся все его желания. Но где этот родник протекает – никто не знал.

Прослышал про этот родник и жадный барин. Для него всего казалось мало. Всем хотел владеть. А желаний у него – не как у простого холопа. В голове не умещаются. Приходилось в тетрадку записывать, иначе со счёту собьёшься. А тут родник волшебный... Как же раньше он ничего о нём не знал?

И захотел барин единолично завладеть этим родником. Послал на разведку крестьян. Ушли те и пропали. Вскоре нашли скелеты обглоданные. То ли бараньи, то ли человеческие. Долго рассматривать не стали. Барина другое волнует: что ж теперь, самому в путь-дорогу отправляться? Только подумал об этом, смотрит – странник в белом рубище по дороге идёт, о посох опирается. Сколько лет этому деду – не определишь. Борода седая года упрятала.

– Эй! – крикнул барин. – Иди сюда!

Приподнял странник глаза, посмотрел на барина и повернул к его дому. А тот стоит на высоком крыльечке, заткнул руки за пояс, голову задрал и пренебрежительно на странника сверху поглядывает.

Странник подошёл к барину, поклонился в пояс и спрашивает:

– Не ты ли меня, добрый человек, кликал?

– Придёт время, я свою доброту на твоей шкуре покажу, – качнулся с пятки на носки барин. – Отвечай, откуда и куда путь держишь?

– Из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, где солнце не всходит, а только заходит, где свет с тьмой встречается и там же теряется.

– Ишь, как мудрёно заговорил! И кто же тебя такому в лесах дремучих научил? Не медведи ли косолапые?

– То волки серые. Воют по ночам, а днём приходят и разговаривают.

– Сколько живу, первый раз слышу, чтобы волки разговаривали. Врёшь, поди?

– Они к тебе послали весточку передать.

– Что за весточка? – вздрогнул барин.

Он не верил про говорящих волков, но, услышав про весточку, засомневался: а вдруг и вправду есть такие? Не зря про них в сказках сказывают.

– Просили передать, что не видать тебе свет-воды.

– Как это не видать?! – расщипал барин и, выхватив из-за голенища сапога плётку, со всего маху хлестнул странника по голове.

Закачался тот, но не упал.

– Не твои ли волки разорвали моих крестьян? А ну, в кандалы его – и в яму пыточную! – крикнул он жандармам.

Схватили жандармы странника и уволокли в застенки каменные. Заломили там пленнику руки за спину, накинули на них цепи и подняли на дыбу. Хрустят руки в плечах, да стон вырывается у несчастного из груди:

– За что вы меня так?

– Признавайся, есть ли за Колы-

вань-горами родник такой, водой которого умоешься и посветлеешь лицом? А если голову ей ополоснёшь, то умней самого царя станешь?

– Есть. Течёт, журчит, по камешкам переливается.

– На ухо говори, чтобы другие не слышали, – придвинулся к страннику барин.

– Я бы сказал, да боль уста сковывает, – с трудом выдохнул тот.

– А ну, чуть пониже, чтобы на ухо он мне мог сказать, – приказал барин.

Опустили странника так, чтобы тот пальцами ног пола касался. Барин вплотную подошёл, ухо ко рту приставил:

– Говори, где родник течёт?

– Там, где белыми водами озёро круглое наполняется. Где горы белками в чистых водах отражаются.

– Далеко наговорил. Заблудиться можно.

– Потому и пришёл, чтобы людям добрым эти воды во спасение показать.

– Расскажешь мне, а я уж определю, кому показывать. Сам знаешь: голодранцы, что овцы паршивые. Не столько напьются, сколько намутят и нагочут. Попробуй, напейся после них. Всё святое в дерьмо превратят.

– Что богатый, что бедный – для свет-воды значения не имеет. Она лечит так: кто к свету стремится, тот светлей становится, а кто...

Не успел договорить странник. Барин дёрнул за цепи, чтобы старик лишнего не болтал. Застонал тот от нестерпимой боли.

– Не хочешь боли, говори быстрее! – как я узнаю, что это свет-вода?

– Ты священника с собой возьми. Плётнёшь на него и смотри. Когда увидишь – уверуешь.

– А вдруг его того... – завертел глазами барин, думая, что странник может обмануть. А потом ляпнул то, что пришло на ум: – Пламенем, например, охватит, а потом на меня огонь перекинется.

– Пламя для того, кто его достоин...

– Если так, то пусть горит. А то пугает вечно адом, будто сам святой и не подвержен геенне огненной. Ты тут повиси, пока я не проверю, врётся ты или нет, – сказал барин.

– Стой! Ещё я хочу тебе сказать... – попытался ещё что-то сказать странник, но барину было уже не до него. Надо было спешить, чтобы никто его не опередил.

Облачившись в дорожные одежды, чтобы издалека было видно, что не с холопом дело имеют, он сел на коня и отправился искать свет-родник. Для защиты от разбойников прихватил два пистолета. Не забыл и про саблю. На всякий случай коня запасного взял. Если под ним вороного убьют, на второго переседет и ускачет. Священника рядом заставил идти. В ногах больше правды. Не зря говорят: не полопаешь, пока не потопашь. Вот и пусть отрабатывает барские подношения. А то привык в храме песнопения устраивать. А кто самые толстые свечи покупает? Он, барин, чтобы сразу в раю оказаться. И чтобы архиерей всегда сытым был и исправно за барина просил...

Вскоре показался лес. Когда въехали в самую гущу, кони с трудом переставляли ноги. Путь оказался завален буреломом, как говорил странник. Сосны вековыми лапами цеплялись за лицо. Откуда-то выпорхнул чёрный ворон и так заорал, что кони с испугу захрапели. А потом меж деревьев жёлтые огоньки сверкнули, будто змей трёхглавый жертву высматривает. Не успел барин в себя от испуга прийти, как тут же скрежет, крик и визг окутали лес, будто тысяча дьяволов на землю спустилась... Соскользнул барин с седла и под брюхо коня забился.

– Что с тобой, сын мой? – басит священник.

– Слышал? – дрожит под конём барин.

– Что, барин?

– Крики с визгами...

– Ничего такого я не слышал.

– А видел?

– И видеть нечего не видел. Разве что коряги под ногами.

– Тогда полезай на коня. И одежкой давай поменяемся.

– Зачем?

– Хочу попробовать, смогу ли я в монахи пойти. А то, когда напьёмся свет-водицы, глаза у меня откроются и потянет меня в монастырь. А как там служить – не знаю. А так – хоть с одежки начну... Буду понемногу привыкать, – врёт барин.

Он решил, если архиерей ничего не видел, значит, нечистая сила только на прихожан нападает, а священников обходит стороной. Потому и не заметил ничего священник. А когда поменяются ролями, нечистая сила перепутает и нападёт на священника. Если насмерть не растерзает, то калеккой точно оставит...

– Ты того, видать, устал. Садись на коня, а я ноги разомну, – когда переоделись, ещё раз повторил барин. Видел, что священник сомневается в барской доброте.

Залез архиерей на коня, и отправились они дальше. Хоть и неудобно барину на полусогнутых ногах под брюхом коня идти, но он терпит. Не зря учил священник прихожан терпению. Неожиданно кто-то за штанину – хват! Дёрнул барин ногой, но его ещё сильнее схватили и в лес потянули. Заревел барин и рванул что было сил. Штаны с него соскочили, и побежал он без них.

– Ты куда? – закричал ему архиерей.

– Спасайся, как можешь! Меня чуть в лес не утянули! Штаны сдёрнули!

– Ты за сучок зацепился!

Обернулся барин, видит, что штаны на сучке висят, вернулся, надел их и согнал архиерея с коня. Нечего ему над другими насмеяться!

Но недолго ехал барин на коне. Сорвалась сверху огромная птица. Вроде как беркут. В суматохе не успел рассмотреть. И не успеет голову вовремя увернуть, оторвала бы птица её. А так – только шапку с головы сорвала

и унесла. Не зря странник предупредил, потому барин шапку зимнюю на голову напялил, хотя на улице лето. Много ещё страшного пришлось пережить, пока не запел жаворонок – птица солнца. Тайга в тот же миг расступилась, и открылась взору зелёная долина. На краю её гора высокая. А под горой валун-камень лежит, из-под которого родник весело журчит, серебром блеснит, глаза слепит. Бросился барин к ручью, но, вспомнив про огонь испепеляющий, остановился и священника вперёд подтолкнул:

– Ты у нас святой. Иди, испей водицы.

Тот, качаясь от усталости, опустился на колени, зачерпнул рукой водицы и выпил. И что за диво! Нимб золотой над головой священника засиял. Хотел священник ещё раз воды зачерпнуть, но не успел, барин подскочил и оттолкнул его:

– Хватит воду поганить! Дай другим напиться!

А потом упал на живот, припал губами к ручью и начал жадно пить. Вода уже в горло не лезет, а барин всё пьёт и пьёт. Хочется ему святее всех святых стать. Когда вода обратно начала вытекать, только тогда он оторвался от ручья.

– Ну что, отец святой, молчишь? Разве не видишь, какой я святой?

– Свят, свят... – попятился священник, а потом развернулся – и бежать в лес...

Наполнил барин водой всю имеющуюся посуду, накинуд на голову припасённую шапку и отправился в обратный путь.

На подъезде к дому соскочил с коня и во двор шагнул, а сам всем на показ головой вертит, ждёт удивлённых возгласов. Только все почему-то попятнулись и рты руками прикрывают, чтобы не закричать.

«Онемели от удивления, сказать ничего не могут!» – начал сердать барин, а сам вслух:

– Что молчите? Онемели? Вижу, давно я вас плетями не порол!

– А что сказать? – наконец пришли в себя дворовые.

– Что видите, то и говорите!

– Так мы... этого... того... Сказать-то что, чтобы ты нас не наказал?

– До чего же вы тупые! Вам обязательно надо подсказывать? Что у меня на голове?!

– Шапка. Соболья.

– У попа поверх скуфьи нимб засветился, когда он один глоток воды святой выпил. А я её до пупа напился. У меня не только над головой, но и над шапкой должно зарево полыхать!

– Никакого зарева.

– А так! – сорвал барин шапку.

Шарахнулись в стороны дворовые, а один старик упал на колени, начал торопливо креститься и шептать:

– Отче наш. Иже еси на небеси...

Бросился барин к зеркалу, смотрит, а у него рога из головы торчат. И всё бы ничего, но они растут, вверх тянутся, скоро, как у оленя, вырастут. Взвыл барин, выскочил на улицу – и хлестать всех плёткой налево и направо! А потом подскочил к коню, выхватил из сумки бутылку с водой и заревел:

– А ну все ко мне! Пить, пока всё не выпьете!

Захотелось ему посмотреть, что за воду он пил.

А дворовые боятся пить воду, но и битыми боятся быть. Ведь барин в гневе может до смерти забить. Так уж и быть, лучше уж рогатым остаться, чем головы лишиться. Стали подходить и пить воду из бутылки. И что за чудо! Ни у кого рога не выросли. Наоборот, у кого маленький нимб появился, а у кого ярче солнца засветился. А барин к земле всё ниже и ниже клонился, а когда глянули, сгорбатился он.

Завыл барин и бросился в темницу, чтобы странника пыткам подвергнуть. Распахнул двери – под потолком цепи пустые висят, а странника нет. Куда он подевался – никто не может сказать. А барин уже на четвереньках скачет, и лицо его шерстью

обрастает. Испугались стражники, разбежались кто куда. Выскочил барин из темницы и бросился в лес. Не захотел он тогда дослушать странника. А тот хотел предупредить, что два родника текут под горой. Первый, что из-под валун-камня вытекает, суть человеческую проявляет, второй, что поодаль среди травы протекает, лечит больных душой. Поэтому если человек выпьет из первого родника, то высветится вся суть его. А барин-то был пуще лютого зверя. Ему бы надо было вначале излечиться от пороков, выпить из второго родника, а потом уж подойти к первому. Но кто об этом расскажет барину? Исчез странник, и никто теперь не расскажет, где найти второй родник с лечебной водой.

Много времени прошло с тех пор. Забыли уже про случай с баринком. Лишь иногда в самые глухие ночи слышен из леса страшный вой. Говорят, это барин заблудился и воем от отчаяния. А что за барин – сказать не могут.

СТЁПА-НЕДОТЁПА

Дед Ерёма по вечерам стал захаживать к нам. Возможно потому, что отец доставал гармошку, садился на лавку у летней кухни и наигрывал разные мелодии.

Ерёма молча курил самокрутку и смотрел вдаль. Самокрутка затухала, дед её раскуривал, а потом забывал про неё. Поначалу казалось, что он любит закатом. Но потом я понял, что он смотрит куда-то далеко, вроде как что-то вспоминает.

В один из вечеров, когда отец отложил в сторону гармошку, Ерёма вздохнул и сказал:

– Сколько всего было... Помнишь, Иван, как требовали с одной свиньи сдать полторы шкуры?

– Как не помнить? – ответил отец. – Хоть умри, но полторы шкуры с одной свиньи сними и сдай. А не сдашь – враг народа. Да что далеко ходить? Ещё прошлый год по дворам ходили,

скотину считали. Большой одной коровы не вздумай держать... Кур на насестях считали. Вдруг ты больше нормы держишь? Овец по загонам от счетоводов прятали, а кур с насестей – и в мешки... А как иначе семью было прокормить?

– Да-а-а, Иван. В царстве Ермолаевом мы живём.

– Что за царство?

– Было такое...

* * *

Жил-был царь Ермолай. И было у него царство под названием Еромлия. Простиралось это царство от солёных морей до высоких гор и имело плодородные земли. С таких земель можно собирать богатый урожай, но, несмотря на это, запасов с трудом хватало год скоротать. Царь, как ему казалось, все силы прилагал, чтобы его поданные процветали. Для этого издавал указ за указом. Пока начинали один указ исполнять, выходил другой. Бросались его исполнять, как из-под пера царя выходил третий... Видя, что невозможно выполнить один указ, как появляется следующий, стали ждать, когда царь выпустит окончательный указ. Но такой указ никак не выходил из-под пера царя. Царство же с каждым днём приходило в большее запустение.

Сел царь, подпёр рукой подбородок и задумался. Долго думал, аж целых три часа, а потом издал указ, чтобы в каждом дворе было маленькое царство со своим государём. Если это маленькое царство хорошо проживёт, то и всё его государство тогда расцветёт.

Запереживали крестьяне – где же они короны золотые возьмут? Заволновались и помещики с боярами – кем же они будут, если крестьяне царями станут? С кого они оброк будут собирать?

Долго думали помещики с боярами, бороды кулаками подпирали, затылки чесали, а потом пошли к царю с поклоном, пали ниц и говорят:

– Прости нас, царь-батюшка, за

нашу дерзость. Не карай и бороды наши топором не руби, а выслушай нас, недостойных мизинца твоей руки. Отмени указ. Не можем мы быть барамы, если крестьяне станут царями. Не с кого нам будет оброк собирать и пополнять твою казну. Ведь крестьяне выше нас станут и не будут нам подчиняться.

– Как вы посмели указу моему перечить?! – взбеленился царь и посохом об пол стучать. – Вот почему моё царство не процветает, а на радость врагам увядает! Если не будете казну мою пополнять – бороды ваши затрещат и головы с плеч полетят! Идите и выполняйте, что я повелел! Разрешаю вам не одну корону, а две на голову напялить, тогда будете выше крестьян. За это в два раза больше будете в казну мою вносить. А кто пожелает – может три короны нацепить! – сказал царь и сам удивился, как хитро придумал.

– Как же мы две или три короны на головы нацепим? Они же не уместятся. Одна другую столкнёт.

– Эх, глупые... Как я устал с вами. Сами не можете сообразить... Вы одну корону на другую наденьте. А если будут сваливаться, веревочками свяжите.

– А если у нас две или три короны на голове, а у тебя одна всего, то кто ты тогда? – топчутся на месте бояре с помещиками.

– У меня в короне алмазы с рубинами, а вам я этого не позволял. Теперь понятно, кто я?

– Понятно, царь-батюшка. Золото мы постараемся наскрести, а вот алмазов с рубинами у нас нет.

– Идите и выполняйте! А завтра доложите, – сказал царь, и ушли бояре с помещиками.

Но вскоре крестьяне пришли с поклоном к царю:

– Где же мы, батюшка царь ты наш, золото на короны найдём?

– Золота у вас нет? Дам я займы. За это вы должны со мной вдвойне, лучше втройне рассчитаться – этак... – посмотрел царь в небо, а потом вы-

палит: – Месяца через три... Нет, два... Иначе говоря, через три дня рассчитаетесь.

– Как же мы через три дня рассчитаемся, если урожаем один раз в год урождается? И то не всегда.

– Ах вы негодные! – затопал ногами царь. – Вот почему моё царство бедное! Не хотите указы выполнять! Всех на задний двор – и плётками!..

Разбежались крестьянами по домам и стали думать, как царю угодить, чтобы битыми не быть. Но долго думать не пришлось. Услышали шум на улице, выглянули – по улице Стёпанедотёпа, дурачок деревенский, бежит, босыми ногами пыль поднимает. На голове его корона из бумаги склеена и жёлтой краской окрашена.

Крестьяне к помещикам бросились, чтобы доложить. А те к боярам гонца послали, чтобы сообщить.

Собрались бояре на совет, сидят и думают, догадается ли царь, что у них бумажные, а не золотые короны. И тут пронзила мысль: «А не показать ли дурака царю. Пусть видит, что за указ он выпустил. Иначе подумают иностранные государи, что его царством правят дураки, нападут и разграбят. А если не разграбят, то точно на смех поднимут и не будут считаться с царём как с государём. Ведь кто пожелает дружбу с дураком водить?»

Когда решили, тогда и дурака стали к себе манить. Кажут ему сладких петушков из карамели. Тот остановился, нога об ногу почесывает, думает, как бояр обмануть и завладеть сладостями.

– Ты, Стёпа-недотёпа, должен не по улице бегать, а на троне сидеть да посохом об пол стучать, указы издавать.

– Трон не тронь. Меня не вяжи – лучше укажи? – пролопотал Стёпа.

– Видишь дворец, – показали на резные окна бояре. – Войдёшь в него, там и трон стоит, а в нём старик сидит. Скинь старика и сам садись. Да смотри, никому трон не уступай.

– Не хочу в доме сидеть, хочу по улице пыль ногами поднимать, – ска-

зал дурачок и собрался дальше бежать.

– Постой! Мы тебе целый воз петушков сладких дадим. Будешь каждый день ими лакомиться. Когда съешь, ещё воз привезём.

– А не обманете? – загорелись у дурака глаза.

– Не обманем. Вот возьми, – сунули они ему сладкого петушка на палочке.

Сосёт тот карамель, чмокает и от удовольствия глаза прикрывает. И пока дураку другая дурная мысль в голову не влетела, подхватили его и повели во дворец. Завели в царские палаты, смотрят – царь руками голову обхватил и дрожит, будто лихорадку подхватил. Топчутся бояре в дверях, боятся приблизиться, болезнью заразной заразиться.

– Что это с тобой, царь-батюшка? – осмелел старший из бояр.

– Ворог, как узнал, что царей у нас много, так подумал, что и богатств столько же. Двинул на нас войско несметное. Что делать – ума не приложу.

Дурачок же глазами вращает, ищет трон с царём. Он никогда во дворце не был и не видел царя, потому и в лицо того не знал. А царь, как увидел дурака с короной на голове, обрадовался. С трона соскочил, руки дураку целовать и приговаривать:

– Вот видите, если хотите, можете короны золотые носить. На трон его надоть вместо меня... Временно.

Испугались бояре, что царь умом двинулся – трон без боя сдаёт. А если хитрит? Не упредил ли он их замысел? И поспешили во всём признаться. Ведь повинную голову не секут. Говорят они:

– Это, батюшка, дурачок из бумаги корону сделал и жёлтой краской покрасил. К тебе его привели, чтобы решить, что с обманщиком делать – выпороть ли его или голову рубить?

Но царь внимания на бояр не обращает. Радует, что нашёл того, кто за него поцарствует. Будет с кого за поражение от врага спросить и голову срубить. Правда, если враг не

примет дурака за царя и первым ему голову не срубит.

– Проходи, дорогой. Садись на трон, – ведёт царь дурака под руку. – Я уже семь лет не отдыхал и здоровье не поправлял. В отпуск хочу. На курорт южный. Ты же царством за меня пока поуправляешь.

Испугались бояре – кто же войском будет командовать? Дурак? Он так командует, что всё войско с боярами на поле брани головы сложит.

В это время явился во дворец воевода, чтобы приказ получить, в каком направлении полки двигать. Царь говорит ему:

– Теперь не я команду, а он, – и кажет на дурака.

Воевода растерялся. А Стёпка посохом об пол, да как рывкнет:

– А ну, кому кланяешься?! Теперь я царь!

Воевода не робкого десятка. Но и он упал на четвереньки и головой об пол ударил:

– Не вели казнить, вели миловать! Разреши мне всю правду говорить.

– Ну? – сдвинул фальшивый царь брови.

– Скажи, как нам врага одолеть? Войско огромное он собрал и на нас движет. Грозится всем головы порубить и царство разорить.

– Не ты ли воевода? Не тебе ли знать, как воевать? Зачем тебе голова? Чтобы на плечах носить или думать? Это я могу быстро поправить. А ну, палача!..

Задрожал воевода и говорит:

– Не мной был такой порядок заведён. Испокон веков только царь войском командовал. Только он указывал, куда скакать и как мечами махать. А теперь как быть – не знаю. Нарушу заведённый порядок – головы не сношу.

– Как, как... – рассерчал Стёпка. – Поезжай и побеждай.

Не понял воевода, в каком порядке войско вести. Но царя переспросить – самому себе голову срубить. Да и дурак... Сначала голову отрубит, а

потом начнёт думать, как на место её приделать.

Попятился воевода, а когда вышел из дворца, приказал войску:

– Вы оттедова, а если что, то оттедова... Не получится с первого разу, действуйте со второго, но только с обратной стороны.

Ворог же выстроился перед главными воротами столицы – ждёт, когда противник выйдет на бой. Но почему-то из боковых, а не из главных врат выскочило войско царское и надвое разделилось. И выстраиваться не стало. Одна часть его в поле поскокала, вторая вокруг град-столицы принялась кружить. Смотрят вороги и ничего понять не могут. Надо воевать, противник в боевые порядки не выстраивается. Не по правилам поступает. Как быть? Не нарушать же строй? Пока думали, сзади воины царские налетели, стрелы с пиками в спины пустили и обратно в кустах спрятались. Начал враг полки разворачивать, в это время с левой стороны воины царские напали, а потом и с правой. Стали боевые порядки врага путаться. Кричит воеводе предводитель чёрного войска:

– Надо честно лицом к лицу сходить! Кто сильней, тот и должен победить! А ты?..

– Я бы рад, но царь на время войны в отпуск ушёл. Вместо себя дурака назначил. Как тот командует, так и воюем.

– Разве можно на дурака царский трон оставлять? Так можно и государство потерять!

– Я всё понимаю. Но что делать? Не могу же я послушаться! Иначе головы мне не сносить!

Пока разговаривали, воины царские под войско туземное подземный ход подкопали и бочку с порохом взорвали. Полетели вверх ногами вороги, да так и попадали на землю. Увидел предводитель ихний, что битва верх ногами пошла, вскочил на коня и ускакал. А потом другим государям рассказал, что невозможно воевать с царём-дураком, так как нельзя опре-

делить, что от того ожидать. Услышав это, больше никто не осмеливался пойти войной на Ермолаево царство.

Царь долго под стогом сена прятался, а когда сено скормили животным, тогда и Ермолая увидали.

– Что это ты прячешься? – спрашивают.

– От ворога, – отвечает царь.

– Так его давно победили.

– А что же вы мне раньше не доложили?

– Искали тебя, найти не могли. А потом подумали, что тебя в полон увели.

– Жив я и здоров. Лучше скажите – кто на троне сидит?

– Стёпа-недотёпа.

– Разве ему ещё голову не отрубили?

– Наоборот, оберегают.

– Так он же государством править не умеет!

– Потому и людям жить не мешает. Те только десятину в казну отдают и дальше живут. А кто кого притесняет – того на заднем дворе плётками наказывают. И помещиков, и бояр. Дурачок не разбирается ни в званиях, ни в почитаниях. Всех одинаково порет.

Поспешил царь во дворец – и дурака с трона сталкивать. Только тот упёрся ногами и не уступает трон.

Видит царь, что не справиться ему. Тогда на хитрость пошёл. Знал, что дураки хитрить не умеют, потому наивно обещанному верят.

– Хочешь, Стёпа, я тебя карамельками сладкими угощу?

– Кто же их не хочет?

– Подойди к окну и выгляни на улицу. Там вся площадь ими усыпана.

Как услышал Стёпа про это, соскочил с трона и бросился к окну. А царь – прыг! Занял трон и сразу брови грозно сдвинул.

– Всех, – кричит, – казню и покараю!

И полетели головы с невинных голов. Только дурака царь не трогает. Вдруг ещё пригодится! А тот бегаёт босиком по улице, ни одной лужи не пропускает и весело смеётся. А что

скучать, коль солнце ярко светит? Да и царь угостит когда-нибудь сладкими карамельками...

СКАЗКА ПРО КОЛДУНА

– Дедушка, – спросил я, – как колдун вмещался в свинью или кошку? Он же вон какой большой!

Старик улыбнулся:

– Не превращалось тело колдуна в тело животного.

– А кто же тогда? – не понял я.

– Душа его. Ведь животные не имеют души, поэтому у них внутри имеется пустота. Вот он и туда...

– По телевизору я видел, как изгоняли беса...

– Пьющий человек или наркоман теряет душу. Вот этим и пользуется нечистая сила. Прыг туда. Так и колдун. Знает он, как войти в тело животного не телом, а душой.

– А сам колдун куда девался?

– Где спал, там и оставался, пока душа не нагуляется. Когда свиньёй или кошкой нагуляется, назад возвращалась. Только колдун, как лёг спать, так и должен оставаться. Иначе душа не сможет обратно войти. Так вот...

* * *

Жил в одной деревне Дорофей – одинокий мужик. Ничем особенным не выделялся. Был, как и все. Также работал, вместе со всеми отдыхал. Иногда за интересными разговорами засиживался с мужиками допоздна. Куда ему спешить? Дома ни ребёнка, ни котёнка. Разве что иногда захаживала к нему Лизавета. Она, как и Дорофей, была одинокой. Почему замуж не шла? Наверное, оттого, что уже годы... За пятьдесят перевалило. Придёт, принесёт Дорофею кастрюльку еды да кринку молока. Посидят, поужинают, поговорят да разойдутся довольные. Деревенские уже привыкли к этому. Ни шума, ни скандалов не слышали от странной парочки. Воркуют, как голубки, приятно даже посмотреть...

И вот идут как-то Николай с Андреем, два деревенских шутника, друг другу шутки-прибаутки рассказывают, гогочут, как гусаки. Со стороны посмотришь и подумаешь, что это два ненормальных идут. Им за сорок, а они, словно маленькие дети, остепениться никак не могут. Поравнявшись с домом Дорофея, они остановились, а потом решили в окно заглянуть – узнать, что делают в такой поздний час Дорофей с Лизаветой. Спать уже должны, а из окна свет льётся. Подкрались друзья к окошку и заглянули внутрь. Раскинув руки, Дорофей лежал на кровати и так храпел, что усы его хохлятские вверх взмывали, а потом обратно по подушке расстились.

– Давай усы на узел под носом завяжем, – предложил Николай.

– А Лизавета? – на всякий случай спросил Андрей.

– Вроде ушла.

– Чего же Дорофей свет не выключил?

– Устал от разговоров с бабой. От трёпа знаешь, как устаёшь...

– Это точно. Особенно когда баба трещит, – расправил Андрей затёкшую спину. – Усы, говоришь, завязать? Завязать-то можно, но эффекта не будет. Давай Дорофея вместе с кроватью в сад под яблоню вынесем. Проснётся, сразу не сообразит, где находится. Подумает, что в рай попал. Вот смеху будет...

Так и поступили. Хорошо, что дверь оказалась незапертой. Вынесли спящего Дорофея вместе с кроватью и оставили под яблоней. И только вышли из сада, как поросёнок следом увязался. Бежит, за ноги то одного хватит, то второго. Как ни отбрыкивались от навязчивого животного, ничего не получалось. Поросёнок как хватит за штанину – так сразу дырка. А если за ногу ухватит? Замахнулись друзья камнями, а поросёнок смотрит на них и вроде понимает их мысли. Не успели камни в него запустить, а он уже увернулся.

– Ах ты, бесовское создание! – вы-

крикнул Андрей и в очередной раз бросил в поросёнка комом земли.

Тот взвизгнул, а потом как прыгнет! Вовремя Андрей ногу отдёргнул. Иначе хрустнула бы она пополам. Поросёнок за штанину ухватился – и терзать её... Та трещит, штаны с пояса сползают, того смотри, без портков Андрей останется. Объясни потом жене... Насилу Андрей вырвал ногу и пустился бежать. Николай следом. Но и поросёнок не отставал.

– Что ему надо? – дышит в затылок Николай.

– Чёрт его знает! Увязался паршивец. Распустили скотину по ночам. Узнаю – рожу набыю.

– За рожу и сам по сопатке получить можешь. Вот если бы поросёнка из ружья... И нам бы молочная свинина, и людям наука... У тебя, кажись, в спальне ружьё на стене висит.

– Висит.

– Что же мы кружим? Побежали к тебе!

Забежали мужики в дом, ружьё со стены сорвали – и на улицу... А поросёнка нет.

– Куда он подевался? – вертит головой Николай.

– Как человек, всё понимает.

– Стой... – притих Николай. – Никак этот поросёнок... того?..

– Чего того? Вечно ты загадками говоришь, – перешёл на шёпот Андрей.

– Не поросёнок это, в общем, а человек.

– Тоже мне скажешь... Я что, поросёнка не видел? У него же рыло свиное. Иль ты его за чёрта принял?

– Оборотень это. Видишь, понимает... Я того... – попятился в дом Николай. – Есть человечину не буду.

– А штаны? Он же изодрал. За это ему пулю... и пусть валяется среди дороги.

– Помнишь, в детстве рассказывали? Побили свинью, утром смотрят – бабка на печи сидит и стонет. Вся синяя. А били-то свинью. Так и тут. Застрели поросёнка, а он умрёт и на твоих же глазах в женщину превра-

тится! Тебе-то что? „А стреляли-то из твоего ружья...“

Подумали мужики и решили не убивать поросёнка, а утром пойти по дворам и посмотреть, у кого такой имеется. Тогда можно будет и счёт за изодранные штаны предъявить...

Но утром разлетелась по селу весть – Дорофей в саду под яблоней никак проснуться не может. Его даже холодной водой из колодца отливали, но и та не подействовала.

Бросились Андрей с Николаем до Дорофея, а навстречу им Лизавета, что-то в мешке за спиной тащит.

– Как он там? – спросил у неё Андрей.

Та сверкнула глазами, да так, будто огнём обожгла, и дальше пошла. В мешке кто-то шевельнулся и хрюкнул. Мужики переглянулись. Лизавета будто спиной почувствовала, обернулась и сказала:

– Порося у Дорофея забрала, чтобы не издох, – и продолжила путь.

– У кого ещё такой поросёнок есть? – крикнул вдогонку Николай.

– У того, у кого на груди шерсть, – ответила Лизавета.

Мужики машинально распахнули рубахи и уставились на грудь. У обоих на груди были волосы.

– Что же это получается? – задумался Андрей. – И у тебя, и у меня на груди волосы, а поросей у нас нет, – глянул вслед Лизавете, но та словно испарилась. Как так быстро исчезла – Андрей не мог понять. Улица-то прямая, три сотни метров до поворота надо пройти.

– Она про шерсть говорила... А у нас волосы. И поросят у нас нет. Так что шерсть надо искать у того, у кого поросёнок.

– Не у Дорофея же! К тому же он без чувств. И поросёнка Лизавета унесла.

И друзья решили не ходить к Дорофею. Но вскоре по селу прокатилась новая весть, что Дорофей впал в кому. Лежит – и дыхания уже не слышно. Зеркальце ко рту подносили,

смотрели – потеет ли? Оно лишь слегка покрылось испариной.

Когда весть долетела до Лизаветы, та мигом вернулась, упала около кровати – и кричать. А сама волосы на себе рвёт, клочками по сторонам раскидывает. Люди за руки её держать, а она взметалась и давай орать, как умалишённая.

– Что же ты убиваешься? Он ведь живой, а не мёртвый! Давайте Дорофея в дом занесём. А ну мужики! – скомандовали бабы.

– Поздно уже. Петухи уже накукарекались, – ревёт Лизавета.

– Причём тут петухи? – опешил Андрей.

Задумались и другие. Неожиданно соседский петух закукарекал во всю петушину мощь. Дорофей задёргался, ногами замахал, вроде как бежать собрался. Загалдели радостно люди. А петух возьми и замолчи. Дорофей-то опять затих. Сунули к его губам зеркальце, а оно не потеет. Умер Дорофей.

Долго решали, где его хоронить. Оказался он неотпетым. Три раза за священником подводу посылали, но никак не могли батюшку до покойника довести. У одного коня на полпути дуга сломалась, а потом он ногой оступился и вывернул её. Во второй раз у телеги колесо рассыпалось. Третьего коня запрягать, а тот будто с ума сошёл, так начал выкручивать, что обе оглобли пополам... Вылез батюшка из телеги, перекрестился, молитву прошептал и восвояси отправился.

– Куда вы, батюшка?! – крикнули ему.

А тот обернулся и сказал:

– Чует конь нечистую силу. Не буду я его отпевать.

Тут-то и вспомнили, что Дорофей на петушиный крик собирался убежать. Неспроста это.

Зато Лизавета, как услышала, что Дорофея не будут отпевать, обрадовалась, лицом посветлела, и на щеках её заиграл румянец. И страдания её куда-то исчезли. Переглянулись люди, но ничего не сказали. А тут

поросёнок опять под ногами стал путаться. Андрей раз его ногой поддел, второй, а когда собрался третий раз ударить, зевота напала. Стоило ему открыть рот, как что-то мухой залетело – и щекотать горло... Андрей попытался выплюнуть муху, но сколько ни силился, ничего не получилось, так и пришлось проглотить.

А мужики уже на крик перешли, грубыми словами ругаются, решить не могут, где Дорофея хоронить.

Кашлянул Андрей и голосом, похожим на голос Дорофея, заговорил:

– Что вы у гроба богохульствуете?

Переглянулись мужики – Андрей ли это? Тот заметил и говорит:

– Муха в рот залетела. Поперёк горла застряла. Сколько ни кашлял, никак не вылетает. Потому и голос изменился. Так вот, мужики. Не судите, несудимыми останетесь. Надо выполнить долг – отдать должное покойнику. Похороним его, как обычно, на кладбище. А там пусть другие разбираются.

На том и решили.

Лизавета хоронить Дорофея не пошла. Лихорадка на неё напала. Когда начали опускать гроб в могилку, поросёнок откуда ни возьмись выскочил, с ног Андрея сбил, да так, что тот чуть в могилу не свалился. Хорошо, что собака под ногами оказалась. За неё придержался и не упал лицом в могилу. Успел руки раскинуть и за края могилы зацепиться. Заорал со страху, муха из горла вылетела. Даже дышать легче стало. И голос прежним стал. Успели мужики схватить Андрея за руки и выдернуть из могилы. Иначе – упади он на дно, в ту же ночь умер бы. Примета такая. Хоть и удивился Андрей, что муха в желудке за трое суток живой осталась, но никому об этом не сказал.

Опустили в могилу Дорофея, как и всех, – головой на запад.

«Он и в доме головой на запад спал, как мертвец... – от догадки перехватило дыхание у Андрея. – А под яблоней мы его головой на восток по-

вернули. Потому душа его и не нашла хозяина».

Забыв про поминки, Андрей поспешил домой.

Этой же ночью разбушевался ветер. Рвал крыши на домах, метал по улице мусор, злобно завывал в трубе, а потом разразился гром и полил проливной дождь. Лишь к утру всё стихло.

Утро выдалось ясным. Ярко светило солнышко, весело пели в саду птицы. «Наконец-то Дорофей с нечистью успокоились», – только успел подумать Андрей, как с улицы донёлся непонятный шум. Андрей вышел на крылечко и увидел встревоженных людей.

– Собаки могилу раскопали! – кричал дед Ерофей.

– Какую могилу? – поспешил к нему Андрей.

– Дорофееву! Понёс ему стопарик с завтраком, как и водится, глядь, а могилка раскопана! До самого гроба!

– Гроб-то что?

– Крышка сдвинута.

– А в гробу?

– Не рассмотрел. Ноги затряслись. Шибко испужался.

Поспешили сельчане на могилку, смотрят: действительно могилка раскопана. Вокруг собачьих следов тьма тьмуцая, и крышка гроба сдвинута так, что щель виднеется.

Кого вниз посылать, чтобы посмотреть, в гробу ли Дорофей? Все боятся. Нечистое тут дело. Тогда решили засыпать могилу. Покойнику теперь всё равно, заколочена крышка гроба или нет.

Только дед-ведун из соседнего села, узнав про это, головой качнул:

– Гроб должен быть заколочен, иначе покойник из могилы выйдет и будет беспокоить живых.

Но не раскапывать же опять могилку? А по селу начался падеж скота. Ночью кто-то нападает и убивает животных. Мясо не ест, кровь высасывает. Стали поговаривать, что это Дорофей из могилы выходит. Обратились в полицию. Те раскопали могил-

ку, а гроб пустой. Вот те и Дорофей! Сколько лет рядом жил – и не знали...

А тут у Егорки Фомина кур с кроликами кто-то ночью порвал. Присмотрелись – следы собачьи к дому Лизаветы ведут. Мужики с бабами, не дожидаясь рассвета, вооружились кто чем мог и двинулись убивать собаку. Но Лизавета глаза выпучила:

– Какая собака? Найдёте – ваша будет. У меня на собачью шерсть аллергия.

Вспомнили бабы: действительно Лизавета не переносила собак, кашляла и чхала, пятнами красными покрывалась.

Но Андрей с дедом Ерофеем не поверили ей, решили проследить за домом. Залегли вечером за плетнём и стали наблюдать. Долго ждали, даже в сон потянуло. Слышат – свист. Вроде как что-то дымом из трубы вылетело. Деда в дрожь бросило, лежит, зубами стучит, встать не может. Андрей, пересиливая страх, подполз к окну, заглянул внутрь и сам задрожал – на кровати Дорофея мёртвого увидел. На лице же ни одного пятнышка тлена. А тут собака взвизгнула и боком из темноты вышла. Дунул ветерок, и заплясала собака на месте.

– Ну, родимая, пойдём повеселимся, – голосом Дорофея прорычала собака и скрылась в ночной мгле.

«Что это?.. – затрясся от страха Андрей. – Так это же Дорофеева душа! Она, когда улетает, обратно точно так же возвращается. А мы тогда Дорофея под яблонями наоборот повернули. А на могилках похоронили так, как он уснул. Душа не знала, где ей день коротать, в меня мухой влетела, а потом в собаку... Собака и раскопала могилку. Кол осиновый надо было ему в грудь...»

Забыв про деда, Андрей бросился собирать народ.

Вскоре толпа двинулась к дому Лизаветы. Войдя в дом, шарахнулись по сторонам. На кровати лежал Дорофей с испачканным кровью ртом. Лизавета не успела его умыть.

– Трубу укрывайте, чтобы не уле-

тел! – крикнул Андрей.

Бросились парни на крышу и накрыли трубу железным листом.

Задвигался Дорофей. Лицо у него бледное, как у мертвеца. Сел на постели, руки вперёд вытянул. Обвёл дом белками глаз, а кругом люди толпятся. На выходе дед Ерофей с осиновым колом на изготовку стоит. Тогда изо рта Дорофея дымок сизым облаком потянулся к печи. Парни обратно на крышу поспешили. Следом за ними Андрей. Уцепились они за лист железа и крепко прижимают его к трубе. Вдруг что-то с разгона ударилось раз, второй, а потом так заколотилось по железу, что звон оглушающий по селу разнёсся, будто сотня кузнецов одновременно кувалдами по наковальням застучали. Держат парни железный лист, а у самих силы уже на исходе. Ещё немного – и вырвется душа чёрная на волю. Хорошо, что забрезжил рассвет и петухи закукарекали. Задёргался Дорофей, а потом вскочил и метался по дому. Мечется и Лизавета. Видя, что не спастись в доме, прыгнул Дорофей к окну. Затрещала рама, зазвенели стёкла, и выкатился Дорофей на улицу. Следом за ним прыгнула Лизавета. Не ожидали этого люди, растерялись. И Андрей с парнями не успели спуститься с крыши. Колдун с колдуньей кинулись в лес.

– Уйдут! – крикнул Андрей и не стал искать лестницы, а съехал по скату.

Вывхватив у деда осиновый кол, он пустился вдогонку за Дорофеем с Лизаветой. Следом побежали люди.

В страхе, что догонят и кол в грудь вобьют, колдун не разбирал, куда бежать, и выбежал на болото. Хотел обратно повернуть, но оказался окружённым. Для него оставался один путь – через болото. Тогда он толкнул впереди себя Лизавету. Закачалось под ногами болото, зафыркало фонтанами, а потом разверзлось и проглотило Лизавету. Только Дорофей от неё приотстал и провалился по грудь. Тянет он руки, ищет, за что бы уцепиться. Но рядом – ни былинки,

ни травинки. А болото ненасытное медленно поглощает Дорофея. Вот он уже погрузился по самый подбородок. Рот открыл, вроде как воздухом заглотнуть, а изо рта разные гады полезли, извиваются, уползти спешат.

– Бейте их, чтобы ни один гад не ушёл! Иначе оживёт колдун! – кричал дед Ерофей.

Но один гад ускользнул. Пережидали вначале люди, а потом подумали – если оживёт Дорофей, то всё равно из болота не вылезет. Крепко оно его затянуло. На том и успокоились, а вскоре и вовсе забыли про колдуна и про Лизавету.

КОЛДОВСКАЯ СИЛА

– Неужели змейка потом в колдуну превратилась? – дослушав сказку, спросил я.

– Нет, не превратилась, – сказал он.

– Тогда куда она уползла?

– Искать, как спасти колдуна.

– Так он же утонул! – удивлённо воскликнул я.

– Для кого-то утонул, но не для змейки. Мы думаем: если что-то исчезло, то навсегда. Но в мире ничего бесследно не исчезает.

– Неужели? – задумался я. Получалось, что колдун живой. Но это нереально! – Так если ничего бесследно не исчезает, то куда же делся колдун? – нерешительно спросил я.

– Это отдельная сказка.

– Расскажи, – стал спрашивать я.

И дедушка нарушил заведённое правило рассказывать по одной сказке в день...

* * *

Глубоко под землю ушли шахты. Много в них добыто руды. Вот и гора Змеиная раньше возвышалась над округой, а теперь на её месте глубокий котлован. И не вьются больше клубками змеи, не греют на солнце тела свои. Перебили люди всех гадов. Теперь ничто не напоминает о них. И

остались бы в воспоминаниях людей рассказы стариков о страшных змеях, что нещадно жалили людей, если бы не обрушился от землетрясения свод шахты и не открыл бы круглый боковой ход. Его вроде как проделал огромный червь. Но чтобы прогрызть такую дыру в камне, это какие же надо иметь зубы?! Подивились люди да заделали ход камнями и забыли бы о нём, не принеси Фёдка Бобров голову змеи.

– Где ты её взял? – удивились сельчане.

И было от чего удивляться. Голова то огромная, будто удава семиметрового Фёдка убил. Но откуда ему в холодных краях взяться? Они в Африке водятся. Или там во Вьетнаме...

Фёдка давно хотел стать героем. Вот и подвернулся ему случай. Выпятив грудь, наступил он сапогом на голову змеи, покачивает её и, чеканя каждое слово, говорит:

– Иду в лес, смотрю: бревно поперёк тропинки. Я ближе, а это гадюка глаза прикрыла, на солнце греется. Я за топор, а сам думаю: «Только бы не проснулась». Боялся, что проснётся и набросится. Зубы-то у неё – как две сабли. Насквозь проткнёт. Ну, я изловчился – и... Тяп! Отрубил голову. Что тут началось! Закрутилась змея. Не отскочи вовремя, захлестнула бы хвостом. А голова жёлтыми глазами на меня уставилась и ртом зевает, укусить пытается. Но без тела двигаться не может. А потом я ей по голове обухом пару раз – бац! Она и перестала зевать. Туловище на части разрубил, там и бросил. Только голову прихватил, чтобы вам показать.

– Неужели вот эта самая змея дыры под землёй насверлила? – удивился Санька Коробейников. Он с детства с Фёдкой дружил.

– Дык, для этого зубы железные надо иметь, – почесал бороду дед Иван.

– А ты подойди и посмотри. Вдруг и вправду они у неё железные, – сказал Фёдка.

– Я пока белены не объелся, как

моя Марфа. Решилась на старости лет попробовать чёртово растение. Наркоманка, ядри её. Выкопала корешок белены, он на морковный похож, и погрызла. Сморю: мать моя старуха! На стены Марфа полезла. Змейй себя вообразила. Пришлось молоком её отпавивать, а потом до больницы везти.

Фёдор толкнул змеиную голову в сторону деда. Тот попятился, запнулся пяткой за кочку и повалился на землю, а змеинная голова – под него.

– Всё, мужики. Кажись, змея меня укусила, – побледнел старик.

– Она мёртвая. Если бы укусила, то пополам бы тебя перекусила, и зубы наружу из твоего тела торчали бы. Знаешь, как у змей пасть открывается? Курицу запросто заглатывают. А эта быка проглотила бы и не подавилась, – хохотал Фёдька.

– Правда, что ли? – приподнялся дед. – А то я помирать собрался. Придётся вставать, – встав, начал отряхиваться от пыли. – Рассказывают, до заката солнца голова с хвостом может срастись – и оживёт змея.

– Как это? – притих Фёдька.

– Не рубить надо было хвост, а сжечь. Иначе змея оживёт и отмстит обидчику. Хвост-то куда дел?

– Там бросил...

– Да ты что? Давай быстро голову в огонь, чтобы с хвостом не соединилась!

– Чтобы такой экспонат – и в огонь? Его в музей надо...

– Разве не слышал, что много в шахте людей сгинуло. А от чего? Змей их подземный погубил. А теперь на свет выполз. Видать, мало ему там, под землёй, питания. Вот и решил за нас взяться. Давай, разжигай в бане топку!

«Из зависти это дед. Убей сам такую змею, на всю округу бы растрещал...» – подумал Фёдор и отказался выполнять требование деда. Но толпа загудела:

– Сжечь немедленно!

Пришлось согласиться с сельчанами. Когда змеиную голову охватило пламя, напряжение схлынуло и

Фёдька с облегчением вздохнул. Но, несмотря на это, в теле чувствовалась усталость. Руки обмякли, ноги налились тяжестью, захотелось спать. Фёдор прошёл в кладовую, где в самый жаркий день веяло прохладой, лёг на шубейки и сразу уснул.

– Слышишь, вставай... – кто-то тряс его за плечо.

Фёдька открыл глаза. Долго соображал, а потом узнал Саньку Коробейникова. Но что ему надо? На улице ночь. Вон и луна взошла.

– Туловища-то нет.

– Какого туловища? – не сразу сообразил Фёдька.

– Змеинного.

– Куда ж оно без головы?

– Вот и я спрашиваю.

– Ты, поди, не там искал, – встал Фёдька и почувствовал, как что-то прицепилось сзади.

Он попытался отбросить прилипший предмет, но стоило схватить его, как почувствовал леденящий руку холод. Обернулся и вздрогнул. Это был змеинный хвост.

– Ты беги, а я тут... – опустил Фёдька на шубейки.

– Надо что-то делать, – говорил Санька. В потёмках он не заметил у Фёдьки хвоста.

– Что ты волнуешься? Собаки или волки утащили и сожрали.

– А как же дед? Он же говорил?

– Нашёл, кого слушать. Соврёт и не моргнёт.

– И люди волнуются.

Только сейчас Фёдька услышал движение на улице. Но выйди к ним – увидят хвост. Будут потом обходить как прокаженного. А то и того хуже...

– Ты иди, а я отдохнуть хочу, – притворно зевнул Фёдька.

– Как хочешь, – сказал Санька и ушёл.

«Хвост голову змеиную искал и не нашёл. Потому ко мне прирос. Предупреждал же дед. Что же делать? – Послышались приближающиеся голоса. – Вроде как ко мне идут. Бежать надо!» – заметался Фёдька. А люди уже на крыльце. Он бросился

к узенькому окну, что под потолком, выдернул раму и выскользнул на задний двор. Не дожидаясь, когда люди окажутся в кладовке, бросился в сторону леса. Он не думал, куда бежать, ноги сами несли. Опомнился, когда оказался на берегу реки. Внизу отвесный обрыв, бежать некуда.

«Что я так разволновался? – присел на берег Фёдор. – Надо взять и оторвать хвост. Не мог он за такое короткое время прирасти. Палец обрежешь – две недели заживает. А тут хвост... – Фёдор изо всей силы дернул за хвост и вскрикнул от боли. Хвост не только прирос, но и оказался продолжением его самого. – Что делать? – заволновался он. – Вернуться домой? А вдруг увидят? Набросятся и насмерть кольями забьют. Подумают, что я в змея превращаюсь... У них же дети... Сейчас домой нельзя. Придётся переночевать в лесу. Утро вечера мудренее. Там что-нибудь придумаю».

Сделав из еловых веток постель, лёг спать. Но сон не шёл. В голове творилась какая-то чехарда. Думалось что попало. Не мог вспомнить, о чём размышлял минуту назад. Лишь далеко за полночь сомкнул глаза и не заметил, как уснул. Проснулся от пронизывающего холода. Обильная роса покрыла всё вокруг, пропитала насквозь одежды. Хорошо, что выглянуло солнце. Фёдор, согнувшись, подставил спину под спасительное тепло и принялся растирать руками плечи. Но когда глянул на пальцы, вскрикнул. Руки наполовину покрылись змеиной чешуёй.

«Змеиная кровь в мои жилы из хвоста проникла. Ещё немного – и я превращусь в змея. Что же делать?» Решение не приходило. Почувствовал, как начало стягивать лицо, будто обмазал его клеем, а тот стал высыхать. «В шахту надо, чтобы никто не увидел, – подумал, а потом вздрогнул от догадки: – Там я точно в змея превращусь. Людей начну таскать. Питаться ими... Нет! Лучше уж утонуть!» – глянул он на реку. Но и то-

нуть не хотелось. Да и ради чего он должен умирать? Не ради себя убивал змея. Ради спасения людей. «А вдруг змеем был такой же, как я? А теперь я вместо него?» – похолодело в груди.

– Фёдор! – бежал к нему Санька. Он будто разгадал мысли друга.

– Не подходи ко мне! – зашипел Фёдка.

– Я всё понял! По извилистому следу тебя нашёл!

– Зачем? Чтобы убить? – смотрел Фёдор на топор в руках друга.

– Надо хвост отрубить и сжечь!

– Я пробовал! Мне больно!

– Больно, говоришь?.. А что делать? Ты в змея превращаешься. Рубят же себе руки и ноги – и ничего. А тут хвост змеиный... Потерпеть надо, – приближался Санька.

– Я боюсь! Понимаешь? Я боюсь!

– А это видал?! – и Санька со всего маху ударил друга в челюсть.

Тот опрокинулся на спину и потерял сознание. Пока он не опомнился, Санька подскочил и со всего маху рубанул по хвосту топором. Фонтаном брызнула кровь. От боли Фёдка очнулся и, выпучив глаза, заорал. А потом, опираясь ногами о землю, двинулся назад. Когда отполз на безопасное расстояние, развернулся и, извиваясь, как змея, скользнул в кусты. Санька же продолжал рубить хвост, пока от того ничего не осталось. После этого отправился искать друга. Тот, вжавшись спиной в дерево, дрожал от страха и умоляюще смотрел на Саньку.

– Кровь-то перестала течь, – кивнул Санька.

Только сейчас Фёдор заметил, что кровь действительно не течёт. Он глянул на руки и радостно воскликнул:

– Руки мои! Очистились...

Неужели он останется человеком?

– А теперь дрова и пламя... Хвост надо сжечь.

– Сил нет. Устал я.

– Тогда отдыхай. Один управлюсь. Если что – крикнешь, – сказал Санька.

Собрав валежник в огромный ко-

стёр и скидав туда остатки хвоста, он чиркнул спичкой. Дрова вспыхнули ярким пламенем. Но что-то крутилось внутри костра, пытаясь оттуда выбраться, а потом раздался такой вой, что птицы сорвались с деревьев и с шумом устремились прочь. А потом раздался гул, земля задрожала и стала уходить из-под ног.

– Бежим! – крикнул Санька.

Фёдор из последних сил бросился бежать следом за другом. А земля гудела, и дикий вой доносился из-под неё. А потом раздался грохот. Фёдор обернулся и увидел, что там, где был костёр, образовалась глубокая воронка, и воды подземные начали заполнять её. Он не помнил, как добежал до дома, заскочил внутрь и запер дверь на засов. Опомнился только на следующий день. Осторожно выглянул в окно. По улице гуляли люди, будто ничего не произошло. Увидев Саньку, вышел.

– Ты жив? – спросил он друга.

– А что, должен быть умереть? – улыбался Санька. – Сам-то как?

– Вроде ничего. Змей как, не обьявлялся?

– Какой змей? – не понимал Санька.

– Ну тот, которого ты вчера изрубил. Точнее, не змей, а хвост.

– Ничего я не рубил. Ты, я вижу, переспал лишнего...

«Неужели это сон? Но как же хвост, что прирос?» – потрогал Фёдка место хвоста, но ничего не нащупал. Посмотрел на руки. Никаких следов. Заметив соседского мальчишку, решил спросить его:

– Петька, иди сюда. Ты видел змеиную голову?

– Какую голову?

– Ту, что я вчера принёс, а потом её в бане сжёг.

– Нет, не видел. А вот как вас голого из бани несли – это видел. Мыло с вас ещё стекало. Вы там угорели. Нашатырём вас кое-как в сознание привели.

– Неужели мне приснилось? – вслух произнёс Фёдор.

– Бывает, – улыбнулся Санька. – Ночью чудо произошло. Земля в лесу провалилась, и озеро образовалось. Говорят, большое. Не хочешь посмотреть?

– Там, где Перекат?

– Откуда ты знаешь? Ведь только что ребяташки прибежали. Они и рассказали.

– Во сне приснилось, – сказал Фёдка.

– Мне бы во сне... Гадал бы людям и не работал. Так ты идёшь?

– Не хочется.

– Я думал, вместе посмотрим. Вдруг там чудо-юдо рыба-кит. Или по щучьему велению, по моему хотению...

– Топор на всякий случай прихвати, – посоветовал Фёдор.

– Чтобы шукой повелевать, топора не надо. А может, всё же пойдешь?

– Голова после вчерашнего угара болит, – соврал Фёдка.

Вскоре со стороны леса донеслись крики. Оттуда бежали люди и что-то в ужасе кричали. Вместе с ними бежал и Санька.

– Что случилось? – поспешил навстречу Фёдка.

– Деда Ивана за руку кто-то из воды схватил и на дно утянул!

– Так спасти надо! А вы?..

– Чтобы самому свариться? Там вода кипит, как в жерле вулкана! Кабы до нас не дошло! Спасать надо имущество и скотину! – прокричал Санька и скрылся из виду.

Фёдка понял, в чём дело. Это колдовская сила ожила. Ночью на людей туман напустила, потому и не помнили они про змеиный хвост. Специально это ей надо было, чтобы любопытного под воду утянуть для своих дел. Вот дед Иван и подвернулся первым. Но если люди не помнили, то он, Фёдка, знал и не предупредил...

Чувствуя свою вину, он бросился на выручку деда Ивана, но на полпути остановился. Стало страшно. И как ни пытался пересилить страх, ноги не слушались. Он опустился на землю и заплакал. Ещё вчера чувствовал себя

герою, а сегодня оказался трусом. И чем сильнее рыдал Федька, тем сильнее ненавидел себя...

За рыданиями Федька не заметил, как кто-то к нему подошёл.

– Чего это ты слюни пускаешь? – услышал он незнакомый голос.

Поднял голову и... Ба! Перед ним дед Иван стоит.

– Ты жив! – радостно вскочил Федька и, схватив старика за плечи, стал ощупывать, вроде как хотел удостовериться, что не привидение стоит перед ним.

– Тише ты, а то и так бока болят.

– Как же ты из кипятка – и не сварился? – не верил глазам Федька.

– Стар я. А у старика, сам знаешь, чтобы мясо сварилось, надо не один час в кипятке держать, – вроде как в шутку говорил дед.

– Ну а там? Ведь никто про змеиный хвост и не помнит! Вроде как забили.

– И не стоит напоминать. Пусть будет так, как думают. И тебе спокойней, и мне безопасней.

– Почему?

– Подумают, что мы с нечистой силой связаны, возьмут и погубят. Я хоть стар, но и мне жить хочется, а тебе ещё и тридцати пяти нет. Жить ещё и жить. И детей на ноги ставить.

– А с голосом у тебя что? – спросил Фёдор. – Басишь, а в кого – не пойму.

– Связки мне обожгло, когда воду заглотил.

– Тогда понятно. Если спросят, что и как, скажи, что это я тебя спас. Нырнул – и за волос поймал.

– За какой волос, если я лыс. Лучше уж сзади подплыл – и рукой за шею схватил.

– Точно! Так и скажу. А теперь пойдём, а то не ровён час поминки по тебе устроат.

И дед Иван с Фёдором отправились в деревню. Какое же было там удивление, когда увидели старика живым и здоровым! В то, что его спас Фёдор, тоже поверили, и Фёдор стал героем дня. По такому поводу реши-

ли устроить застолье. Готовить еду не стали. Принесли, кто что имел. И вот стол накрыт.

Вскоре веселье вошло в разгар. Запели песни и пустились в пляс. Пустился в пляс и дед Иван. Пляшет – и старости не чувствует. А потом такие кренделя начал ногами выделявать, что хоть сейчас его в ансамбль песни и пляски отдавай.

– Ещё бы так петь уметь! – на радостях кричит Фёдор.

– А что? И спою! – остановился дед, руки в боки и запел.

Переглянулись люди и на деда уставились. А тот поёт и не слышит, что два голоса из него вырывается – один его самого, второй незнакомый, грубый. Люди боком начали от деда отдаляться, а некоторые по домам поспешили. Увидел дед это и понял, в чём дело. Разоблачили люди его. Сверкнул он зло глазами и как заревёт:

– Да я вас всех по одному в болоте утоплю! – и набросился на людей.

Видят те, что в деда бесовская сила вселилась, ещё пуще испугались. Только Федька знает, что с дедом приключилось, и виноват, что вовремя людям об этом не рассказал. Набросился он на деда – и валить на землю, а сам кричит:

– Вязать его надо!

Но дед, как змея, извивается и выскальзывает из рук. Хорошо, что Санька-друг подоспел и поленом деда по голове огрел. Тот сразу и обмяк. А тут и мужики с верёвками подоспели. Обмотали они старика и под навес положили, а сами думать – что с ним делать. Если убивать нечистую силу, то и деда можно убить. А если её выманить, змея может в другого вселиться. Неожиданно вспомнили давно забытые байки про колдуна, которого в болоте утопили и одну змейку из его рта упустили. А как вспомнили, так сразу поняли, что с дедом случилось. И про то, что Фёдор змеиную голову в деревню принёс, тоже вспомнили.

– Кабы опять глупостей не надевать, – задумались люди.

А потом решили деда Ивана, пока он не опомнился, в храм отвезти. Пусть там батюшка нечистую силу из старика выгонит и отправит в ад. Не было на памяти случая, чтобы изгнанная священником нечисть обратно в кого-то вселилась.

Погрузили деда Ивана на телегу и повезли в храм. На подъезде к храму дед очнулся, завизжал, заорал и извиваться начал, как змея. Верёвки трещат, того смотри, лопнут. Навалились мужики на старика – и держать силой. Так на телеге и закатали в храм. Правда, коня выпрягли. Негоже, чтобы скотина в святом месте пол копытами топтала. А дед извивается, вращает красными, как у змеи, глазами и укусить норовит.

Принялся священник молитвы читать да окроплять освящённой водой деда, тут такой вой поднялся, что уши пришлось затыкать пальцами. А потом что-то огромное облаком чёрным из рта старика вырвалось, в двери храма ударило, да так, что стены задрожали и гул пошёл. Двери с петель сорвались и наружу как щепки вылетели, а следом чёрное облако взвилось в небо и улетело. Дед Иван обмяк, вздохнул легко и уже своим голосом говорит:

– Как же я в храме уснул?

– Разве ты не помнишь, что с тобой случилось? – удивились люди.

– Ничего не помню.

– Тебя под воду нечистая сила утянула, чтобы там в тебя душа погибшего колдуна вошла. Ты под водой три часа пробыл. А потом Федька тебя спас. Таким образом ты жив остался. А потом батюшка изгнал из тебя эту бесовскую силу. Давайте помолимся...

И люди начали молиться. Даже стали молиться те, кто раньше об этом думать не желал. Молились и верили. Такая уж страшная была колдовская сила...

ЖАДНЫЙ ЦАРЬ

С утра у меня испортилось настроение. Почему – не знал. Испортилось – вот и всё.

– Что это ты сегодня хмурый? – спросил дедушка.

– Не знаю. Вроде как счастье ушло куда-то, – подражая взрослым, ответил я.

– Разве оно имеет ноги?

– Так говорят.

– А что такое счастье, ты знаешь?

– Счастье? – задумался я. – Ну, это когда всё есть.

– А ты видел того, у кого всё имеется?

– У нас в деревне – нет.

– Вот видишь. Человеку всегда чего-нибудь не хватает. У него глаза бездонные. Всё, что ни увидит, хочет заиметь. У соседа машина – хочется машину, если самолет – хочется самолет. А если ракета? И где оно, счастье? Как с тем царём...

– С каким царём? – забыл я про плохое настроение.

– Я разве тебе не рассказывал? – удивился дедушка Ерёма...

* * *

Жил-был царь. И до того он был жаден – всё, что ни увидит, хочет заиметь. А если царь пожелает, не хочешь – отдашь. Иначе оберут бедолагу до ниточки и розгами отхлещут. А как иначе царю разбогатеть?

Чтобы богатство не оскудевало, требовалось его каждодневно пополнять. Поэтому каждый день царь садился на коня и отправлялся осматривать свои владения. Вдруг что без присмотра валяется?

Вот и в этот раз сел он на коня, надел на голову корону, чтобы можно было отличить его от простолюдина, и отправился в путь. Лицом-то он конопат и ростом неказист. А корона за версту на солнце блестит, глаза слепит. По ней и узнавали царя.

Едет он по царству-государству,

головой по сторонам крутит и удивляется: почему поля бурьяном заросли? И чем же думают крестьяне? Вроде головы на плечах имеют. И руки на местах. Наверное, работать не хотят. Потому и царство хиреет. И он, царь, беднее всех соседей государей. А будь на полях пшеница, закрома бы от зерна ломились. А так мышь хвостом в сусеках пол подметает и от голода пухнет. Каково же ему – царю?

Рассерчал царь, да так сильно, что покраснел. Грозно сдвинул брови и спрашивает приказчика:

– Почему поля не засеяны?

Видит тот, что царь не на шутку рассердился, того и смотри – саблю из ножен выхватит и отсечёт голову. И пока саблей по шее не чиркнул, приказчик упал на четвереньки, лбом в землю упёрся, виновато говорит:

– Не вели, царь-батюшка, казнить! Разреши молвить.

Видит царь, что приказчик признал свою вину, подобрел немного:

– Что ты разумного можешь молвить?

– Как могу, царь-батюшка, так и молвлю. Умом я, конечно, с тобой не сравнюсь, но кое-что думаю.

– Не томи, говори.

– Некому, царь-батюшка, поля обрабатывать.

– Как это некому? А крестьяне где?

– Вот так же ехал ты прошлым годом и увидел, какая пшеница уродилась – колос к колосу отборные светятся янтарём, на ветру переливаются, волнами морскими перекатываются. Большой урожай уродился. Крестьяне неразумные без твоего ведома вышли на поля зерно убирать, а ты, как увидел, так закричал: «Кто посмел без моего ведома на моей земле зерно сеять?» Крестьяне объясняют тебе, что всегда так делали и десятину тебе отдавали. А ты на них: «Какая десятина, если земля моя? Всё, что на ней уродилось, мне принадлежит!» Отобрал у них урожай и выгнал всех с земли. Теперь некому поля засеивать. Заросли они бурьяном.

– А крестьяне? Неужто сбежали

к другому царю? Так вернуть! И не медля!

– Ты, царь-батюшка, приказал розгами их отпороть и на болота переселить.

– Как на болота? А кто зерно молотить будет?

– Из чего?

– Мне какое дело? Хоть из бурьяна! Совсем расхлябались! Разве с вами разбогатеешь? Скачите на болота и срочно верните всех до одного!

– Так нет крестьян на болотах.

– Как это? – опешил царь. – Неужто потонули? Я им этого не приказывал. Если по своей воле потонули – вытащить и каждому по сто ударов вдоль спины!.. Будут знать, как самоуправством заниматься!

– Ты же, батюшка, их и с болот выгнал.

– Выгнал, значит, виноваты. За что – не помню.

– Комары с мошкаркой тебе принадлежат, а крестьяне неразумные – из них суп варить... Испугался ты, что всю живность твою на суп переварят, в горы их сослал. Там нет кровососущих...

– Теперь меня одного должны кушать?

– Ты только скажи, батюшка, я своё лицо вместо твоего подставлю. Пусть из меня кровь сосут.

– Может, тебе ещё корону мою?.. Давно, вижу, об этом мечтаешь. Эх, злыдень... – замахнулся царь скипетром. – Лучше скажи: чем питаются крестьяне в горах? Неужто камнями?

– Простой люд, царь-батюшка, живуч. Куда бы ты его ни сослал, везде придумает, как выжить. На болотах похлёбку из комаров варили. А в горах по скалам лазят, капусту заячью собирают.

– Что за капуста? И почему я о ней ничего не знаю?

– Сытная такая. Потому крестьяне и не померли.

– Хочу сам посмотреть на горы. Гляну, если понравятся – моими станут.

– А крестьян куда?

– Найдут, куда. Только на границах стражу покрепче поставьте, чтобы к другим царям не ушли.

Но не успел царь посмотреть на горы, как небо потемнело над горами и озарилось молниями, которые сверкали так ярко, что приходилось глаза рукой прикрывать. А от грома в ушах зазвенело.

– Каменные горы, царь-батюшка. Потому они молнии притягивают. Кабы и к нам не притянуло! Особенно к твоей короне.

– Ладно. В другой раз посмотрю. Но ты поезжай и камни из этих гор привези. Хочу узнать, почему крестьяне любят на них жить, и как капуста на них растёт. Может, зерно на них можно выращивать, а крестьяне меня обманывают. Что за жизнь? Совсем некому верить!

– Хорошо, царь-батюшка. Как только молнии стихнут, сразу отправлюсь, – пообещал приказчик.

Ночь не спит приказчик, вторую – думает, как угодить царю. Слышит – вроде кто-то с улицы царапается. Приоткрыл дверь – на крыльчке нищий с сумой через плечо стоит, из-под рваной рубахи тело тощее белеет, а из лаптей пальцы наружу торчат. Только собрался приказчик рассердиться на нищего, как тот говорит:

– Не спеши гнать. Не за куском хлеба я пришёл, а за бедой, которая тебе спать не даёт.

Услышав это, распахнул приказчик двери. Готов что угодно для нищего сделать, лишь бы тот гнев царский от него отвёл. Поклонившись в пояс, провёл нищего в красный угол и усадил за стол под иконами. Выставил яства разные и накормил нищего досыта. Отведав угощения, тот перекрестился и говорит приказчику:

– На маков день, когда с неба золотом и серебром звезды начнут сыпаться, садись на коня и скачи в горы. Прискачешь, не бойся, когда увидишь, как черти с ведьмами будут голыми бегать, руками звезды ловить и за голую пазуху себе их совать. Ты тоже раздевайся и бегай среди них.

Поймаешь звезду, за пазуху голую сунь, а потом запрыгни на коня и скачи во весь опор без оглядки. Но смотри, больше одной звезды не лови.

– Вдруг черти с ведьмами распознают, что не их я роду?

– Не бойся. Только раздевайся донага.

– А крестик на шее?

– Тряпочкой оберни, тогда не заметят, – сказал нищий, откланялся и отправился в ночь.

Приказчик даже забыл ему предложить переночевать. Слишком удивил его нищий. А когда мозгами поразмыслил, понял, что это не простой нищий. Захотелось о судьбе его спросить. Выскочил на улицу, а нищий растаял в ночи.

Но вот и маков день наступил. Приказчик запряг коня и отправился в горы, туда, где узкое ущелье выводит в зелёную долину.

С трудом преодолел он крутые горы с отвесными скалами. Бывало, конь не находил, куда ногу поставить. Приходилось слазить с него и переставлять ему ноги. Под конец так устал, будто гору каменную всю ночь на спине таскал. А когда спину разогнул, долина зелёная впереди раскрылась. Всё, как говорил нищий. Стал приказчик дожидаться, когда ночь наступит. Она на маков день одна в году, когда звёзды с неба сами в руки падают.

Когда ночь опустилась на землю, приказчик спрятал коня в небольшую пещеру, которую от долины скала закрывала. Смотрит: со всех сторон ведьмы со свистом на мётлах на поляну приземляются, а следом с хохотом черти их догоняют. Ведьмы голые, только волосы за спиной у них развеваются. Когда слетелись, закружились по поляне в бесовском хороводе. Сами то и дело друг друга щекочут, визжат и хохочут. Радуются бесовскому шабашу. Но вот сверкнула одна звезда, вторая. А потом так посыпались, что ночь ярче дня стала. Завизжали ведьмы и в воздух взвились. Летают, друг друга толкают, кричат,

ссорятся, звёзды каменные поделить не могут. Даже глянуть вниз им некогда. Каждая пытается завладеть самым лучшим камушком. Скинул приказчик одежду, выскочил на поляну и закружился, как черти с ведьмами. Смотрит, камень яркий к нему летит. Страшно его ловить, вдруг он горячий! Но лучше руки обжечь, чем голова от царской сабли с плеч. Схватил камень, а тот не обжигает, наоборот, холодит. Сунул его за голую пазуху и... О, чудо! Камень скрылся. А тут ещё один камень чуть меньше размером летит. Не одному царю камнем владеть. Надо и о себе позаботиться. И приказчик прихватил этот камень. Но только сунул он его за пазуху, закрутили ведьмы с чертями головами, носами заводили, постороннего учуяли. Видит приказчик, что плохо дело, забежал за скалу и в пещеру к коню втиснулся. Сидит, дрожит от страха, а сам думает: «Не возьми второго камня, не учуяли бы меня». А ведьмы мечутся по воздуху, запах человеческий с ума их сводит, но конский пот с толку сбивает и не выдаёт приказчика.

Кое-как дождался он утра, чуть с ума со страху не сошёл, разве что сединой покрылся. Когда солнце выглянуло из-за горизонта, с визгом бросились черти с ведьмами по тёмным расщелинам прятаться, чтобы свет дневной их не опалил. Потеряли они счёт времени пока искали приказчика и жизнями своими чуть было за это не поплатились.

Оделся приказчик, запрыгнул на коня и поскакал из ущелья.

Увидал царь скачущего приказчика, навстречу поспешил. А приказчик щупает сквозь одежды камень и нащупать не может. Не знал он, если за голую пазуху что положил, за ней и щупать надо, а не за одеждой.

– Ну, показывай камень. Посмотрю, что за капуста на нём растёт, – говорит царь.

Побледнел приказчик, не знает, как объяснить, что камень он положил за пазуху, а теперь нащупать не может. Говорит тогда:

– Что мы среди улицы стоим? Вдруг кто увидит? Давай в палаты пройдем, там я и покажу, – пытается он время потянуть, вдруг успеет нащупать камень.

Прошли во дворец, топчутся среди зала. Приказчик рукой за пазухой шарит, а царь от нетерпения сгорает. Ждал-ждал, а потом рассердился:

– На плаху его – и плетью пороть, пока кровь не забрызжет!

Сорвал палач с приказчика одежды, только повалил на пол, как камень – стук – выкатился из-за пазухи и прямо под ноги царю покатился.

Кинулась прислуга за камнем вдогонку, а приказчик им:

– Не троньте! Это тот самый камень, что у меня за пазухой запутался!

Луч солнца в царскую палату заглянул и на камень упал. Ахнули все. Камень-то не простой, а изумрудный. Крутит его царь, вертит, налюбоваться не может. А тот палату ярко освещает, даже те углы, которые никогда света не видали.

– Вот какими богатствами крестьяне мои владеют, – не сводит царь с камня глаз. – Потому поля не пашут и не сеют. Ишь, что утаить решили от меня. Обманщики! А я по простоте душевной верил им. Стража! Отыскать негодников – и всех...

Не успел он досказать, как молния сверкнула, да так, что ослепила ярко, а кого громом оглушающим с ног повалила. Тычется царь, как слепой котёнок, выход ищет, найти не может, а у самого слёзы из глаз ручьём текут:

– За что же меня небо покарало? Неужели за то, что я плохо к людям относился?

Плачет так, будто пелена с глаз его упала. А молния сверкает, всё ближе и ближе к царю приближается, ещё немного – и поразит его своим остриём.

Вместе с царём рыдает палач, волосы на себе рвёт:

– Зачем же я людей порол и головы им рубил?

Стражники ползают по полу, руками шарят, камень найти пытаются. Но

нет того нигде. Не устерегли. Теперь голов своих им не сносить...

Видит приказчик, что безобразия большие из-за камня произошли, что царство-государство может на части развалиться, говорит:

– Не переживайте. Я ещё один камень прихватил.

И только извлёк он второй камень, громыхнуло на небе так, что крыша у дворца подпрыгнула. Молния круглая влетела через крышу, закрутилась по дворцу, шипит и искрами в разные стороны брызжет.

Выскочил приказчик на улицу, а там ведьмы с чертями над царскими палатами летают. Понял он, зачем те прибыли. Подбросил камень вверх, а сам под крыльцо спрятался. Как увидели нечестивцы богатство, с визгом бросились к камню – и делить его меж собой... Тут вторая молния с неба сверкнула, да как громыхнёт, всех чертей с ведьмами по сторонам раскидала, камень в пар превратила. Зелёным дымом тот в небо задымился, ведьмы с чертями следом за дымом бросились. Очистилась земля от нечистой силы. Некому стало людей направлять не недобрые дела.

Когда молнии перестали сверкать, приказчик стыдливо во дворец за одеждами отправился. Смотрит, а у царя в руках пелена прозрачная, что глаза затмевала, лежит. Ударом молнии её с глаз царя сорвало. Бросился царь обнимать и целовать приказчика, а сам плачет:

– Спасибо тебе, друг ты мой сердечный!

Испугался приказчик, что молнией царю мозги повредило. Спрашивает осторожно:

– За что спасибо, царь-батюшка?

– За то, что снял с глаз моих пелену. Теперь-то я вижу, сколько зла людям наделал. Как нехорошо с поданными своими поступал. Верни крестьян обратно на земли плодородные. Пусть живут и не боятся. Пашут и сеют столько, сколько пожелают.

Вернулись крестьяне на земли плодородные. Стали сеять и пахать.

Зажили они богато. Царь не обирал их больше бездумно. Довольствоваться тем, что мог съесть. И сам удивлялся – как, оказывается, надо мало иметь, чтобы жить счастливо...

КУПЕЦ И НИЩИЕ

Вечером я посмотрел по телевизору передачу про так называемых нищих, что сидят у паперти церкви и просят деньги. На следующий день я решил спросить у старика:

– По телевизору показывали, как нищие у церкви сидят и как им деньги дают. А они вовсе не нищие. Так и ты... Раздаёшь деньги просто так.

– Я не раздаю, а покупаю вещи и в детские дома отвожу. Но тем, кто здоров и у церкви сидит, я денег не подаю.

– Нас же учат, что всем помогать надо. Объясняли, что этим Лев Толстой занимался, а потом бросил всё и ушёл скитаться.

– И кому он лучше сделал? Простудился и помер, на том и закончились его искания.

– Получается, что вообще никому давать не надо?

– Почему же не надо? Давать надо взамен на что-то. Человек должен заслужить.

– Чем же он должен заслужить?

– Хоть, как Лев Толстой, дрова порубить. Или метёлкой улицу подмести.

– А если она подметена?

– Ещё раз подмести. А там ещё и ещё... Одним словом, чтобы получить, надо хоть немного для этого потрудиться. И неважно, подметена улица или нет.

– Рассказывали, как собрали в городе нищих, дали им мётлы и пообещали заплатить. А те сказали: «Ещё чего захотели! Чтобы мы работали?» Побросали мётлы и разошлись.

– Вот потому, дабы не плодить дармоедов, надо чтобы они хоть сколько-нибудь сил приложили, чтобы зарабо-

тать на подавание. А то получится, как в сказке о купце и нищих.

- Я такой сказки не слышал.
- Разве? – улыбнулся старик.

* * *

Жил-был купец. Его звали Трофимом. Было у него такое огромное состояние, что все цари заморские завидовали ему. Нелегко доставались богатства купцу. Если цари, не утруждая себя, на тронах сидели, Трофим постоянно находился в разъездах. Дивные товары из Индии и Персии с риском для жизни привозил. Приходилось пробираться по горным тропам, где подстерегали разбойники. Не один там купец сгинул. Только Трофиму неслыханно везло, вроде как сам Господь ему помогал – от пули шальной и от шашки разбойничьей берёг. Таким образом Трофим обеспечил себе безбедную старость. А чтобы не скучать, построил дворец среди полей, разбил вокруг него сады, соорудил пруды с чудными фонтанами, запустил в них белых лебедей. А для пущего удивления привёз диковинных птиц – павлинов. Среди снегов и трескучих морозов такие птицы не водились, зато теперь ими можно было полюбоваться у купца. Потянулись со всех сторон к дворцу любопытные. Очень уж хотелось увидеть чудных птиц. Уж слишком красивы они – будто сама Персия посетила холодные края. Распусят павлины хвосты веером, и размякают сердца у самых закоренелых разбойников, не говоря о простых людях. Но где народ, там и нищие грязными руками за одежды хватают, жалобно хрипят:

– Ради Христа, подайте копеечку!

Видит купец такое дело – и стало жалко ему нищих. Молодым был, ничего не замечал. А теперь во дворце целыми днями сидит, в окно выглядывает, с утра до вечера зрит убогих и несчастных людей. К тому же сердце на старости лет мягче стало. И как ему мягче не стать? Ведь с нищими и дети оборванные сидят. Невозможно спокойно смотреть на несчастных чад. У

самого-то детей нет. Как ни старался – не нажил. Кому теперь после смерти богатства достанутся? Растащат по частям. Но если бы так! Скорее всего, приберут к рукам алчные и жестокие люди и ничего не оставят нищим и убогим. А так хочется сотворить благое дело! Чтобы помнили в веках. Иначе – для чего жил? Да и перед Богом скоро ответ держать...

И стал купец, как только проснётся, появляться на балконе и раздавать монеты. Поначалу пытался хлебом нищих кормить, но те ему:

– Денег давай! От хлеба у нас изжога!

Они ещё с вечера очередь занимали, толпились у ворот, толкали друг друга, кричали бранные слова, а иногда в драку пускались. Всем хотелось как можно больше денег получить.

Матерные слова сначала резали слух. Потом на удивление самому себе привык купец к ним и уже не представлял нищих без грубых слов. Считал, что без этого они жить не могут, так как слишком сильно их обездолила жизнь. А стоит нищих накормить – перестанут они браниться. На сытый желудок кому ругаться хочется?

Вскоре по царству прошёл слух, что живёт во дворце чудак-купец и всем подряд просто так раздаёт деньги. Для этого надо только руку протянуть.

Потянулись со всех уголков царства к дворцу не только нищие и убогие, но и крестьяне. Узнали они, что, не прилагая сил, можно безбедно жить, и побросали поля. Зачем их обрабатывать, когда можно просто так получить деньги!

А купец удивляется – сколько же нищих и обездоленных в государстве живёт? И не уменьшается толпа, а с каждым днём увеличивается. Как же он раньше этого не замечал? Смахнёт слезу и бросает в толпу монеты. Почему бросает? Попытался один раз раздать, так его самого чуть не разорвали. Хорошо, что прислуга подоспела и вырвала его из рук толпы.

Получив монеты, нищие довольными уходили от купца, хотя иногда изрядно помятыми – кто с надорванным ухом, кто с разбитым носом. Набирали они еды, накупали горячительных напитков, садились в круг и начинали один и тот же спор: кто послал им такого доброго купца.

Одни говорили, что сам Господь Бог услышал их молитвы и смилостивился и что доброта не от купца идёт, а свыше. Другие заявляли, что это в образе купца сам Господь к ним пришёл, так как он всегда милостив к нищим. А третьи до хрипоты уверяли, что купец – это не кто иной, как святой, но вот какой, сказать не могли. Каждый называл святого, исходя из своего имени.

И хотя спорили, но молиться стали на купца, как на Спасителя. Увидят того, упадут на колени, бьют поклоны, шепчут молитвы и быстро крестятся. Купец понять не мог – почему они так делают? Потом посчитал, что нищие специально при нём к Богу обращаются, чтобы видел купец, какие они верующие, и не гнал от себя. Разве можно обидеть божьего человека?

И сколько счастья на лицах у нищих, когда получают монету! Смотрит на них купец, радуется и нарадоваться не может – кто, как не он, осчастливил несчастных! Будет теперь награда на том свете...

За радостью не замечал, что нищие с каждым днём становились всё наглее и злее. Да и обленились неизменно. Если раньше, чтобы добыть пропитание, надо было не одну версту ногами протопать, то теперь стали ночлег устраивать под балконом, чтобы утром только руку протянуть...

А потом стали роптать меж собой, что маленькие монеты раздаёт купец. А для себя рубли припрятал. Недостойны они такого обращения! Ведь как в Библии написано – нищие самим Богом отмечены. Блаженные они! Но ничего, придёт время, Господь услышит их молитвы и воздаст по заслугам. Сделает их самыми богатыми. И не надо будет никогда трудиться.

Ведь богатые не трудятся. Взять хотя бы того купца...

И только уверовали нищие в свою исключительность, как рухнули их надежды. Закончились у купца не только деньги, но и съестные припасы. Вышел он на балкон, а внизу толпа гудит, как пчелиный улей. Тянут руки, молят, чтобы сжалился купец и дал денег.

Видя такое, заплакал Трофим:

– Простите меня! Нечего мне вам дать. Я все до копейки вам раздал. Теперь сам нищий!

– Врёшь! – кричат снизу. – Рубли давай, которые для себя приберёт!

– Говорю я вам: нет у меня ничего.

– Как это нет?! Подразнил – и всё? Не пройдёт это тебе так! Деньги давай!

– Да где же я возьму? Я все их раздал! Только дворец продать осталось.

– Так продай!

– Где же я буду жить?

– Какая нам разница? Мы нищие! Самим Господом Богом отмечены! Ты нам обязан!

– Так и дворец я заложил. Не рассчитуюсь – заберут за долги.

– А одежды?! Сам приоделся, а мы оборванные?..

– В чём же я останусь?

– Голым – за то, что нас обманул! Вначале поил, кормил, а теперь решил бросить? Куда теперь нам идти? Где искать новые места? Иль хочешь, чтобы мы с голоду умерли?

Глянул купец вниз и ужаснулся: неужели это он собрал столько тысяч нищих? И действительно, куда податься такой огромной толпе? Кто сможет её накормить?

– Гей его! – крикнул кто-то.

Двинулась толпа, на балкон карабкаются. А купец кричит:

– Образумьтесь! Не я ли вас поил-кормил? А теперь, когда мне нечего дать, разве я в этом виноват?

Но его уже не слышали. Сотни рук потянулись к купцу, все спешили завладеть его одеждой. Повалили несчастного на пол, сорвали с него наряды, обувь с ног сдёрнули и меж собой

в драку пустились, пока не разодрали одежды. Зато каждому по цветному клочку досталось. После этого двинулись во дворец. Все комнаты уже наполнены нищими, а с улицы ещё напирают. Спешат ухватить всё, что попадает под руки. Шум и грохот разносятся по дворцу. Никто уже не обращает внимания на лежащего купца. Наступают на него и дальше бегут. То тут, то там возникают драки. Никто не хочет остаться с пустыми руками. Хоть паркетину от пола оторвать – и то дело... Пока крушили всё подряд, не заметили, как вспыхнул дворец. Лишь когда повалил едкий дым, только тогда спешно бросились наружу. И какое им дело до лежащего на ступеньках купца? Своя-то жизнь дороже!

И хотя весь дворец охватило огнём, надежда не покидала нищих. Верилось им, что чудным образом спасётся купец и начнёт опять раздавать монеты. Не зря же они его проучили...

Но купец не спасся, сгорел вместе с дворцом. Три дня нищие жили рядом с углями, надеялись на чудное спасение купца. А когда надежда окончательно рухнула, отправились в поисках счастья в другие края.

Только калека безногий остался. Смотрел он на угли, и шептали губы его:

– Эх купец, купец... Не раздавал бы деньги просто так. Заставил бы хоть по грядке посадить. Было бы, чем кормиться... А так – прахом ушло и никому счастья не принесло. Только ещё больше нищих наплодило...

ВАСИЛИН ПОКОС

– Как хочется спать... – зевая, потянулся я.

– А ночью что делать будешь? – спросил дедушка Ерёма.

– Как это что? – с удивлением посмотрел я на Ерёму. – Спать.

– Так всю жизнь проспидь.

– Кто не мечтает об этом? Все хо-

тят только приятные сны видеть. Для этого можно спать сутками напролёт.

– Для чего же тогда жить?

– Не знаю. В школе нам говорили, чтобы быть патриотом и в любой момент за идею отдать жизнь. Не зря у нас, пионеров, призыв: «Будь готов!» – «Всегда готов!»

– К чему готов?

– Как это к чему? К чему скажут...

Дедушка рассмеялся так, что у него потекли слёзы. Закончив смеяться, вытер глаза и сказал:

– А если скажут спать беспробудно?

– Беспробудно не хочется. Хочется ещё на улице поиграть.

– Вот видишь... Не всю жизнь хочется проспать. Как Василию из сказки...

И старик начал рассказывать.

* * *

Возвращаясь с рыбалки, Василий наткнулся на луг, на котором буйно росла трава. Почему раньше его не замечал? Луг находился среди зарослей ивняка, растущего по берегам излучины. Раньше Василий обходил эту излучину. А в этот раз решил скоротать путь, сунулся в заросли и обнаружил луг. Вдохнул запахи травостоя и... Чуть не потерял сознание. Запахи... Словно в раю. Ещё вдохни – и совсем потеряешь рассудок...

Но почему другие не знали про этот луг? Впрочем... поверье такое – где речка петлёй извивается, там черти водятся. Поякшаешься с ними, несчастье накликаешь не только на себя, но и на всю родню. А речка как раз петлёй извивалась.

Гошка Погодин говорил как-то то ли в шутку, то ли всерьёз, что видел у излучины не то чертей, не то лешего. Забылось, правда, об этом. Но то, что в подсознание попадает, не пропадает и время от времени о себе напоминает. Хоть и забыли о том, что Гошка говорил, но стали обходить излучину стороной.

– Какие запахи... – ещё раз вдохнул Василий.

Захотелось, раскинув руки, упасть в траву и остаться там до скончания веков. Вот он, рай! И много ли для счастья нужно?

Но мечты мечтами, а корова зимой требует корма. Надо брать косу и косить сено, пока никто не опередил. Иначе, кто первым захватит покос, за тем он и закрепится.

И рано поутру, как только засветилось над горизонтом небо и на землю опустилась роса, Василий взял косу и отправился на луг.

Идёт, песенки мурлычет под нос и о чём-то сладостно мечтает. За мечтами не сразу услышал доносящийся с луга девичий смех. Лишь, когда начал пробираться сквозь заросли, ёкнуло сердце. Поначалу подумалось: кто-то опередил. А когда прислушался – вроде как девицы веселятся. «Трава-то выше пояса, – притих Василий. – И роса холодная... А может... Да нет... А впрочем... Чем чёрт не шутит? Вроде это девицы. Хороводы вроде как кружат. Вдруг у них тут тайное место? Соберутся и гольшом по траве бегают. А то и катаются. Говорят, босьми ногами по росе бродить полезно. А они телами. В росе лучше, чем в парном молоке, купаться. Тело ядрёным становится. Глянешь на деревенскую бабёнку – пышная и румяная. Не как городские – тощие и бледные. Так они же всю траву прикатают! Вот те и покосил!» И Василий, забыв, что дивчины могут быть голыми, рванул напролом сквозь заросли. Раздвинул ветки, а на поляне никого. «Надо было потихоньку, а я, как медведь, ветками трещать... Услышали и разбежались. А так было бы что рассказать. Но почему не видно ни следов, ни травинки помятой... Вроде как никого и не было. Кто же тогда смеялся?»

И только сейчас Василий вспомнил про Гошкин рассказ: «Ну и что ж теперь, не косить? Жалко. На поляне хороший стог можно поставить. Надо быстро-быстро, пока солнце в небе, махнуть косой и топать домой... А ночью те же черти выйдут баловать-

ся, а травы нет. Пойдут искать другую поляну...»

И Василий решился. Вышел на поляну, шаркнул по косе несколько раз оселком, так – по привычке. Лезвие до бритвенной остроты ещё вечером отбил. Такой косой можно не только косить, но и бороду брить. С такой косой до обеда можно выкосить лужок. Василий плюнул на руки, растёр ладонями до появления теплоты и принялся косить.

Плавню плывёт коса, даже сил прилагать не надо. Ложится трава за пятой косы ровными валками и ароматами поляну наполняет.

– Будет молоко слаще мёда. Пить и не напиться, – радуется Василий, а сам нам всякий случай в сторону речки поглядывает.

Так и не заметил, как к полудню весь луг выкосил.

– Хорош будет стожок, – отметил он и, закинув косу на плечо, отправился домой.

На следующее утро, когда солнце обогрело землю, Василий взял вилы и отправился валки переворачивать, чтобы те быстрее просохли. Но стоило ему пробраться сквозь ивняк, как тут же опешил: на поляне колыхалась трава, будто её никто и не косил.

– Вот те на... – зачесал затылок Василий. – Неужели во сне приснилось? Да нет. Вот и жена вилы дала... – тупо смотрел он на черенок. – А вдруг я вчера нанюхался запахов дурмящих и уснул, а мне померещилось? Вдруг того... русалки... А если это девки деревенские надо мной надсмеялись, а теперь на всю деревню растрезвонят? Ну нет! Не предоставлю им такого удовольствия! Вилы оставлю и за косой сгоняю...

Так и сделал Василий. Никто его не видел, когда он ходил за косой. Задами огорогов пробирался. А когда вернулся на поляну, то с остервенением бросился косить. И не плыла плавно коса, как вчера. Со всего маху он рубил траву. Только к вечеру повалил её в валки. Косу, как и вилы, решил не

носить домой, а спрятать тут же, сунув в заросли ивняка.

На следующий день вскочил с постели и, забыв про завтрак, поспешил на покос. А там опять трава колышется. Выше, чем вчера росла. И ничего не напоминало о покосе.

– Да что за чертовщина? Неужто правду говорят? – заскрипел зубами Василий.

Легкий ветерок качнул траву, и воздух наполнился ароматами. Чтобы убедиться, что это не сон, Василий щипнул себя за ухо. Это был не сон.

Заколотилось сердце от волнения. И, схватив косу, Василий бросился ей махать налево и направо. Пот заливал глаза, солнце жгло непокрытую голову, но Василий не сдавался, пока последняя травинка не легла в валок.

– Теперь пучок травы за пояс заткну, чтобы знать, что это не сон. А завтра проверю, – сказал вслух Василий, чтобы его могли услышать.

Но кто? Да мало ли кто. Пусть слышат – вот и всё!

Домой возвращался, когда на небе засветились одинокие звёзды. Стало прохладно. Василий запахнул полы пиджака, но на всякий случай придерживал руку у пояса. Если кто попытается незаметно украсть траву, сразу почувствует. Неожиданно навалилась усталость. С трудом поднялся по ступенькам и сразу же свалился в кровать. Даже обувь не скинул с ног.

Спит и чувствует: кто-то траву из-за пояса тянет. Хочет Василий открыть глаза, но не может. Слишком сильно они слиплись. Тогда рукой – хватать! И вовремя. Успел ухватиться за пучок сена. Чувствует – ноги в воздухе болтаются и холодный ветер по телу гуляет. Вот тут-то и открылись сами собой глаза. Смотрит вниз, а там дома маленькие, как спичечные коробки, медленно под ним проплывают. А вон и речка змейкой извивается. Но кто это по лицу щёткой щекочет? Голову задрал, а это чёрт хвостом болтает, а в руке у него пучок сена, за который Василий крепко уцепился.

– Вот те Манька и сладкая манка, –

сжал Василий челюсти, чтобы от испуга руку не разжать.

А чёрт не замечает, что кто-то на пучке сена висит. Ведь черти силы не чувствуют. Она у них немереная.

Когда внизу показалась сенокосная поляна, чёрт выпустил сено. Летит Василий вниз, кувыркается, к земле приближается. Если головой упадёт, то шею свернёт. А если ногами уткнётся, по пояс в землю провалится. А умирать ой как не хочется! Распахнул он парашютом полы пиджака и замедлил падение. Упал плашмя на заросли ивняка. Те смягчили падение. Но сознание Василий всё равно потерял. Навроде мёртвого сделался. Лежит, глаз не открывает, через раз дышит. А со стороны речки голоса приближаются. Хоть и без сознания Василий, но всё слышит. Соскочить бы и убежать. Но разве от чертей убежишь? Только себя выдашь. Лучше уж лежать и мёртвым притворяться. Приблизилась голова и начали удивлённо восклицать. А сами вокруг Василия кружат. Хоть и слышит Василий их, и любопытно – кто это, но глаз не открывает, решил до конца за жизнь свою бороться.

– Что же делать будем с ним, подруженька? – спрашивает один голос.

– Под берег укатим, – отвечает второй.

– А вдруг найдут и на нас подумают? Нельзя, чтобы про поляну люди узнали.

– Травинку к травинке скошенные срастим, его с собой заберём. Будет утопленником. Станет чертям служить, а те из него верёвки вить.

Как услышал Василий про верёвки – на ноги вскочил и русалок речных увидел. Почему речных? У морских чешуя на коже, а у речных чешуи нет, только кожа белая и блестит. И вместо одной ласты две, как у водолазов. Увидали русалки, что Василий ожил, завизжали так, что рябь по реке пошла.

Взволновались черти, что буря поднялась, высунулись из воды и спрашивают русалок:

– Чего это вы воду мутите?

– Мужик в штанах! – тычут в сторону Василия русалки.

– Ну и что? Мало ли утопленников.

– Был бы утопленником, его бы вода донага раздела. А он на краю поляны у зарослей спал. Думали – мёртвый, а он проснулся. Теперь всем расскажет.

– Не успеет. Мы из него утопленника сделаем, – сказал чёрт и рукой потянулся к Василию.

Понял Василий, к кому он может попасть, попытался в кусты, чтобы убежать. Но рука у чёрта, как резиновая, тянется и растягивается, Василию за ногу уцепиться пытается. Поймал чёрт Василия за ногу – и тянуть к реке. А Василий за иву схватился и не поддаётся.

– Ты куда это, мужик, собрался бежать? – видя, что крепко Василий держится за кусты, завертел хвостом чёрт.

– За кудыкину гору сажать помидору.

– А мы тебя отпускали?

– А я вам разве продавался? А если не продавался – то и не ваш. А ну, выпусти!

Понял чёрт, что не владеет Василием, потому что тот не продан им. Вот если хотя бы поток воды из речки хлебнул. А так... Если силой оставят его у себя, сами смертными станут и муки страшные, умирая, испытуют. И решил чёрт пойти на хитрость:

– Хочешь, мужик, мы тебе каждый год сено бесплатно будем косить?

– Бесплатно, конечно, хорошо. Но кто мне моё накошенное вернёт?

На что только не пойдёт чёрт, чтобы душой человеческой завладеть.

– Это мы вмиг, – сказал чёрт и, сунув пальцы в рот, свистнул.

Смотрит Василий: и луг скошен, и несколько десятков копён стоит. Не хочется Василию остаться чёртовым должником. Говорит он:

– Не подумай, что ты мне одолжение сделал, что сено накошил и в копны уложил. Ты мне только малую

часть возместил, – а сам копны считает.

Посчитал раз, посчитал второй раз – одна копна лишняя. Вот те и чёрт! Обхитрить захотел – лишнюю копну подсунул, чтобы через неё в должники записать. Что же делать? Только бы вырваться. А там бы пусть всё сено себе забирали. Не ступила бы больше его нога после этого на поляну... И тут вспомнил, как летел, а чёрт хвостом по лицу щекотал. Говорит он:

– Не ты ли, когда летели, хвост мне в лицо совал, дышать мешал?

– Это мой младший брат.

– Врёшь!

– Хрюкать – не мяукать. Носом своим клянусь.

– А ну, кажите вместе с братом хвосты, а я проверю, кто из вас меня щекотал, – хитро прищурился Василий.

Высунули черти хвосты из воды, чтобы Василий их сравнил. А тот схватил их за хвосты, крепко на руку намотал и, вращая, стал приговаривать:

– Чертей надо так крутить, чтобы они начали выть. А когда начну верёвки из них вить, будут знать, как со мной хитрить!

Представили черти, как Василий с них живых будет кожу сдирать и верёвки вить, взмолились:

– Отпусти нас. Что хочешь исполним. Хочешь, русалок в жёны отдадим. Будут тебе песни петь, да так, что всю оставшуюся жизнь будешь в сладком сне пребывать.

Посмотрел на русалок Василий, красивы те, и голоса у них словно у райских птиц. А потом подумал, что и без русалок треть жизни во сне проводит. И хоть хорошо спать, но проснуться всегда почему-то хочется. Иначе что за жизнь будет? Отвечает он чертям:

– Не для того жизнь, чтобы её просыпать, а для того, чтобы жить. А теперь пошли вон! – раскрутив, под небеса забросил он чертей. – И никогда не попадайтесь мне на глаза! И на

этом лугу чтобы я ни вас, ни русалок не видел!

Нырнули русалки в воду и исчезли. Испугались, что их тоже Василий забросит на небеса, где они и дня не проживут. Черти же столько страха натерпелись! Испугались, что до самого солнца долетят и в пепел превратятся. Закрутились, завертелись и вниз сорвались. А внизу Василий стоит и кулаком грозит. Пока вниз летели, взмолились:

– Не губи нас. Мы больше никогда на эту поляну не ступим.

А когда попадали на поляну, Василий им пинка для скорости поддал и пригрозил:

– Только попадитесь на мои глаза!

Упали черти в реку, хвостами завияли, руками и ногами гребут-машут, лишь бы подальше от Василия уплыть.

Вернулся Василий домой и не стал рассказывать о том, что с ним случилось.

С тех пор покос остался за ним. И не видел он больше на лугу ни русалок, ни чертей, но трава на нём росла так быстро, что три раза за лето приходилось её косить. А кто спрашивал, отвечал вроде как в шутку, что черти ему помогают. Надо лишь не спать, а успеть за хвост поймать...

ОТШЕЛЬНИК

– Дедушка, а Колька Перекаатов мне ремень солдатский так и не отдал. И пистолет не вернул. А обещал, – пожаловался я дедушке Ерёме.

А кому ещё жаловаться? Своего дедушки нет. Один ещё до войны умер, второй на войне погиб. А кто, кроме дедушки, может выслушать и дать совет?

– Обманывать нехорошо, – поглаживал бороду дедушка. А потом посмотрел на солнце. Вроде как что-то там высматривал. – За обман отвечать придётся.

– Как? – с трепетом спросил я.

Вдруг и я кого-нибудь невзначай обманул, а потом забыл?

– Садись, расскажу...

* * *

Говорили, что в лесу за горой Синюхой живёт отшельник. Давно живёт. На старика похож, а сколько ему лет – сразу не определишь. Борода длинная, до колен, и голова не стрижена. Хорошо, что волосы бечёвкой перехвачены, на лицо не спадают. И хотя живёт он, как зверь, один, взгляд у него ясный. Смотрит, будто насквозь просвечивает.

Но говорить-то говорили, а кто видел отшельника – вспомнить не могли. Ещё говорили: излечивает отшельник от всяких болезней. Даже от падучих и душевных.

Потому Потап Котов зацепился за разговоры. Беда у него приключилась. Дочь – красавица, пора замуж выдавать, но стала она падать, глаза закатывать и несвязное кричать. А придёт в себя – ничего не помнит. Кому такая в жёны нужна? Оттого и забеспокоился Потап. Всех врачей объехал, до самой Москвы дошёл. Но кто будет без платы лечить дивчину? В Москве запросили столько, что можно всю деревню заново отстроить. Хотел на жалость надавить, а ему: «Со своей бедой шёл бы ты домой». Закручинился мужик, посерел. А потом вспомнил про отшельника. Но как его найти – не знал. Попытался выведать у стариков, но те пожимали плечами. Только дед Кузьма сжалился над несчастным, махнул в сторону Синюхи и сказал:

– Пойдёшь туды и выйдешь куды надо.

Потап уцепился за туды с куды, как утопающий за соломинку, и упрашивать деда, чтобы тот точнее рассказал.

Но Кузьма, похоже, сам не знал, где обитает отшельник. Потому и глаза в сторону отвёл, чтобы не было видно:

– Иди, и ноги выведут. Господь не подведёт. Сам знаешь – как аукнется, так и откликнется. А ты добрый человек. Только доверься...

Пораскинул мозгами Потап и решил: «Испыток – не убыток». Перекинул через плечо сумку и отправился искать отшельника. Очень хотелось ему успеть перед смертью внуков понынчить.

Долго ли, коротко ли пробирался он сквозь буреломы – запутался в счёте дней. Не раз солнце всходило и заходило. А ночами луна сквозь вершины сосен на землю пробивалась, путь освещала. Боялся Потап, что нечаянно на косолапого набредёт, но, вспомнив про дочь, преодолевал страх. Да и у зверя, видать, нет до человека дел. Тоже обходил двуногой стороной.

Спать Потап не спал. Разве что иногда найдёт корягу, приляжет под ней и сомкнёт на мгновение глаза. Как-то раз открыл глаза, смотрит, вроде человек перед ним стоит, а вроде чудище какое. Сначала хотел закричать от испуга, но потом увидел рубище на плечах, понял, что это человек. Увидев, что Потап открыл глаза, незнакомец повернулся и пошёл прочь. Промедли секунду – и скроется тот за соснами.

– Подожди! – вскочил Потап. – Я к тебе иду!

Но отшельник, не оборачиваясь, шагал дальше. Потап поспешил за ним и не заметил, как вышел на поляну, среди которой холмом возвышалась землянка.

Отшельник, скрипнув дверью, скрылся в жилище. Преодолевая робость, Потап последовал за ним.

Войдя внутрь землянки, сразу же смог рассмотреть внутренне убранство. Когда глаза немного пообвыкли, увидел, что пол не деревянный, а земляной, утрамбованный до блеска. Посреди стол с ножками из жердей, вбитыми в пол. Такие же лавки. В углу лежанка с постелью из сосновых лап. Под потолком настил со съестными припасами. Вдоль стен травы сушёные вениками свисают.

Но что за странность? Потап сам видел, как отшельник вошёл в землянку, но его нигде не видно. Не мог же он мимо незамечено проскользнуть?

Потап и туда, и сюда, под лежанку заглянул, на настил заскочил, чтобы за вениками посмотреть, но старик будто сквозь землю провалился.

Выскочил тогда Потап на улицу и кричать – звать отшельника.

– Случилось что? – услышал за спиной, обернулся и увидел старика, вышедшего из землянки.

– Да так... – стушевался Потап. Представил себя со стороны, что на сумасшедшего похож...

– Так, да не так, десять гривен за пятак, – присел отшельник на пенёк.

Потап заметил второй пенёк, вроде как специально для него приготовленный – распилен ещё свежий, приятно пахнет смолой. Он тоже присел на пенёк. Старик внимательно смотрел на пришельца. Потап молчал, не знал, с чего начать разговор.

– Я того, не просто так к тебе... – наконец выдавил из себя.

– Тогда доставай, – сказал старик.

– Чего доставать? – не понял Потап.

– Так, с которым пришёл.

– Как же я его достану?

– Зачем тогда пришёл?

– Беда у меня. Всех врачей обошёл, но никто не хочет мне помочь. Одна надежда на тебя. Помоги, молю тебя, – упал Потап на колени.

– Что ты? Что ты? – бросился поднимать старик бедолагу. – Садись и рассказывай. Много приходящих, но мало нуждающихся. А у тебя, вижу, беда.

Потап, сбиваясь, приступил к рассказу. Выслушав пришельца, отшельник задумался, а потом сказал:

– Помогу я тебе. Но с одним условием...

– Говори! Ради дочери всё, что ни попросишь, выполняю!

– Стар я уже. Помирать мне пора, а похоронить некому. Вот ты и похоронишь меня.

«Неужели, только и всего? – обрадовался Потап. – Да я тебя не только похороню, но такие поминки устрою... Всем на зависть!», а сам вслух:

– Как я узнаю, что ты помрёшь?
 – Так ты обещаешь?
 – Клянусь! Внуками своими, что дочь нарожает.
 – Возвращайся домой, а я молиться буду.
 – Только и всего?
 – А что тебе ещё надо? Денег воз, которые чёрт не унёс?
 – Да нет... Я вроде того... Тут врачи с лекарствами не помогли, а ты молитву какую-то...

– По вере твоей будет тебе, – перекрестил отшельник Потапа, и тот отправился домой.

Он не замечал уже густого бурелома, перескакивал через завалы играючи и не заметил, как вышел из леса. А вот и дом.

– Ну как? – бросился он к дочери.
 – Ах, папенька, все эти ночи я так крепко спала, даже просыпаться не хотела. Снилось мне, что я в раю и райские птицы мне сладкие песни поют...

– Ну а болезнь падучая? – глянул с надеждой Потап на жену.

А та плачет, слова вымолвить не может. Дочка вместо неё говорит:

– Покинула, папенька, меня болезнь падучая.

– Когда?

– Как ты ушёл, – сказала дочь, а потом вздрогнула. За ней вздрогнул Потап, испугавшись, что возвращается болезнь к дочери. А та смотрит на отца и говорит дрожащим голосом: – Боялась, что ты не вернёшься.

– Не бойся. Мне отшельник пообещал, что вылечит тебя, и что нарожаешь ты мне внуков.

Заголосила жена от радости, бросилась Потапу на шею – и целовать мужа, а вместе с ней и дочка любимая плачет, отца обнимает. Долго так они радовались, а когда устали, сели за стол, праздник устроили.

Не прошло и недели, как сосватал Потап дочку за парня-красавца из соседней деревни. И родила она ему внука, крепыша румяного. Радует Потап, не нарадуется. А тут сон приснился, будто отшельник лежит на ле-

жанке мёртвый и зовёт его: «Выполни обещанное».

Проснулся Потап и задумался. Внук растёт – счастье на старости лет, а он в лес тёмный должен идти. Пока дойдёт до землянки, месяц пройдёт. За это время если не медведи труп отшельника растеребят, сам сгниёт. И мало ли что во сне снится? Иной раз такое, что телом содрогнёшься...

Но отшельник и на вторую ночь снится, и на третью... Вот уже месяц покою не даёт. Не выдержал Потап и отправился в лес с неохотой. Надо же как-то постараться выполнить обещание. Пытается он ноги переставлять, а они не идут, заплетаются и за коряги цепляются. В очередной раз запнулся и понял, что заблудился. Вроде и места знакомые, а ноги по кругу водят, а потом назад к деревне выводят. Раньше-то нужда ноги переставляла. А сейчас что? Так и не дошёл Потап до отшельника. А внук растёт и радуется. Вскоре ходить начал и слова первые говорить. И продолжал бы радоваться, но беда приключилась – стал плакать беспрестанно. А потом как захохочет, да так, что дрожь по телу пробирает. И хохот необычный какой-то, вроде взрослый мужик хохочет.

Вспомнил Потап про отшельника. Давно тот ему не снился. «Да что его вспоминать? Давно, поди, сгнил», – тряхнул головой, чтобы выкинуть мысли о старике, но внук зарыдал навзрыд и потом как захохочет, будто дьявол в него вселился. Ребёнку-то ещё трёх годков нет! А что будет, если семь лет исполнится?

Зарыдал Потап и сознался во всём. Заплакали жена с дочерью. Что делать – не знают. Не посылать же им Потапа в лес! А вдруг уйдёт и не вернётся? Но жалость жалостью, а делать что-то надо. И отправился Потап в лес. На этот раз ноги не кружили, вывели к землянке.

Зашёл Потап внутрь, смотрит, а отшельник невредимый лежит, глаза у него прикрыты, вроде как спит. Перекрестился спешно – и молитву на вся-

кий случай читать. И слышит, вроде как отшельник говорит:

– Вот и пришла моя замена.

Задрожал Потап, к двери попятился, хотел на улицу выскочить, но как ни давил на дверь спиной, та не открывалась, будто кто её снаружи подпёр.

– Камень у подножия горы, что за соснами возвышается, отвори, откроется тебе пещера, – говорит отшельник, а сам даже губами и шевелит. – В ней меня и похоронишь.

– А как же я? – с надеждой спросил Потап.

– Что же ты обещанное сразу не выполнил?

– Внук у меня, понимаешь? Дочка вторым на сносях...

– Обмануть решил. Разве не знаешь, что за обман рано или поздно отвечать придётся?

– Как забыть? Ты только внука в покое оставь, а то дьявол вроде как в него вселился.

– Не моя в том вина. Если бы сразу похоронил – сразу бы вернулся домой. А теперь за каждый день, что я тут лежал неуспокоенным, будешь молиться. Только тогда нечистая сила отступит от твоей семьи.

– А потом? Можно домой возвращаться?

– Можно. Но захочешь ли?

– Как не хотеть, если внуки там?

Похоронил Потап отшельника в тот же день и приступил молиться за него. Сам насечками на сосне дни отмечает, года считает. Когда третий год насчитал, поспешил домой. Но ещё издали не узнал деревни. Вон и дом вроде его, но покосился почему-то. Вроде как венцы окладные в нём подгнили. А вон и деревенские на него уставились. Незнакомы они Потапу. Чужие какие-то. Неужели отшельник колдовство напустил? Растерялся Потап и спрашивает у сельчан:

– Разве вы не узнали меня? Я Потап, вон в том доме живу.

А те посмотрели на него и отвечают:

– Слышали мы. В лес полсотни лет назад ушёл и не вернулся.

– Какие пятьдесят? Три года назад! – вскричал Потап.

– Ты что, старик, считать не умеешь? Внуку его было три года, а теперь шестой десяток пошёл.

– А жена Потапа? – не поверил он сказанному.

– Умерла. С дочерью похоронена. Вон могилка её, – кивнули на погост.

– Внуков-то, должно быть, двое осталось?

– Разъехались они, а куда – не сказали. Да кто ты, в самом деле?

– Отшельник я! – сказал Потап и, сдерживая рыдания, напаривался в лес.

Много лет с тех пор прошло, но говорят, что жив Потап, ждёт преемника. А преемником будет тот, кто попытается обмануть. Правда ли это – никто не знает. Но старики говорят, значит это правда.

ЛОВИСЬ, РЫБКА...

– Дедушка, правда ли, что колдунами рождаются? – спросил я.

– Кто рождается, а кто... – задумался о чём-то старик, а потом сказал: – И ты можешь стать колдуном. Хочешь?

Я испугался. Становиться колдуном было страшно. Постоянно общаться с нечистой силой, теми же чертями, мне не хотелось. Да и мертвецов я боялся. Могилки обходил за километр, когда поздно вечером возвращался из школы. Мне казалось, что кто-то встаёт из-за крестов и гонится за мной.

– Страшно, дедушка, быть колдуном. Да и людям они плохое делают. Поэтому я никогда не буду колдовать.

– Мало иметь желание. Всё может произойти против твоей воли.

– Неужели, если я не хочу, меня заставят?

– Не заставят, если не дашь повода. А чтобы понятно было, расскажу, как Дорофей превратился в колдуна.

Жил в Каменке Ефим Огородов. Жена у него умерла молодой и детей не оставила. С тех пор Ефим почему-то не женился, оставался бобылём, хотя женщин одиноких в округе хватало. И дружбу ни с кем не водил. Так и состарился. Но, несмотря на свои преклонные года, часто бегал в лес с ружьём и всегда возвращался с богатой добычей. После удачной охоты на речку с удочкой спешил.

Удивлялись люди, как это удаётся Ефиму с добычей из лесу возвращаться. Раз даже павлина притащил. Живого. В петлю, якобы, поймал. Да пусть хоть в петлю, хоть из ружья... Но чтобы в Сибири павлины водились? Нет уж, извините.

Ефим же, почёсывая нос с горбинкой, задумчиво пробормотал:

– Может, у кого из клетки нечаянно убежал.

А почему бы и нет? Поверили тогда Ефиму.

Только Дорофей любопытство разбирало: как так ловко всё получается у мужика? Взять хотя бы ту же рыбалку. Не успеет Ефим на рыбалку уйти, как тут же полное ведёрко чебаков с пескарями несёт. А то и тайменя, перекинув через плечо, тащит, да такого, что в речке отродясь не ловились. Таких даже старики не видели. Зато у Ефима таймень головой на плече, а хвостом по земле волочётся, дорогу подметает. Люди удивлялись: для чего одному столько рыбы? Хоть бы кого угощал. Или хозяйство какое было у мужика. А то – ни котёнка, ни поросёнка. Один всё съедает, только косточки обглоданные на помойку выкидывает. А сам как был стручком, таким и остался. Не то, что он – Дорофей. Вон и живот за ремень уже перевис. Вот кому бы рыбу-то есть...

И решил Дорофей проследить за Ефимом: как тот рыбачит, на какой заводи сидит, чем рыбу прикармливает и что на крючок нанизывает. Спрятался в зарослях и поглядывает сквозь ветки, ждёт, когда Ефим мимо пройдёт. Ждать долго не пришлось. Вскоре Ефим прошёл рядом, даже чуть не

задел ведёрком семилитровым. Далеко не пошёл. Опустился на берег здесь, рядом с зарослями, расправил удочки, и стоило ему их закинуть, как сразу же один поплавок, а следом и второй нырнули под воду. Удочек-то у Ефима две. И пошёл клёв! Только успевают Ефим, удочки подсекает и рыбу в ведёрко кидает. Дорофей от удивления даже рот открыл, глазам своим не верит, что такой клёв на захудалой заводе! Сколько сам на ней ни сидел, кроме вьюнов и пиявок ничего поймать не мог. А Ефим дёргает удочки попеременно и что-то под нос бормочет. Не заговор ли? Ефим забыл, где находится, и поближе к Дорофею придвинулся, чтобы слова слышать.

А тот нашёптывает:

– Ловись, рыбка, жирная и большая, за хвост и за ноги, за глаза и за любопытство и очень быстро...

Дорофей за ним повторять, чтобы не забыть слова, а сам глаз не сводит с удочек. И... Что это? Ефим-то на голый крючок рыбу удит. Разве что поплюёт и закинет. А рыба-то... Дурееет, что ли? Вон чебак хвостом зацепился, а вот хариус животом... А вон два окуня на одном крючке... Неужели рыба такая дурная? А может, она не клюёт, а играет? Насытилась с утра, прыгает весело и крючок не замечает. Потому – где хвостом, а где животом...

– Всё, хватит, – произнёс вслух Ефим и принялся сматывать удочки.

Одна из удочек зацепилась крючком за что-то под водой. Ефим потянул, но крючок не отцеплялся. Только леска натянулась как струна, изогнув удилище дугой. Надо бы приотпустить, а Ефим, упёршись ногами, продолжал тянуть. Ещё немного – и хрястнет удилище. Но что за странность – Ефим заскользил к воде. Неужели это рыба его?..

– Давай, помогу! – подскочил Дорофей.

– Моги на две ноги, – сунул Ефим удочку Дорофею.

Удилище дрогнуло, леска ослабла, Дорофей дернул на себя, в воздух взвился пустой крючок.

– Как же так? Там же рыба огромная была, – недоумевая, хлопал глазами Дорофей.

– Вот как, шиш да кулак, – произнёс Ефим.

– У тебя клюёт, а у меня не получается.

– Получается, когда случается, а у тебя срывается.

– Но как она на голый крючок?..

– Чтобы кого-то ловить, надо самому пойманным быть.

– Я ночами не сплю, об этом мечтаю. Жду не дождусь выходного дня. Научи, а? – схватил за руку Дорофей Ефима.

– Приходи сегодня сюда, когда луна взойдёт.

– Так ночью рыба...

– Для кого спит, а для кого в самый раз клёв начинается. Один будь. Никому не говори. Смотри – не сорвись.

– За кого ты меня считаешь? Да я зуб хоть сейчас...

– Зуб – это хорошо. А когда чёлость – ещё лучше, – загоготал Ефим так, что у Дорофея по спине побежали мурашки. А потом показалось, что шерсть вздыбилась. Хотел рукой проверить, но потом дошло: откуда у человека на спине шерсть?

А Ефим ещё пуще загоготал:

– Почеши, где чешется. Дай досыта потешиться.

«Откуда он знает?» – похолодело в груди у Дорофея.

– Не забудь, что обещал. Когда луна взойдёт, – напоследок напомнил Ефим.

Как только стемнело и взошла луна, Дорофей поспешил на заводь. Не забыл захватить удочку с бидоном. Ночью рыба в самый раз должна ловиться. Огромная и хищная. Не зря же львы с тиграми ночью на охоту выходят. Ефим, согнувшись, уже сидел на заводи.

– Клюёт? – запыхавшись от быстрой ходьбы, присел рядом Дорофей.

– Клынуло, – буркнул Ефим.

И тут Дорофей увидел, что в руках у Ефима не было удочек. Но он сидел так, будто рыбачил. Вон и руку вытянул, вроде как держал удилище.

– Мне закидывать или нет? – спросил Дорофей.

– Дай руку пульс пощупать. Вижу, сердце у тебя часто бьётся. Кабы совсем не выскочило.

Дорофей подал руку. Ефим, нащупав пульс, начал что-то шептать.

– Ты чего? – струхнул Дорофей.

– Теперь иди и найди змеиный выползень.

– Где ж в такую темь?

– Хочешь научиться рыбу ловить, найдёшь! – голосом, не терпящим возражений, сказал Ефим.

– И что с ним делать?

– За пазуху засунь и никому не показывай. Что ни пожелаешь – всё исполнится.

– И рыбы?..

– Наловишь. А сейчас спешу, пока солнце наше.

Отправился Дорофей к зарослям ивняка, а сам думает: «Какое солнце, когда на небе луна? Со стариком что-то не то. Похоже, умом двинулся». Под ногой что-то хрустнуло, Дорофей наклонился – и вот она, шкура, которую змея оставила после линьки. Дорофей сунул под рубаху выползень и почувствовал, как тот плотно обвился вокруг тела. После этого он поспешил на речку. Ефима там не было. «Да и чёрт с ним! Надо теперь удочки закинуть, испытать – правду ли говорит старик», – подумал Дорофей и только закинул удочку, как поплавок ушёл под воду. И пошёл клёв на пустой крючок! Ловится рыба и ртом, и хвостом, как сумеет, так и зацепится.

На следующий день он отправился на охоту. Ему всегда не везло. С трудом мог попасть в сидящую на воде утку. А чтобы её на взлёте... Такое разве что во сне возможно.

Вышел Дорофей на озеро, смотрит, а там уток видимо-невидимо. Вскинул он ружьё и, не целясь, надавил на курок. Дым рассеялся, а на воде три подбитые утки плавают. Другие с шу-

мом в воздух поднялись. Дорофей на второй крючок, не целясь, давит. Выстрел – и... Что это? Пять уток клюнуло вниз головой. Вот те удача! Вот те и змеиный выползень! Врос в тело, да так, что не заметен – ни на вид, ни на ощупь.

А если ружьё на плечо стволом за спину и надавить на курок? Что за диво! После выстрела утка рухнула на землю. Получается, что дробь сама её нашла? Теперь и целиться не надо! А если у ружья ствол изогнуть? Ай, да Ефим! Ай, да молодец! Рыбалка с охотой – это хорошо. А если пожелать пару червонцев золотых? И стоило об этом подумать Дорофею, как откуда-то сверху упали перед ним две золотые монеты. Не веря глазам, Дорофей схватил их и начал попробовать на зуб. Монеты оказались золотыми. Забыв про дичь, он бросился домой. Зачем ему дичь, коль теперь что бы ни пожелал, исполнится?

Ночью он проснулся от непонятного шороха. Открыл глаза, а перед ним мужик какой-то стоит. В темноте сразу и не разглядишь. Дорофей вскочил, но тот успокоил:

– Не бойся. Меня Ефим послал.

– Он что, сам не мог прийти?

– Приболел старик. На тот свет собрался. Тебе вот это надо подписать, – сунул незнакомец листок с ручкой.

– Что это?

– Договор. Ты мой выползень себе присвоил. Я хотел его забрать, но Ефим заверил, что ты порядочный человек и мы с тобой договоримся. Только ты подпиши, что выползень теперь твой.

– Подпишу, а дальше что? Вдруг тут написано, что я в жизни не рассчитаюсь... Дом, например, отберёте.

– Что тебе эта завалюха? Ты всё, что пожелаешь, получишь. Захочешь дворец вместо завалюхи – будет тебе дворец. А захочешь звезду с неба – и её получишь. В какие же мы долги тебя загоняем? Теперь ты сам кого угодно можешь загнать. Многие мечтают душу за это отдать. А ты, не успев ещё это сделать, уже получил.

Не тяни, подпиши, пока Ефим не помер. Иначе поздно будет.

«Конечно, кто не отдаст душу, за добро своё? Будет насмерть грызться, жизнью своей пожертвует. А тут подпись свою поставит...» – и Дорофей, не читая договора, расписался. Верил, что Ефим не обманет. Он же подсказал, что надо для удачи сделать. Другой бы промолчал, лишь бы самому лучше всех жить...

– Вот и хорошо, – посмотрел незнакомец на подпись, засунул листок за пазуху. – На этом свете мы тебе услужим, верно послужим. А на том ты нам служить будешь, – сказал, прыгнул в трубу и со свистом вылетел наружу, да так быстро, что Дорофей увидел только мелькнувший хвост, какой бывает у чертей.

Поняв, с кем подписал договор, Дорофей бросился к Ефиму. Тот лежал бледный, со впалыми щеками. Под глазами его светились коричневые круги.

– Как же так? – склонился над постелью Дорофей. – Чёрт ко мне с договором приходил. Я его подписал, а он – в трубу... Получается, что я душу продал?

– Разве ты не желал разбогатеть?

– Не такой же ценой!

– А что у тебя ценного имеется? Жизнь? Так она у тебя такая, что никому не нужна. А даром ничего не даётся. За всё надо платить. Вот ты и заплатил, и меня освободил. Теперь можно спокойно умереть, – вздохнул Ефим и закрыл глаза.

Из печной трубы донесся хохот. Дорофей выскочил из дома и бросился прочь. Но куда теперь бежать? И убежишь ли от чертей, которым отдал душу?..

ГАВРИЛА И ДОЧЬ АНЮТА

– Дедушка, а вправду говорят, если ты кого присушил, будешь жить счастливо? – спросил я и неспроста.

Ещё вечером я подслушал разговор родителей, что колдунья из соседнего

села присушила к себе Василия Устюгова. У самой четверо детей и у Василия трое. И зачем ей это надо? Но она так присушила Василия, что тот все документы сжёг – паспорт, удостоверение водителя, свидетельство о рождении и все остальные. Он и работы лишился – забрали у него машину. И что только ни делали с Василием, как ни уговаривали – бесполезно. Как полоумный он смотрел стеклянными глазами в потолок и молчал. «Других лишила счастья и сама будет несчастна», – под конец разговора сказала мама.

– Может – да, а может – нет, – уклончиво ответил дедушка Ерёма.

– Двух ответов не бывает, – заученной фразой сказал я.

– Кто его знает, что на свете бывает? Счастье зависит от головы. Что в ней сидит, то и будет. Поэтому бывает: или в голову вбивают, или, наоборот, выбивают.

– Как это?

– Есть у меня одна сказка. Хоть и не совсем детская...

* * *

Многие мечтали найти для дочерей богатых женихов, но не многим это удавалось. Тем более, если невеста из бедной семьи. А Гаврила жил бедно. Но так ему хотелось сделать счастливой Анюту, дочь любимую, что он решил взять в крёстные отцы колдуна, деда Фрола.

Жил тот одиноко, даже о том, была ли у него жена, никто не помнил. И о детях ничего не знали. Дед ни с кем не общался, был угрюм, если глянет из-под густых бровей – в дрожь бросит. Как он колдовал – не видели, но точно знали, что это его рук дело. Захрамает лошадь – значит, дед порчу напустил.

Гаврил точно рассчитал – рад будет колдун, если с ним захотят породниться. Что дочь, пусть и крёстная, на старости лет у старика появится. Будет не только зачищать её, но и его, Гаврилу, никому в обиду не даст. А там и жениха богатого наколдует для

дочери. Ни в чём она нуждаться не будет.

Как узнала Тамара, что захотел сделать муж, заголосила:

– Что же это ты удумал? Дочери уже семнадцать. Мало тебе брата твоего, так ты второго крёстного... Ой, погубишь дочь нашу любимую.

– Да не голоси ты так, будто хоронить вздумала, – одёрнул жену Гаврила и отправился до колдуна.

Тот возился с огромным чугуном. Залез в него, чистил изнутри и не слышал, что к нему подошли. Гаврила не решился окликнуть колдуна, боясь, что тот обозлится. А Фрол будто назло не вылезал из чугунка, издевался над Гаврилой. Разве Гаврила не так делал, когда к нему приходили с просьбой? Желая набить себе цену и унижить просителя, всегда заставлял ждать. Теперь самому пришлось терпеть. «Кувалдой по чугунку – вмиг бы выскочил», – подумал Гаврила.

– По делу, говоришь, пришёл? – неожиданно высунулся из чугунка дед.

Гаврила попятился. Перепачканное лицо и взлохмаченная голова делали колдуна похожим на дьявола. Дьявола, конечно, Гаврила не видел, но представлял, как тот страшен.

– Я того... – замялся Гаврил, а потом выпалил: – Дочь свою Анюту хочу тебе в дочери отдать.

– Колдуньей хочешь сделать? – схватившись за живот, загоготал дед.

– Нет... только не колдуньей... Крестницей хочу твоей сделать...

– Я крестов не ношу и сам не крещусь и не молюсь, – сверкнул белками колдун.

– Так... я... – закрутил головой Гаврила в поисках убежища.

– За барского сына?... Засылай сватов. Я прослежу. А теперь мне некогда. Чугун надо чистить, – собрался нырнуть в посудину дед.

– Зачем он тебе, такой большой? Ты же один живёшь? – не удержался Гаврила. Его давно разбирало любопытство.

– Чтобы отвару наварить и всю

свадьбу опоить. Ты же собрался выдать замуж дочь?

Задрожал от страха Гаврила, развернулся – и бежать, а следом за ним нёсся раскатистый смех колдуна и утих только тогда, когда Гаврил поравнялся с церковью. «И что это я? – перешёл он на шаг. – Тьфу на него! Испугать решил. Думаешь, без тебя не управимся? Завтра же сватов зашло! И тебя на свадьбу не приглашу. Опоить он решил...»

Жене много не стал рассказывать. Сказал, что благословил их колдун. На следующий день он заслал сватов. И как ни странно, барин принял сватов. А через неделю сыграли свадьбу. Колдуна Гаврила на свадьбу не пригласил. Мало ли что тот натворит, подсыплет какого-нибудь порошок в еду или косо глянет... А дочери замужем всю жизнь...

И хотя Гаврила старался защитить дочь от сторонней силы – от внутренней не смог. В синяках и побоях каждый день стала ходить Анюта. Сам же Гаврила не мог и на версту подойти к дому зятя. Тот злых кобелей завёл и вокруг дома на цепях пустил. Вот тебе, Гаврила, и радостный день, хоть голову на плетень... Совсем от дум голова изболелась. Что делать – Гаврила не знает. И жена каждый день упрекает.

Собрался он и отправился к колдуну. Тот лопатой черпал грязь из лужи и наполнял ею чугунок.

– Что это ты делаешь? То чистил чугунок, а теперь пачкаешь?

– Чугунок – не беда. А вот если твоя душа?... Дай пару раз я в неё плесну.

– Да ты что, Фрол? Совсем сдурел?

– Дурет тот, кто голову греет. А я хотел тебе её остудить. Пришёл-то зачем?

– Ты уж прости... – не знал с чего начать разговор Гаврила. – Что я того... На свадьбу тебя не пригласил. Ты же сам не захотел быть крёстным.

– Как не стал, когда ты мне сам дочь отдал? – уставился дед.

– Как это отдал? – опешил Гаври-

ла. В животе у него почему-то заурчало. Вроде как кишки переплелись.

– А как ты хотел? Говорить – уста отворить. А где отворишь – там и проход откроется. А где открыто, там любому доступно. Разве не знаешь: каждое твоё слово вес имеет. Что вслух сказал, то от себя отдал.

– Но слова – не вещи. Их не видно.

– Невидимый мир тем питается, что глазом не наблюдается.

– Что же мне делать?! – в отчаянии вскрикнул Гаврила.

– Смертным боем, говоришь, бьёт? – опустил глаза дед. – Ну, ничего. Я ему устрою! Ты иди и не переживай. А мне работу надо доделывать. А то придут гости в бане мыться, а ванна для них не приготовлена. Где они с жару-угару купаться будут? – и колдун зачерпнул лопатой грязь...

Гаврила не помнил, как вернулся обратно. Он не шёл, ноги сами по воздуху несли, так и не заметил, как добежал до дома. Жена встретила его неприветливо. Глянула косо и ничего спрашивать не стала. Гаврила отдышался и приступил к сборам на ярмарку, которая проходила раз в месяц. Со всех отдалённых сёл съезжались на неё люди. Ярмарка являлась не только местом торговли, но превращалась в большой праздник для людей. Тут можно удачно провести торг, продать, что давно залежалось, а также купить то, что искал и что не нужно, а также, выпить и поплясать. Точнее, не только дело сделать, но повеселиться от души и показать себя во всей красе.

Рано утром запряг Гаврила коней, погрузил поросят и повёз их продавать. А впереди едет зять с женой. Гавриле хочется обогнать зятя. Но как он может барина обогнать? Он-то бедней зятя, потому и рангом ниже. Не положено барину пыль в глаза пускать, может обидеться. Потому пришлось ехать следом и слушать, как тот костерит жену, и смотреть, как кулаком в бок ширяет. И жалко Гавриле Анюту, и поделаться ничего не может. Дочь-то теперь отломанный ломоть,

другому принадлежит. Так и ехал следом и переживал за дочь, а когда приехал на ярмарку, глянул на разноцветье и забылся на время. Поросята ушли влёт, причём за ту цену, которую шутя для торга назвал Гаврила. Люди доставали деньги и не торговались. Гаврила даже переживать стал, что мало поросят привёз на продажу. А мог бы стать богаче свата! А как вспомнил свата, так дочка перед глазами всплыла. Стоит и глаза от слёз вытирает. «Да что это такое, когда же кончится это?» – заскрипел он зубами и отправился к палатке зятя.

Ещё издали увидел, как люди дергаются за животы и гогочут, а другие пальцем в сторону палатки кажут. Поспешил туда Гаврила – и ничего понять не может. Зять сидит на козлах и ничего не замечает.

– А ну! – стеганул зять вожжами коня.

Скрипнула телега и тронулась с места.

– Вы чего, а? – стал Гаврила спрашивать людей.

– Жена-то как теперь с конём жить будет? – гогочут те.

– С каким конём? – не может понять Гаврила.

– Да пока молодуха по ярмарке ходила, муж её с телеги свалился, через голову перевернулся и в коня превратился.

– Не может быть! – ахнул Гаврила. – Но, а конь, что в телеге был?

– В мужа её обернулся.

– Врёте! Всё врёт! – заорал Гаврила.

– А ты на зубы глянь. У обращённого мужа зубы лошадиные.

«За что такие несчастья для дочери? В чём она провинилась? О, Господи! Да где же я согрешил?» – взмолился Гаврила и увидел, как среди толпы растворился дед Фрол. «Вот оно, в чем дело», – понял Гаврила и помчался догонять Анюту. Смотрит, конь у дочери взбесился, мечется из стороны в сторону, рвёт сбрую и оглобли ломает. А муж новоявленный его бичом по бокам хлещет, да так, что шкура у

коня лопается и кровь из рубцов по сторонам брызжет.

Гаврила сразу не поверил на ярмарке людям. Зять как был злым, таким же и остался. Вон и одежда на нём та, что с утра была. И лицом ничуть не изменился.

– Что же ты делаешь, зверь лютой?! – первый раз в жизни поднял голос на зятя Гаврила.

– Битым быть, чтобы лучше жить, – ощерился зять, и Гаврила вздрогнул.

У зятя были лошадиные зубы! А конь к Гавриле тянется, вроде как защиты просит.

– А ну, жёнушка моя любимая, хлестани коня, чтобы мчался и никогда не кусался, – сунул оборотень Анюте бич.

А та, как услышала, что муж её первый раз любимой назвал, голову потеряла и давай стегать коня бичом. Тот мечется из стороны в сторону, а у самого из глаз слёзы ручьём текут.

– Не противься, беги до дома, а там что-нибудь придумаем, – шепнул Гаврила обращённому в коня зятю, хоть и зол до этого был на зятя, а теперь его почему-то стало жалко.

Зять так и сделал, галопом поскакал домой.

А Гаврила развернул коня и помчался искать колдуна. Тот баню топил и веники из колючих веток боярышника вязал.

– Ты чего это наделал? – осадил Гаврила коня перед дедом.

– Учить – не мучить, колотить – не убить. Будет как шёлковый.

– Зять-то шёлковым станет. А дочь моя? Жеребят нарожает?

– Откуда же берутся черти? – уставился на Гаврилу колдун. – Женщины их рожают, – и заржал, как жеребец.

– Для кого ты веники с коллочками двухсантиметровыми? – спросил Гаврила и только тогда понял, для кого вяжет веники колдун.

– Может, попаримся? – потряхнул тот веником.

– Да пошёл ты! – попятился Гаврила и упёрся в чугун, наполненный

грязью, обернулся и, рывкнув, бросился прочь.

«Говорила же жена: не ходи до колдуна, не ходи. Так нет, не послушал её», – переживал Гаврила. Захотелось увидеть несчастную дочь. Потом решил убить её нового мужа, пока они не нарожали чертей вместо детей. И пусть его за убийство сошлют на кааторгу. Пусть ему остаток жизни придётся заживо сгнить на рудниках. Зато дочь свою спасёт. По дороге подобрал жердь.

– О, глянь, кто к нам в гости идёт, – увидев Гаврилу, заулыбался лошадиными зубами оборотень.

– Папенька мой! – словно опьянённая, бросилась с объятиями дочь.

Но Гаврила отстранил её рукой и, замахнувшись, с гаком ударил зятя жердью по голове. Тот вскрикнул, раскинув руки, опрокинулся на спину и закатил глаза.

– Что ты, батенька, наделал?! – упала с объятиями на мужа Анюта.

Раздался ужасающий гогот, потом закрутились вокруг пыльные вихри, зять дрогнул, руки и ноги у него потянулись и начали превращаться в лошадиные ноги с копытами. А потом и голова вытянулась в лошадиную морду. Вскочила Анюта и от испуга в объятия отца бросилась. На глазах самозванный зять в коня превратился, встал и зафырчал ноздрями. А сам задом к Гавриле пятится, копытом ударить целится.

– Да распрягите вы меня! – услышал Гаврила, глянул – зять, запряжённый в телегу, стоит.

Распрягли они зятя и в дом под руки увели, в постель уложили. Долго у того бока от ран заживали. А когда зять поправился, то изменился характером. Стал любить жену свою так, как никто не любил, на зависть всем. И больше никогда её даже пальцем не трогал. Сдувал с неё пылинки.

Отправился Гаврила поблагодарить колдуна, но не нашёл того. Куда он исчез – никто не мог сказать. Видели только, как над его домом густой дым из трубы кружился, а вместе с

дымом кто-то в небо вылетал. А кто – разве разберёшь издалека? А близко подойти побоялись...

ОВЧИНКА

Почему дедушка Ерёма начал рассказывать мне эту сказку – я не знал. Как обычно, я возвращался с речки и завернул к дедушке. Он сидел и о чём-то думал. Чтобы не отвлекать старика от дум, я осторожно присел рядом.

Мне не приходилось видеть дедушку за чертежами. Обычно он вот так же садился, думал, а потом вставал и принимался за дело. И всё, что он ни делал, переделывать не приходилось.

Всегда было интересно посмотреть, как из грубого и необработанного материала возникает красивый, сказочного вида теремок. Вот и веранда у дедушки напоминала теремок – такие же резные наличники, пропиленные узорчатые карнизы. А на крыше Конёк-Горбунок устремился в сторону облаков. Ещё немного – и взвьётся он выше облаков...

– Красиво, – любуясь конём, не выдержал я.

– Красота должна быть во всём. А иначе для чего ты делаешь?

– А если тебе неохота делать?

– Если взялся делать – делай. И ни от кого не жди помощи. Не как Осип.

– Какой Осип?

* * *

Жил-был Осип. И жил он так бедно, что бедней его никого в деревне не было. Спроси любого – кто самый бедный? Не задумываясь ответят – Осип.

Осип жил одиноко. Родителей не помнил. Вырос сиротой. Потому и был самым бедным. Хозяйства своего не имел, нанимался – кому сено покосить, кому дров наколоть. Ходил в обносках, но никогда не побирался. И хотя ему было под сорок, жену себе так и не нашёл.

– Тебе бы в отшельники пойти, – с усмешкой говорили Осипу.

Тот глотал обиду, а вечером приходил в церковь, становился на колени и истощно молился. Про горькую судьбу рассказывал. Спрашивал, за что с ним несправедливо поступает Господь. Просил смилостивиться и послать хоть чуточку денег, чтобы он смог обзавестись хозяйством и привести в дом жену. Но как ни молился, ничего в жизни не менялось. И стал Осип подумывать – не наложить ли на себя руки? Думать-то думал, но не решался на это. Страшно было. Сейчас света нет, а если помрёт? Вдруг там, на том свете, жизнь есть? А если есть, то и дьявол должен там быть. А если дьявол есть, то и ад! А потом подумал и решил шутя обратиться к дьяволу – попросить его о маленьком одолжении. За маленькое одолжение дьявол многого не попросит – разве кого обмануть. Да и вообще... Как иначе станешь богатым?

Как только подумал так Осип, сразу поспешил в церковь замаливать греховную мысль.

Помолившись и попросив прощения, он вышел из церкви, но не успел сделать и десятка шагов, как с ним поравнялся опрятно одетый в чёрный костюм мужчина лет сорока. На его руках, несмотря на тёплый летний день, были кожаные перчатки. Краем глаза Осип глянул на мужика. Тот не то что был незнаком, но и на деревенских непохож. Южный загар, чёрные волосы. И особенно глаза – что-то дьявольское светилось в них...

– Слышал, тебя нужда замучила? – стройным баритоном спросил незнакомец.

Осип подозрительно глянул на незнакомца: «Откуда он знает? Никому не жаловался. Видать, в церкви подслушал, когда молился. – Ещё раз краем глаза глянул на незнакомца: – На лице пыль, а у него туфли лаком блестят. И золотое пенсне на носу. Богат, видать, мужик». Хотел спросить, что надо незнакомцу, но побоялся обидеть. Промолчал.

Не дождавшись ответа, незнакомец продолжил:

– Много вас приходит в церковь. Молятся и молятся... Просят Бога по всяким пустякам. Если он начнёт выполнять все ваши прихоти, представляешь, что будет? Хаос начнётся. Ты же знаешь, что в голове у тебя творится. То одно, то другое. Короче, белиберда всякая. А ещё – повеситься хотел.

Осип вздрогнул. Об этом он никому не говорил. Хотел послать мужика подальше и, прибавив шагу, уйти. Но стало любопытно, откуда мужик узнал про повешение.

– Кто тебе про это рассказал? – спросил он.

– Да кто же из нас об этом не думал? Хорошо, что дьявола боятся. Не напрасно его Бог создал.

– Не к дьяволу же идти?

– К нему не обязательно ходить. Он сам явится. Было бы желание.

– Одно у меня желание – хоть чуть-чуть получше жить. Сколько уже прошу. И где твой дьявол?

– А ты ещё раз попробуй. Хочешь, вместе? – озираясь по сторонам, подхватил Осипа за локоть незнакомец. Тот не сопротивлялся.

– Как просить? Молитвой? – неожиданно проникся доверием к незнакомцу Осип.

– Это к Богу надо молитвой. Дьяволу достаточно слова, – перешёл на шёпот незнакомец.

– Да ну? – опешил Осип.

Он недоверчиво уставился на незнакомца. Смутное чувство, что тот лукавит, закралось внутрь. Но в чём лукавит – Осип понять не мог. Слишком нехорошо улыбались у того глаза, хотя лицо оставалось серьёзным.

– Сомневаешься? Тогда продолжай сомневаться, живи в нищете, а я опаздываю, – откинув крышку карманных часов, глянул на время незнакомец. – Мне пора, – защёлкнул он крышку и спрятал золотые часы в карман. – Будешь один, попроси. Слов много не надо, – и незнакомец быстрым шагом направился вдоль улицы.

Дождавшись, когда тот скроется, Осип сорвался с места и помчался домой. «Не мог обмануть он меня, – на бегу думал он. – Похоже, сам так разбогател. И мне из жалости советует. Не от себя же он, в конце концов, отрывает! Для безопасности сделаю фигу в кармане. Говорят, от нечистой силы спасает. Попрошу просто так. Для интереса. Обещать взамен ничего не буду», – старался Осип убедить себя, что сделает это из праздного любопытства, но в глубине души хранил надежду разбогатеть.

Когда пришёл домой, встал почему-то перед печкой на колени (возможно потому, что у неё чёрное зеву), сунул кукиш в карман и произнёс:

– Помоги мне, прошу. Дай то, что я просил у Бога.

На этом слова закончились. И как ни старался ещё что-нибудь выдать из себя – ничего не получалось. Заболели колени. «Вот те и попросил! Будут тебе и часы золотые, и пенсне на нос, кабы только всё это я унёс», – с сарказмом подумал Осип и лёг на кровать. Мыслей не было. Наступила апатия. Смотрел просто так в потолок и не заметил, как уснул.

Проснулся от чувства, что кто-то находится в доме. Открыл глаза. Закинув ногу на ногу, на стуле у окна сидел тот самый незнакомец и играл тростью.

– Проснулся? – улыбнулся он. – А то я забеспокоился. Двери нараспашку. Заходи, бери...

– Что у меня брать? Разве что жизнь, – опустил ноги на пол Осип.

– Жизнь тоже что-то стоит.

– Разве это жизнь? Такую жизнь захочешь продать и не сможешь. Кому она нужна? Только мне одному? И то...

– Ну, если и тебе жизнь не нужна? – в недоумении развёл руки незнакомец, а потом таинственно зашептал: – Чем жизни себя лишать, ты лучше по пальцу ножом чиркни. Крови каплю потеряешь, зато жизнь цела. Всё, что ни пожелаешь, вмиг исполнится. Живи и радуйся.

– Какая радость? У всех семьи как семьи... Дети растут. А у меня? Ветер в кармане гуляет – последнюю пыль выметает. Разве это справедливо? – навалилась на Осипа жалость к самому себе. Он всхлипнул.

– Будет тебе... будет... – присел на постель незнакомец и, поглаживая Осипа по спине, извлек из внутреннего кармана пиджака вчетверо сложенный листок. – Читай. Будешь богаче всех богатых. Что ни пожелаешь, вмиг исполнится.

– Неужели это правда? – всматривался в листок Осип.

Голова кружилась, руки дрожали, строчки прыгали перед глазами. Волнуясь, Осип не мог внимательно рассмотреть, что написано на листке. Одно он понял, что исполнятся все его желания. Надо лишь поставить под листком отпечаток пальца. И ничего больше взамен! А он столько молился... Сколько мозолей на коленях натёр! А тут, оказывается, много и не надо. Жизнь хотел загубить. А можно так легко жить!

– Надо только скрепить. А ну... – извлёк перочинный нож незнакомец. – Мог бы и я чиркнуть по твоему пальцу, но лучше, если ты... Вот и молодец! А теперь прислони палец к листку. Вот и хорошо...

Под текстом остался кровавый отпечаток пальца. Незнакомец быстро свернул листок и спрятал в карман.

– А когда богатства? – смотрел на порезанный палец Осип.

– Хоть сейчас. Но чтобы вмиг исполнялось, надо жертву...

– Неужто надо убить? – ужаснулся Осип.

– Что это я? Совсем запамятовал, в какой век попал. Сейчас человеческих жертв не приносят. Убивать никого не надо.

– А чью же тогда жертву?

– Курицу зубастую поймай.

– Где же я её, зубастую, найду?

– Увидишь, когда закукарекает. Как только закукарекает, ты её с насестей сними и в загон к купцу Петрову пусти. Она прокукарекает, даст тебе

знак. Ты бери быка за рога и веди за деревню, где камень в землю вкопан. Поверни голову быка, тот перевернётся на камень. А потом скажи: «Сколько людей знаю, столько крови желаю. Курица-жмурица, прошу тебя». И резать никого не надо. Домой вернись до восхода солнца, по сухой росе, и сразу ложись спать. Теперь всё только от тебя зависит, – напоследок похлопал незнакомец Осипа по плечу.

Как его звать – Осип забыл спросить. Да и надо ли теперь? Донёсся петушинный крик. Осип поспешил во двор. Там на насестях сидела рыжая курица и, вытянув шею, кукарекала. «Не к добру куры кукарекают. Зарубить бы надо, – вспомнил примету Осип. А потом опомнился: – Да что это я? К купцу надо быстрее её в загон». Схватив курицу под мышку, он поспешил к купеческому дому. Хорошо, что ночь на дворе, никто не увидит. А вот и загон. В нём стадо коров. Осип, опустив курицу на землю, подтолкнул её рукой. Курица взмахнула крыльями и взлетела. Покружив над стадом, она уселась быку на лоб и закукарекала.

– Что, плутовка, разоралась? Всех людей разбудишь, – сквозь зубы прошипел Осип и прислушался, нет ли сторонних звуков.

Вокруг стояла такая тишина, что слышно было, как светят на небе звёзды. И ни одного собачьего лая. Осип заскочил в загон, смахнул курицу с быка. Та, закудахтав, упала среди животных. Стадо задвигалось, готовое растоптать Осипа. Где курица – некогда рассматривать. Сделала своё дело – и хватит. Поймав быка за рога, потянул на себя. Бык не сопротивлялся, наоборот, его как будто кто-то подталкивал. Так и вышли за деревню. А вот и камень. Осип крутанул быка за рога, тот перевернулся на камень и замер на нём.

И только Осип собрался смахнуть рукавом пот со лба, как закудахтала курица. Даже напугала. Он хотел на неё матюгнуться, а потом вспомнил, что должен сказать. Стоило произ-

нести: «Сколько людей знаю, столько крови желаю. Курица-жмурица, прошу тебя». У хохлатой из клюва засверкали огромные клыки. Взмахнув крыльями, она впиалась в горло быка. Фонтаном брызнула кровь и обдала Осипа с головы до ног. Кровь почему-то оказалась холодной. Промокший насквозь Осип стучал зубами, а когда опомнился, сорвался с места и бросился бежать. Заскочив в дом, скинул одежды, наспех обтёрся попавшим под руку полотенцем и, упав на кровать, с головой завернулся в одеяло. И сразу же на него навалился крепкий сон.

Спал долго, проснулся после обеда. Не хотелось открывать глаза, чтобы не видеть вчерашних ужасов. Одежду-то он оставил на полу. Да и дверь, похоже, забыл запереть изнутри. Вдруг кто зашёл и увидел одежды? Подумают не то. Выглянул из-под одеяла и не поверил глазам. Вместо окровавленных рваных одежд на полу лежали купеческие наряды. «Что это?» – ущипнул Осип себя за ухо и вскрикнул от боли. Это был не сон. Он осторожно встал, прошёл к одежкам, внимательно их осмотрел. Одежды оказались его размера. На всякий случай оглянулся, хотя был в доме один. После этого начал одеваться. А вон и сапоги яловые, красного цвета, в самый раз по ноге. И только он натянул сапоги на ноги, как в дом вошёл Гордей, мельник местный. Осип давно заметил, что тот водит дружбу с нечистой силой. Не она ли ему колесо водяное крутит?

– Ты ли это? – растерялся Гордей.

– С перепою что ли? Узнать не можешь... – выпятил грудь Осип.

– Не своровал ли? – пялился мельник.

– Не у тебя ли? Иль ты думаешь, что только тебе носить такие наряды?

– Долг-то когда отдашь?

– Тебе мукой или как?

– Своей девать некуда. А вот если монетой звонкой...

– Возьми в своём кармане...

Гордей недоверчиво покосился на

Осипа и не успел сунуть руку в карман, как тут же выдернул. В кулаке у него сверкало два золотых червонца.

– Теперь-то забудешь о долге? – лукаво улыбнулся Осип. Он и сам не верил тому, что видел. Произнёс просто так, в шутку. А шутка воплотилась в желаемое.

– Чёрт! – попятился Гордей и, заревев, бросился бежать, но деньги не выпускал.

«Что же это получается, теперь любое желание исполнится?» – зачесал за ухом Осип, а потом стукнул кулаком по столу и громко крикнул:

– А ну, стол мне царский!

И только он произнёс, как на столе оказалось столько разных блюд, названия которых он даже не знал, разве что кроме похлёбки и затирки. Но этих блюд здесь не было.

«Сбылось», – радостной негой счастье растекалось по телу, в висках пульсировала кровь. С улицы донёсся шум. Осип выглянул и увидел, как к его дому движется толпа с вилами и кольями наперевес. А впереди толпы, извиваясь, семенил Гордей. «На кого это? На медведя, что ли?» – не сразу понял Осип.

– Осип с дьяволом связался! Сами увидите! – жестикулируя руками, кричал Гордей.

– С каким дьяволом? – вышел на крыльцо Осип.

– Агу его! – заорал Гордей.

Толпа полукругом двинулась на Осипа. И ни звука, только тихое сопение и свирепые взгляды из-под нахмуренных бровей. Гордей затесался внутрь толпы, а потом оказался и во все позади, вроде как он не при делах.

Осип понял, что даже в доме ему не спастись, поскольку настроенная на разрушение толпа не успокоится, пока не совершит задуманное. И он решил сменить её настрой, переключив внимание на то, о чём мечтают все.

– Берите и идите восвояси! – махнул он рукой, и перед толпой зазвенели золотые червонцы. Те бросились их собирать.

– Что вы делаете? Не подбирайте! Это нечистые деньги! – выскочил вперёд мельник.

Но Осип знал, что делает. Он был спокоен, и это спокойствие он передавал толпе:

– Не слушайте его. Он уже своё получил и в сундук спрятал. Собирайте и по домам расходитесь. Завтра ещё будут вам деньги.

Набив карманы монетами, люди направились по домам.

– Куда вы, хриstopродавцы?! – орал мельник. – За серебряники продались?! Тогда я его сам! – выкрикнув, он подхватил с земли вилы и бросился на крыльцо.

Осип не двигался. Слишком неожиданно всё произошло. Даже не почувствовал, как вилы пронзили грудь. Схватив за черенок, он выдернул вилы и посмотрел на четыре небольших дырочки, что остались в одежде. Ждал, когда хлынет кровь, но крови не было.

Гордей, поняв, что натворил, замер. По его каменному лицу тёк пот. Только тяжёлое хриплое дыхание говорило, что он не изваяние, а живой человек.

Осип запустил руку под одежды. Но что это? Пальцы не ощутили ни крови, ни дырок в теле. Тогда он рванул одежды и уставился на грудь. Несколько капель крови поползли вверх и исчезли там, где должны были остаться отверстия от рожковвил. Мельник попятился, непрерывно крестясь:

– Свят, свят, свят...

– Ну что, убил? – улыбнулся Осип.

– Дьявол! – заорал мельник и бросился бежать.

Только сейчас Осип понял, что он не только богат, но и бессмертен. Теперь ему бояться нечего. А если бояться нечего, то почему бы не пройтись по селу?

Давний друг детства, Прохор Захаров, в это время суетился возле бани. Он выделявал овчинные шкуры и не слышал о том, что случилось. Некогда было бегать за людьми, шкуры и так

плесенью покрылись. Не примись за них – сгниют. Вот и запашок неприятный. Хорошо, что не в бане... А то, что на улице вонь и людям неприятно – так Прохор ветру не указчик.

Вот на этот запах и вышел Осип, поскольку никого больше не смог встретить.

– Что это ты делаешь? – опёрся он на ограду.

– Вы, ваше благородие, вчера ещё сами этим занимались, а сегодня не помните.

– Что это ты меня благородиями обзываешь? Разве мы с тобой не друзья?

– Друзья, когда иначе нельзя. А теперь вы, ваше благородие, нам не чета.

– Да ладно тебе. Я поговорить к тебе пришёл. Вот скажи, почему одним всю жизнь везёт, а другим Бог не даёт?

– А много ли нам, холопам, ваше благородие, надо? Живы, здоровы – и на том спасибо.

– Разве это жизнь? Вот у меня теперь – это да! А ты в грязи и в вони...

– И это кому-то надо... Ты, ваше благородие, чего хотел? А то мне некогда. Работать надо.

Осипу стало обидно. Столько лет Прохор другом назывался. Полсела прошёл, чтобы найти, с кем поговорить. Только его одного увидел. А он гонит. Из-за зависти, наверное. А что другие? Из-за чего попрятались по домам? Не из-за зависти ли? И Осип решил сжалиться над другом:

– Чего ты мучаешься? Хочешь шубу царскую?

– Зачем она мне? – продолжал в ванне мять овчину Прохор.

– Наденешь – и будешь как царь.

– Отберут и посадят. Скажут: откуда у простолодина такая вещь?

– А если богатым станешь? Будет у тебя всё, что ни пожелаешь...

– Что же я тогда делать буду? Так и со скуки помру. Вот ты чего сюда пришёл? Делать нечего? Ходишь и отвлекаешь, – и Прохор, подхватив корыто, скрылся в бане.

Постояв ещё какое-то время, Осип поплёлся вдоль улицы. Хотелось похвастаться перед людьми, но те, увидев его, задёргивали занавесками окна.

«Правильно говорят: богатый нищего не поймёт. Теперь с богатыми придётся дружбу водить. Но вот примут ли в своё общество? Но люди-то... Деньги сгрести, а теперь смотрят как на прокажённого. И почему так? Не спросить ли незнакомца? Как его звать... Даже имя забыл узнать», – только подумал Осип о незнакомце, как увидел того в конце улицы. Осип бросился к нему.

– В одиночестве, говоришь, остался? – крутил тростью незнакомец. – За деньги теперь можно в жёны такую красавицу найти...

– А как же любовь?

– А кто кого любит? Все в своё удовольствие живут. Живи и ты.

– Поговорить не с кем. Все отворачиваются.

– Разве? Вон пёс бежит. Ты ему кусок мяса, он к тебе с любовью. И облизет с ног до головы, и выслушает.

– Да разве пёс мне ровня? Это же скотина!

– Он точно тебе не ровня. Он не как ты с ног до головы весь в крови.

– В какой крови? – опешил Осип. Незнакомца не было у камня. Не мог тот знать...

– Богатство твоё – это кровь человеческая. Если у одного добавляется, у другого убавляется. А у кого оно может убавляться, кроме бедных и нищих? Кто богат, тот ещё разбогатеет, а кто беден – станет ещё беднее. С голоду умирают, жизни теряют, чтобы такие, как ты, богатели.

– Зачем мне такое, чтобы у детей последний кусок отбирать?

– Сам того пожелал, когда душу продавал?

– Какую душу?

– Когда не Богу молился, а в помощники к дьяволу просился.

– Но ты же меня не предупредил...

– Ты знал, кого умолял.

– Не хочу я этого. Слышишь! Не

хочу! – схватил Осип незнакомца за грудки.

– Поздно. Договор кровью скреплён. И это ты знал, с кем бумаги кровью подписывают. Разве не так?

– Но я не буду вам служить!

– Тогда в огне гори! – махнул рукой незнакомец. Перед глазами вспыхнуло ярко-красное пламя. В нём корчились грешники, тянули руки к Осипу и умоляли спасти их. – И так вечность гореть будешь.

– Я Богу покаюсь! Прощения попрошу! – ревел Осип.

– Если сможешь к церкви подойти, – захохотал незнакомец.

Осип бросился к церкви. Но как ни старался войти в ворота ограды, не мог, будто упёрся грудью в невидимые резиновые жгуты и качался на них в попытке сделать шаг. А когда выдохся, опустил на землю:

– Я руки на себя наложу!

– Бессмертен ты. Или забыл? Умрёшь тогда, когда службу нам сослужишь. А сейчас живи и веселись. На том свете тебе это не представится. Будешь, как все грешники, гореть в огне, – сказал незнакомец и начал таять, превращаясь в прозрачное облако. Вскоре вовсе испарился, оставив Осипа посреди улицы.

«Овчинку вам? Для выделки? Вот она!» – от отчаяния прокричал Осип, рванул на груди рубахи и, захохотав как умалишённый, пустился в дикий пляс.

СУДЬБА

– Вот и закончил работу, – воткнул топор в бревно дедушка Ерёма.

Почему при окончании работы втыкали топор – я не знал. Но все, кого я знал, делали именно так. Наверное, обычай.

– Почему ты, дедушка, выбрал именно эту профессию? – спросил я.

– Судьба, – ответил тот коротко.

– А что такое судьба?

– Судьба? – задумался он. – А кто его знает? Расскажу тебе напоследок сказку. А там сам определяй ...

* * *

Максим отправился в лес по дрова. Пробираясь сквозь чащу, раздвинул ветки, смотрит – старуха на пне сидит, о чём-то задумалась, вроде как отдыхает. Рядом с ней ни лукошка, ни ведёрка. Зачем в лес пришла – только ей ведомо. А вдруг она не одна? Вдруг недалеко кто-то спрятался и со стороны следит? А старуха так – для отвлечения внимания.

Максим на всякий случай осмотрелся, но никого не увидел. Старуха же спиной к нему сидит и не замечает, что посторонний за ней наблюдает. Если выйти к старой чуть не так, можно её очень сильно напугать, даже до разрыва сердца. Лучше всего негромко кашлянуть, чтобы старуха могла услышать. Но что-то странное в старухе. Одежды на ней рваные, вроде как с медведем боролась. Максим не робкого десятка мужик, кряжист и телом крепок, но, представив себя в объятиях медведя, дрогнул. Вон и шаль рваная, плеч не укрывает.

– Извините, – кашлянул в кулак Максим.

Старуха обернулась и выцветшими глазами уставилась на незнакомца.

– Извините, – смутившись, повторил Максим. – Вы не заблудились случаем?

Старуха не отвечала, жевала губами.

Максим помнил всех жителей окружающих деревень, но старуху видел впервые. Он, горный казак, всех знал в лицо, чтобы не упустить горбунов. Так из-за заплечного мешка называли бродяг и беглых. Но за плечами мешка у старухи не было.

– Вы не заблудились? – громко переспросил Максим, посчитав, что старуха недослышит.

– Я-то нет. Но вот ты... – просипела та в ответ.

– Я вырос в лесу. Знаю его наизусть. Не заблужусь. Но вас вижу впервые. Потому и беспокоюсь.

– Как же ты мог видеть? Иль ты явился, чтобы узнать свою судьбу?

«Странная старуха, – по долгу

службы подозрительно смотрел на старуху Максим. – Но причём моя судьба? Ненормальная какая-то. А вдруг это ведьма? – пронзила догадка. – Вон и шаль на ней рваная, и волосы давно нечесанные. Возьмёт и наколдует. А я её арестовать... Надо быть поосторожней». И Максим спросил:

– Кто вы?

– Судьба твоя, – не мигая, сказала старуха.

Максим вздрогнул и чуть не выронил из рук топор. По телу пробежал холодок.

– Что ты мелешь, старая? – попятился он.

– У каждого есть судьба. И у тебя... Разве не так?

– Ты старая и беззубая, а я молодой. Врёшь всё! Ведьма ты! – приподнял над плечом топор Максим, чтобы, если что, изрубить старуху на мелкие куски.

– Руби, – косо ухмыльнулась та. – Смелей руби. Только не меня найдут порубленной, а тебя.

– Почему это меня?

– Разве ты видел, чтобы кто жил без судьбы? А ты – рубить...

– Чего же ты не во мне сидишь, а на пне?..

– Отдыхаю и думаю. Должна же я иногда отдыхать да и думать за тебя.

– Ха! Думать... Что же я с топором по лесу брожу? Взяла бы и придумала, как привезти воз дров... Не только мне нужно тепло, но и тебе.

– Можно и привезти. Давай попробуем, – согласилась старуха, но сама не двигалась.

Максим не понял, почему сорвался с места и с остервенением набросился на деревья, да так, что щепки из-под топора полетели в разные стороны. Ложились берёзка к берёзке, и вскоре образовалась куча дров объёмом на воз. Максим отбросил топор, схватил верёвку, заткнутую за пояс, стянул дрова и попытался вскинуть огромную связку на спину. Жилы в руках натянулись, как струны, ноги напряглись. Максим кряхтел, пыхтел, но поднять на спину дрова не мог.

– Хватит, надорвёшься, – сказала старуха.

Руки выпустили верёвку, Максим рухнул там, где стоял. Он не распорядился своей волей. Им скомандовала старуха.

– Что же получается: не я решаю, а ты? – отдышавшись, спросил он.

– Я ж твоя судьба, – ехидно сощурилась старуха.

– Зачем мне такая судьба, которая богатым меня не может сделать?

– А ты этого просил?

– Будто сама не знаешь... Разве забыла, сколько раз я молился?! А ты мне воз на спину грузить... Я что, же-ребец? Чуть не надорвался.

– Ты всю жизнь на меня роптал, что я плохая. А разве плохая судьба может для тебя что хорошее сделать?

– А что я должен о тебе думать, если ты не делаешь меня богатым?

– Какой ты судьбу называл, такой я и была. Вот и в лес сам пошёл. Я же тоже поторопилась, обогнала и решила на пенёчке тебя подождать.

– Зачем?

– Как же ты без меня? Хоть я и старуха, но и ты не моложе меня. Не смог старую обогнать. Отставать стал.

– Какой же я старик? – вскинул Максим брови. – Мне сорока ещё нет...

– Совсем забыла – у вас, людей, по годам старость определяют, а не по тому, каков внутри, – прошамкала беззубым ртом старуха.

– Я молодой! И при чём тут ты – старуха?

– По хозяину и судьба. Вот потому пришла в лес, села на пенёк и думаю.

– О чём?

– Помирать пора.

– Тебе – да. Старая совсем. Вся в лохмотьях.

– Где ты их увидел? – закрутилась старуха.

– Да хотя бы вон, шаль на плечах твоих дырявая...

– Так это не шаль. Это душа твоя.

– Врёшь, старая! – дёрнулся Максим.

– Зачем мне врать? Снаружи ты блестящий, а внутри гремишь, как сломанная игрушка. Вон и душу всю измахратил. И меня в старуху превратил. Потому и жизнь тебе немила.

– Откуда ты знаешь?

– Мне ли не знать? Я с тобой до самой смерти повенчана.

– Если ты судьба, то должна была вести меня в нужном направлении. А ты?..

– В тебе живу, по тебе и веду.

– Да что ты в самом деле?! – разозлился Максим.

И как не злиться? Он-то думал, что сам всё решает. Никогда не верил ни в какую судьбу. А теперь выясняется, что от какой-то старухи всё зависело. Это она испортила ему всю жизнь. Разве ей трудно было сделать так, чтобы он разбогател? Тогда и сама бы не превратилась в старуху. И душу бы он сберёг и не истрепал в лохмотья...

– Помнишь, ты хотел богатым стать? – вернула на землю старуха.

– Ну? – напрягся Максим.

– Я тебя к пещере подвела. Тебе оставалось только насмелиться и шагнуть внутрь. А ты испугался и упёрся ногами. Как я ни старалась, не смогла тебя с места сдвинуть.

– Страшно было. Вдруг в пещере медведь?

– Тебе оставалось войти в пещеру и наклониться. Самородки у самого входа лежали.

– Ну не получилось! Ну и что?! Другого ничего не могла придумать?!

– И другое придумала. Бугровщики раскопали курган – тебе оставалось только догнать их. А ты побоялся.

– Я один, а их пятеро... Как бы я справился?

– Я бы не подвела, будь у тебя смелость. Поймай тогда бугровщиков –

по службе бы продвинулся. Воеводой бы стал. А ты испугался.

– Что ты всё время обвиняешь? Сама не справилась, вот и сваливаешь всё на меня.

– Судьба ведёт, когда ты не боишься. А иначе останешься там, где топчешься. Она бы сама могла пойти, будь у неё ноги.

– А это у тебя что? – указал Максим на её поджатые ноги.

– Неходячие они.

– Что же ты раньше молчала? Села бы мне на плечи и сказала, мол, так и так – смелым надо быть. А ты промолчала, теперь меня обвинять...

– Не могла я тебе сказать. Запрещено нам это.

– А сейчас что? Разрешили?

– Разрешили. Но только тебе одному...

– А вдруг я проболтаюсь...

– Не успеешь. Смерть за тобой пришла.

– Какая смерть? – опешил Максим. Было дело, призывал он смерть. Но когда услышал о ней, почему-то расхотелось видеть её. И он выпалил: – Не хочу я умирать!

– А кто ж тебя спрашивает? Ты, вместо того чтобы жить в радости и счастье, изводил себя. Сам устал и других измучил. Пойду. Мне пора.

– Постой! Кому ты нужна, старая? А я бы ещё тебя потерпел. Мне не привыкать...

– С тобой я старуха. А встретить младенца – молодой стану. Какой человек – такая и судьба. Беречь надо то, что имеешь. А ты не раз проклинал меня, – сказала старуха и направилась в лес.

Неожиданно у Максима кольнуло в груди. Он схватился за сердце. Ему уже не хотелось роптать на судьбу – хотелось жить...